

НА Б ЕВОМ ПОСТУ

№2

февраль

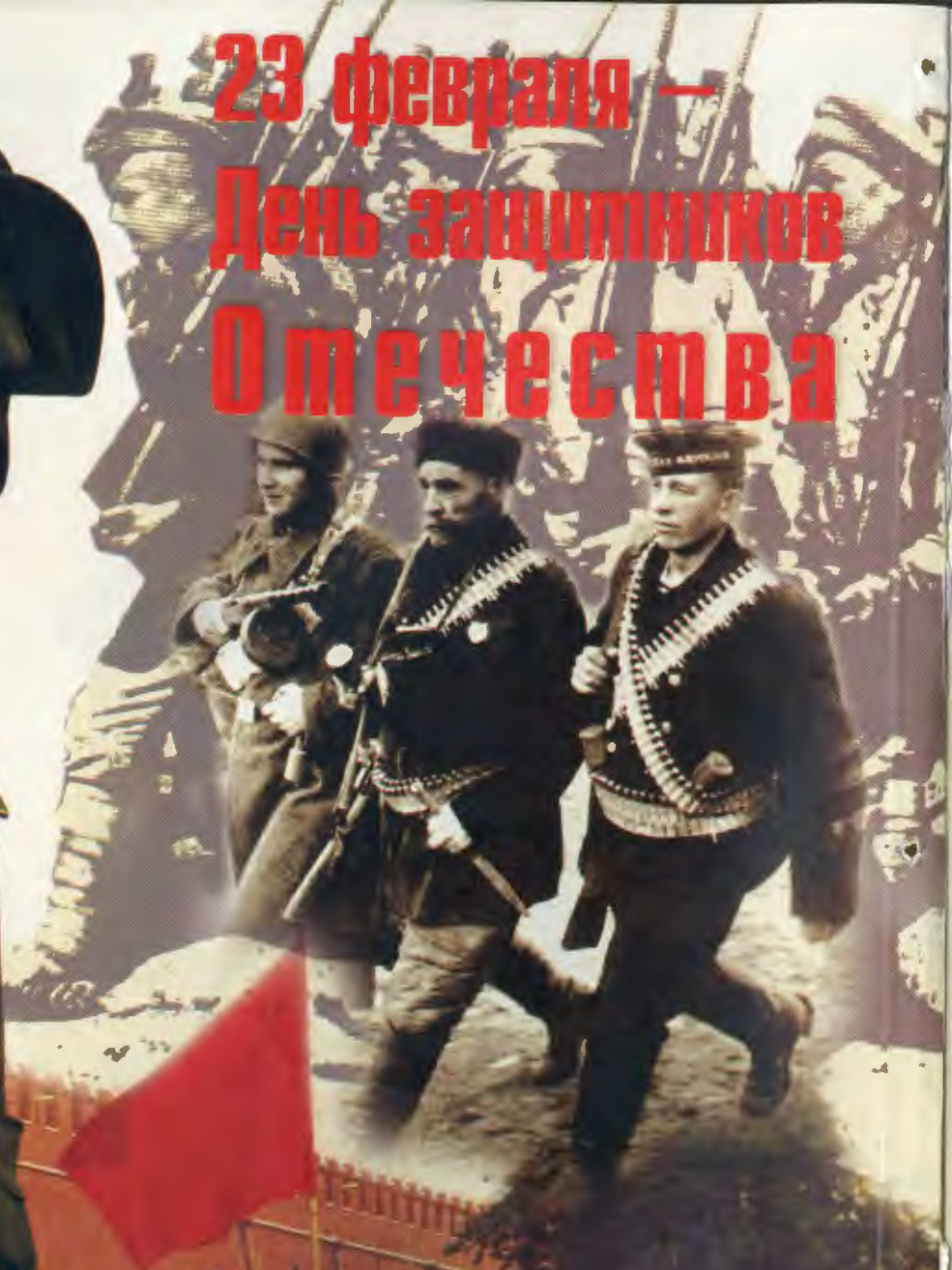
2002

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК | МВД РОССИИ

**УНИЧТОЖАТЬ БАНДИТОВ
И ВОССТАНАВЛИВАТЬ
МИРНУЮ ЖИЗНЬ**

**23 февраля —
День защитников
Отечества**

НА Б БОВОМ ПОСТУ №2

февраль 2002

В номере:

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АЩУРКОВ И.А.,
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного редактора — ответственный секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного редактора), ЕРМАКОВ П.И., ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАЗАКОВ Н.Н., КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П. (зам. главного редактора), КОЛЕСНИКОВ С.С., КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В., МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г., ОБРЕВКО В.М., ПАНЧЕНКОВ В.В., СЕНОКОСЕНКО Л.Ф., СВИТКО Е.В., ТОНКОНОВ В.П., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление
БАННИКОВ А.Ю.,
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото НИКОЛАЙЧУКА В.Н.

Издается с 1958 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.
Имеет приложения:

газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и
литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 14.12.2001
Подписано к печати 21.01.2002
Формат бумаги 84x108 1/16.
Общий тираж изданий 15 000
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 11 Зак. № 193
Индекс для индивидуальных подписчиков — 70610
для предприятий и организаций — 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

ОФИЦИАЛЬНО

2 Уничтожать бандитов и восстанавливать мирную жизнь

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

4 Д. КОЗЛОВ
Маршрут был неизвестен

СЛУЖБА

5 Ю. СОЛОВЬЕВА
Принципы полковника
Боронило

ПРОФЕССИОНАЛЫ

7 А. МАКАРОВ
Слухач

МУЖЕСТВО

8 Р. ДУРКАЧ
Подарок ценою в жизнь

ЮБИЛЕЙ

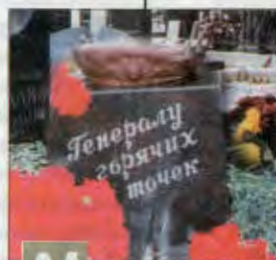
10 В.БОЛТИКОВ
Полвека на охране объектов государственной важности

33 А. КИРИЛЕНКО
Газета — спутница солдата...

36 И. СОФРОНОВ
Украшение любого торжества

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

13 Р. МАРКИН
Негромкая правда

В. ПАНЧЕНКОВ
Общественное признание солдата
правопорядка **15**

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
А. ВЛАДИМИРОВ
Дисбат **17**

К 200-летию МВД России
А. БОРИСОВ
Министерство внутренних дел:
страницы истории **21**

ИМЯ В ИСТОРИИ ВОЙСК
Б. КАРПОВ
Краповый берет генерала Шаталина **24**

ПАМЯТЬ
Д. КОЗЛОВ
Памяти военного журналиста... **37**

ЛИТЕРАТУРА
Ю. РАЗУМОВСКИЙ
Мы шли — мальчишки — по войне (стихи) **39**

Н. КАЗАКОВ
Мотив для убийства (повесть) **41**

СПОРТ
А. КУДРЯШОВ
Чемпион мира — «краповик» **61**

КАЛЕЙДОСКОП
КРОССВОРД **64**

© Журнал «На боевом посту», 2002

Адрес редакции: 107120, Москва, Б-120, Сыромятинский проезд, 8
Телефон для справок: 361-81-71 Тел./факс 917-72-66 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

УНИЧТОЖАТЬ БАНДИТОВ И ВОССТАНАВЛИВАТЬ МИРНУЮ ЖИЗНЬ

27 декабря 2001 года в штабе группировки внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона были подведены итоги служебно-боевой деятельности находящихся здесь войск за прошедший год.

Накануне руководители Министерства внутренних дел отчитались перед Президентом Российской Федерации. Владимир Путин подчеркнул, что особое внимание он уделяет Северному Кавказу. Чтобы получить наиболее объективную информацию об обстановке в стреляющем регионе, для специального доклада в Москву был приглашен командующий войсками Северо-Кавказского округа внутренних войск генерал-полковник Михаил Лабунец.

Владимир Путин указал на необходимость конкретных результатов стабилизации обстановки на Северном Кавказе. Верховный Главнокомандующий потребовал повысить эффективность служебно-боевой деятельности и улучшить боевое состояние войск.

Открывая совещание в штабе группировки, главнокомандующий внутренними войсками МВД РФ генерал-полковник Вяче-

слав Тихомиров отметил, что войска имеют достаточный потенциал, чтобы выполнить требования Президента. За минувший год многое для этого сделано. Однако очень важно сосредоточить внимание на недостатках и просчетах, чтобы не повторять их в 2002 году, и в ближайшие три месяца добиться конкретных результатов по наведению порядка в республике.

На совещании выступил командующий группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона генерал-лейтенант Николай Гаридов.

Характеризуя обстановку, он сказал, что в 2001 году в Чечне действовали несколько крупных группировок бандитов. Они изменили свою тактику — начали крупномасштабную минную войну. Не только сами устанавливают взрывные устройства, но и подкупают рабочих, которые ремонтируют дороги. В последнее время стали использовать перспективное минирование. К примеру, камуфлируют взрывные устройства под дорожные столбики и взрывают их тогда, когда появляется возможность нанести как можно

большой урон нашим войскам.

Сейчас отмечается активизация деятельности боевиков в равнинной части Чечни. В горах многие их базы с оружием и продовольствием уничтожены, поэтому они вынуждены располагаться ближе к населенным пунктам. А там у них много сочувствующих. В Наурском районе в конце прошлого года получили временную регистрацию более четырехсот мужчин в возрасте от 20 до 35 лет. Активно вербуют в бандформирования мужчин от 18 до 25 лет из малоимущих семей. Надежной статьей дохода для многих чеченских подростков стало сотрудничество с бандитами. Сообщить по телефону или установленным сигналом о приближении федеральных сил, отнести-принести что-либо, другие услуги — все имеет свои расценки, и выплаты не задерживают.

Командующий отметил, что в апреле — начале мая боевики могут активизировать свои действия. Готовиться к недопущению этого следует уже сейчас. Чтобы не повторились события, которые произошли в Гудермесе осенью 2001 года. Тогда, еще в августе, части и подразделения получили

план проведения первоочередных подготовительных и профилактических мероприятий. Однако многое не выполнили. Ошибки пришлось исправлять ценой неоправданных потерь.

Одна из задач внутренних войск на 2002 год — оказание помощи местным органам власти. Но они зачастую не владеют обстановкой. За прошедший год боевики провели двенадцать терактов. В результате погибли десять глав временных администраций. Из-за несогласованности действий местных органов внутренних дел и федеральных сил, отсутствия специального склада для хранения изъятого у боевиков и местного населения оружия оно нередко снова оказывается в руках боевиков. Его приходится изымать по второму, третьему, а то и четвертому разу.

В 2002 году планируется сократить группировку внутренних войск на Северном Кавказе. Но при этом объем выполняемых военнослужащими задач останется прежним. Для этого предстоит перегруппировать силы и средства, повысить эффективность проводимых мероприятий.

Практика прошлого года подтверждает, что лишь внезапность, немедленное реагирование на действия боевиков, тесное взаимодействие оперативных, разведывательных, специальных, артиллерийских подразделений приводят к успеху. Примером тому — прошлогодние действия войск в Курчалоевском районе и Грозном (январь), в Шалинском, Веденском, Ножай-Юртовском районах (ноябрь-декабрь). В результате проводимых тогда операций уничтожили или задержали некоторых лидеров бандформирований, сотни рядовых боевиков, изъяли большое количество оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

Наибольших результатов войска достигают в ходе оперативно-поисковых и разведывательных мероприятий.

Оправдывают себя адресные мероприятия разведывательных и специальных подразделений по

задержанию или уничтожению лидеров бандитов. За несколько дней до Нового года таким образом уничтожили лидера крупной группировки Далаева — организатора подрывов и обстрелов в одном из районов республики.

Много нареканий командующий высказал в адрес подразделений, несущих службу на заставах и контрольно-пропускных пунктах. Неустроенный быт, бесконтрольность, равнодушие, нередко халатность отдельных должностных лиц приводят к неоправданной гибели военнослужащих.

Удачно в прошлом году действовали артиллерийские подразделения. В дивизионе, которым командует подполковник Виктор Л., использовали метод кочующей батареи. В результате в несколько раз эффективнее стали выполняться огневые задачи. До 80 процентов повысило вероятность поражения противника использование переносной радиолокационной станции "Фара".

Генерал Н.Гаридов особо отметил действия авиационных экипажей. Благодаря мастерству летчиков удалось сохранить жизнь многим раненым военнослужащим, которых быстро доставляли к месту оказания им медицинской помощи.

Медики помогли сотням раненых, возвращая к жизни порой самых безнадежных.

Ежедневно на семьдесят два маршрута выходят инженерно-разведывательные дозоры. Интенсивность минной войны в минувшем году увеличилась в два раза. В результате этого потери войск возросли на 19 процентов. Причем большинство из них случилось по вине командиров подразделений, не имеющих опыта командования людьми.

Зачастую для замены прибывают недостаточно подготовленные военнослужащие. Здесь же учиться некогда.

Серьезные недостатки допускаются при движении колонн: частая несогласованность при планировании маршей, организации взаимодействия с сопровож-

дающими войсками, отсутствие надежной связи.

2002 год не станет легче. Планируется проведение выборов руководства республики, принятие конституции, возвращение беженцев. Для стабилизации обстановки Правительство РФ приняло программу развития Чеченской республики на 2002 — 2003 годы. Предполагается восстановление предприятий пищевой промышленности и по производству строительных материалов, возобновление работы высших и средних учебных заведений. В связи с этим не исключены вооруженные выступления противников восстановления нормальной жизни. Не допустить этого — одна из задач внутренних войск.

На совещании выступил командующий Объединенной группировкой войск России на территории Северо-Кавказского региона **генерал-лейтенант Владимир Молтенской**. Он отметил, что восстановить мирную жизнь в Чечне можно лишь при тесном взаимодействии с местными администрациями, органами внутренних дел, населением.

Главкомандующий внутренними войсками МВД России **генерал-полковник Вячеслав Тихомиров** в своем выступлении предупредил, что в нынешнем году со стороны боевиков возможны попытки захватов населенных пунктов, как это было в прошлом году в Урус-Мартане, Аргуне, Гудермесе.

Следует не снижать темпов боевой учебы в местах постоянной дислокации. Люди должны готовиться к выполнению задач, поставленных перед военнослужащими группировки внутренних войск на Северном Кавказе.

Завершая совещание, генерал-полковник Вячеслав Тихомиров и генерал-лейтенант Владимир Молтенской вручили военнослужащим внутренних войск государственные награды и ценные подарки.

Отдел войсковой жизни

МАРШРУТ БЫЛ НЕИЗВЕСТЕН

Отдельный разведбат Московского округа внутренних войск "Пересвет" образован в 1997 году. На его счету более сотни блестяще проведенных спецопераций. В октябре 2001 года "Пересвет" занял 1-е место среди частей спецназначения в группировке внутренних войск на Северном Кавказе.

— Завтра через Заводской район пойдет чеченский караван с оружием. Точный маршрут, время выдвижения, состав банды неизвестны. Наша задача — перехватить оружие и уничтожить боевиков. Время готовности к спецоперации — три часа. Действовать будем двумя группами...

Отдав предварительные распоряжения, капитан Азамат Пизатуллин набросал на схеме местности план действий.

Вечером следующего дня обе группы батальона разведки начали поисковые мероприятия. Незаметно двигаясь по "зеленке" вдоль дорог и троп, которые вполне могли стать основными или запасными путями выдвижения и отхода боевиков, бойцы приближались к радиозаводу.

— Может, информация неверная? — шепотом спросил командира старший лейтенант Дмитрий Романцев. — Четыре часа лазаем тут на брюхе, а "чехов" — ни слуху ни духу.

— Источник информации надежный. Появятся они появятся, только вот где и когда? Подкорректируем наши действия. Ты, Дмитрий, оставь секрет у до-

ма отдыха, а сам иди с первой группой вдоль лесополосы. Я спущусь к озеру. Тогда точно не упустим.

Слева послышался шорох, из травы вынырнул рядовой Турков:

— Товарищ капитан, у озера "духи", больше десятка, вроде груженные.

— Дмитрий, ползи к старшему лейтенанту Повальному, вместе со своими помоги ему отрезать "чехам" дорогу назад. Турков, возвращайся в дозор, продолжай наблюдение. И смотри, никакой самодельности. Пусть даже в метре от тебя пройдут — не высывайся, жди, пока не подойдет группа. Прапорщик Кузьмин, Дима, возьмите толковых пулеметчиков и постарайтесь прижать боевиков к озеру, а мы основными силами попробуем их туда отогнать.

...После первых же выстрелов из ВСК бандиты развернулись в боевой порядок и открыли ответный огонь из гранатометов, пулеметов и автоматов. Прикрывая тыл, начали медленно отходить к "зеленке". Но там их ждал очередной сюрприз. Дозорное отделение вместе с подоспевшей второй

группой шквальным огнем отрезало боевикам путь к отступлению.

Побросав тюки с оружием и боеприпасами, "чехи" предприняли попытку прорыва из огневого мешка. Используя складки местности для защиты от пуль разведчиков, не прекращая вести огонь, оставшиеся в живых бандиты короткими перебежками направились к развалинам дома отдыха в надежде укрыться там. Когда до спасительного здания оставалось всего несколько метров, из выжженных еще в первую войну оконных проемов раздались автоматные очереди занявшего там позиции секрета. Завязалась короткая схватка, в ходе которой еще пара "духов" осталась лежать на земле. Убедившись, что прорыв не удался, бандиты пошли по единственному оставшемуся пути — обратно к озеру. Но добраться до него они так и не успели. Несколько пулеметных очередей остановили боевиков.

Результатом этого полуторачасового боя стало уничтожение еще одного караванного пути, изъятие нескольких десятков стрелкового оружия и боеприпасов к ним, около 15 килограммов тротила, мин различного типа.

Лейтенант Денис КОЗЛОВ
Фото Александра БУТКЕВИЧА

Принципы

ПОЛКОВНИКА БОРОНИЛО

Было имя — 46-я бригада, было знамя, была печать. И еще люди, собранные едва ли не со всей России. Больше ничего не было. Там, где должен быть военный городок, — непаханое поле с травой в человеческий рост...

Полковник Владимир Боронило оглядел строй. Неровный, как говорится, с бору по сосенке. На новобранцах еще необмятая форма. Здесь те, кто, подписав контракт на два года, оказался на самом переднем крае чеченской войны. И кто-то из тех, еще никогда не нюхавших пороха, уже поинтересовался:

— Когда же первая операция?

— Для начала вам объяснят,

что такое автомат и как из него стрелять. Стрелять так, чтобы попадать в цель. Что такое взвод, рота и батальон...

Владимир Боронило шагал вдоль строя, говорил и одновременно вспоминал, как сам когда-то надел военную форму. Его выбор был легким и одновременно тяжелым. Стать военным — это однозначно. А вот какую при этом специальность выбрать? Старший брат — танкист, дядя — артиллерист. Победил пример отца — офицера внутренних войск. А дальше — саратовское училище. Затем путь от взводного до комбата, учеба в академии и с 1995 года — Чечня. Служил в 101-й бригаде со дня ее создания и до вывода из республики.

В городке кипела стройка. Уже можно было понять, что это именно военный городок. Восстановили полуразрушенные здания, рыли котлованы под новые. Стройными рядами стояли палатки.

И строй перед ними был уже далеко не тот, что несколько месяцев назад.

Заместитель командира бригады по чрезвычайным ситуациям полковник Владимир Боронило оглядел свое войско.

Ладная форма, четкий строй, да и лица в нем давно уже узнаваемы. Правда, многие и отсеялись, но это нормально, бригада только крепче будет.

— Все вы теперь умеете стрелять, воевать в составе своего подразделения, — обратился он к

личному составу, — и все же для боя с опытным противником этого мало. Опыт — дело наживное. И сегодня мне нужно, чтобы вы набрались терпения, поверили в свои силы и поняли, что любая задача вам по плечу. А для этого будем и дальше учиться воевать.

Сам полковник за половину прошлого года провел свыше ста сорока операций. За это время окреп разведбат бригады. Он действовал уже совместно с опытными отрядами спецназа, подразделениями ГРУ.

Наиболее яркая страница — участие бригады в июне прошлого года в ликвидации банды Бараева. Без четких и слаженных действий разведчиков бригады победа над бандой была бы невозможна.

Помимо этого, были уничтожены полевые командиры Адам и Спартак, задержано четверо пособников Бараева и Басаева, а также две женщины — члены ДРТ "Джихад-3".

А был еще и Аллерой в августе, где полковник Владимир Бороново руководил войсковым оперативным резервом. Тогда удалось задержать свыше семидесяти активных членов НВФ, в том числе снайперов, подрывников. Изъяли мины и фугасы, оружие, гранаты, наркотики.

Но не только разведбат был под опекой замкомбрига по чрез-

вычайным ситуациям. Боевой работы хватало и оперативным батальонам бригады. В горной части Чечни поработали гудермесский и червленский батальоны. Дошли до Ведено и Дарго — самого бандитского логова. Одних только схронов с оружием и медикаментами уничтожили двадцать девять.

Полученная закалка помогла потом и при боях в Гудермесе в сентябре, когда умелыми действиями личного состава удалось сорвать план бандитов уничтожить колонну батальона.

Городок бригады не узнать. Настоящие улицы, двухэтажные дома, столовые, баня. Кажется, что здесь идет обычная мирная жизнь. И полковник Бороново в своем кабинете в новеньком здании штаба бригады, сидя за столом, никак не оправдывает свое пущенное за глаза прозвище — Человек-война.

В кабинете тесно. Здесь и разведчики, и саперы, и офицеры оперативных частей. Идет подготовка к очередной спецоперации. Собравшиеся офицеры в большинстве своем молоды и возмужали за тот год, что существует бригада. Им служить на Северном Кавказе еще долго, и потому они так внимательно слушают своего командира.

А полковник Владимир Бороново говорит, как всегда, неторопливо:

— На войне свои принципы жизни. Первое — это то, что к каждой операции надо готовиться как к своей первой и решающей. А второе — нельзя недооценивать противника. Боевиков можно ненавидеть, презирать, но только не считать их дилетантами. Это профессионалы, они знают, на что идут, обучены воевать и имеют огромный боевой опыт. Их действия тактически грамотны — засады, налеты. Как это было в Шелковской или Гудермесе. Они могут планировать, правильно применять вооружение, вырабатывать тактические маневры, четко взаимодействовать. Партизанские методы позволяют им действовать и тогда, когда они уступают федеральным войскам по численности и вооружению. Недооценка же противника всегда ведет к тяжелым потерям. — Он еще раз оглядел офицеров и продолжил: — А чтобы противостоять этим профессионалам на равных, надо постоянно учиться и самим. Есть условия мирной жизни, есть принципы войны, и, к сожалению, жить нам пока здесь придется по вторым.

Прапорщик Юлия СОЛОВЬЕВА
Фото автора, Андрея МАКАРОВА,
Виктора БОЛТИКОВА

КОГДА разведрота на жаре, поднимая берцами тучи пыли, с полной выкладкой бежала на занятия в городок, младший сержант неторопливо шел на свой пост — стоящую на отшибе будку с высокой антенной над крышей.

Разведчики штурмовали полосу препятствий — преодолевали трехметровую стену, по-обезьяньи ловко пробирались над канавой по натянутой проволоке, вжимаясь в землю, ползли по-пластунски.

А он, приняв у сменщика пост, поправив очки с толстыми стеклами, включил настольную лампу и вентилятор, направляя его больше на аппаратуру.

Загорается шкала приемника, сканер пробегает диапазон, вылавливая голоса из эфира.

— В районе, кто слышит меня?

— Здесь Керим.

— "Собаки" есть?

— Нет, уже уехали...

Значит, спецоперация закончена. Обычно не надо ждать, когда разведгруппа вернется в расположение части. По разговорам в эфире уже ясен результат. Особенно если "духи" переходят с чеченского на русский, выходят на нашу волну и сыпят проклятиями в адрес военных, детально описывая, что бы они с нами сделали, если бы поймали. Впрочем, наши в долгу не остаются.

Со своим незаконченным высшим среди нынешних солдат с во-

семью-девятью классами образования сержант словно профессор. Ему и учиться в институте оставалось не так много, да просто не хватило денег. Вроде и учить должны бесплатно, а по сути, что ни шаг, то отстегивай. Ну а прервал учебу — сразу повестка из военкомата. Учебка, а когда прослужил полгода, направили сюда, в Чечню. Должность самая рядовая — стрелок.

...Это только в фильмах и книжках враги в эфире говорят четко и ясно, чтобы понял и уловил смысл вражеских козней самый туповатый зритель и читатель. На деле эфир доносит смазанные, непонятные фразы, слова с проглоченными окончаниями, разговоры идут вокруг да около, полунамеками. И ты, вслушиваясь в чужую речь, пытаешься уловить хоть крупницу ценной для разведки информации.

— Вы где? Как у вас?

— На крыше, дым на нас несет, все глаза выел...

Рука оператора снимает трубку связи с дежурным.

Известно направление, примерная дальность. Оставалось только на месте в Грозном найти горящее здание и прикинуть, куда идет тот самый дым. И вскоре все тот же голос уже хрипел в эфире, отказываясь от помощи:

— Я ранен, лучше уходите...

...В рядовых стрелках он проходил месяц, пока не подошли вечером двое крепких парней в зеленых беретах.

— Ты такой-то? Правда, что четыре языка знаешь?

— Нет.

Парни недоуменно переглянулись.

— Шесть языков знаю. — И он стал загибать пальцы, перечисляя: — Польский, чешский...

— А чеченский?

— Если надо, выучу.

Через несколько месяцев он уже нес вахту в эфире.

Чеченский язык тяжелый, почти без правил. Да еще диалекты, горная Чечня, равнинная, бывает, и единоверцы не могут понять друг друга.

Всего несколько слов, пойманных в эфире, в который раз заставили взяться за телефон. Кто-то вышел в эфир на чеченской частоте и сообщил о выходе колонны.

Через несколько минут место передачи окружили и начали прочесывание местности.

Солдат на броне БТРа порой и не знает, куда едет. Прибудет — там взводный задачу и поставит. А тому ротный. Сам ротный от комбата задачу получил. И уж совсем мало кто знает, что причиной тревоги послужили несколько пойманных сержантом в эфире слов.

И командир разведбата 46-й бригады, рассказывая о многочисленных операциях, захвате Бараева, не забывает похвастаться и упомянуть своего сержанта-полиглотта.

А еще его нельзя было фотографировать, пусть на снимках будет его товарищи на полосе препятствий, да и имя просили не называть. Пусть он так и будет, как услышал в обрывке разговора — Слухач — гроза бандитов и страж эфира, младший сержант из разведбата 46-й отдельной бригады оперативного назначения.

А тех, кто караулил колонну, поймали. Затаились двое невдалеке от бригады, наблюдали.

Окружили, повязали. Оружия при них не было, только хорошая импортная радиостанция. Задержанных передали в ОВД, и что с ними дальше, неизвестно. А колонна ушла на задание.

Подполковник Андрей МАКАРОВ

ВТО морозное утро личный состав полка выстроился на плацу. Доклад командиру, постановка задач, в общем, день как день. Не обычным он был разве только для заместителя командира разведроты старшего лейтенанта Евгения Ткаченко. На разводе командир вручил ему орден Мужества.

— Поздравляю, Евгений Алексеевич, ты его получил по праву, — по-отечески пожимая руку, сказал подполковник.

После развода начиналась будничная работа. В разведроту по плану боевая подготовка. Старший лейтенант Евгений Ткаченко вместе с личным составом взвода на учебном поле. До седьмого пота отрабатываются действия малых групп на условном разведывательно-поисковом мероприятии. Бойцы оттачивают мастерство разведчика. Принцип “тяжело в учении, легко в бою” не раз себя оправдывал в условиях боевых действий и спасал жизнь бойцов. Командир выкладывается по полной программе, личный пример — это залог успеха. Разведчики действовали быстро, четко и слаженно. Ведь там, в Чечне, от каждого из них зависит не только успех всей операции, но зачастую и жизнь товарища. Поэтому осечки быть не может. Время близится к обеду, на сегодня занятия окончены. Подводятся итоги, и мы отправляемся в расположение роты.

— Ну вот, день прожит не зря, — снимая с себя снаряжение, с улыбкой сказал Евгений. Первое, что бросилось в глаза, — это, конечно же, планка ордена Мужества, красовавшаяся на груди молодого офицера. — Это мой первый орден, получил еще в 99-м, — поймав мой удивленный взгляд, поясняет старший лейтенант, — а второй еще не успел обмыть, поэтому носить не положено — такой уж у нас закон.

Нельзя было не заметить и две планки желтого цвета на правой стороне.

— Да это так — чуть-чуть зацепило, — с легкой усмешкой пояс-

ПОДАРОК ЧЕЧНОГО В ЖИЗНЬ

няет мой собеседник.

Евгений всегда хотел служить в армии. Откуда появилось такое желание, сам не знает, ведь у него в роду не было военных. В 14 лет собирался пойти учиться в суворовское училище, но мама отговори-

ла. А после окончания школы, когда встал вопрос о выборе профессии, он уже не сомневался, что судьбу свяжет с армией. Тем более в родном городе было военное училище. Так Евгений стал курсантом Омского высшего дважды Краснознаменного общевойскового командного училища им. М. Фрунзе. Закончив общевойсковой факультет ВОКУ в 1999 году, Евгений распределился во внутренние войска. Для войск из училища отбирались всего 14 человек, поэтому оказаться в числе избранных было не так просто. Не последнюю роль в этом сыграл и красный диплом. Молодой лейтенант был назначен командиром взвода в разведывательную роту. Однако принять дела и должность он так и не успел. По прибытии в часть его ждала первая командировка в Дагестан. С 12 мая Евгений со своим взводом стоял на заставе, на правом берегу реки Терек, а 28-го был тяжело ранен. Боевое крещение молодой лейтенант получил на Гребенском мосту.

— Висел сильный туман, видимость была почти нулевая, — рассказывает Евгений, — около 2 часов “духи” открыли по нам огонь, палили из всего: с “Алазани”, минометов, пулеметов. Не скрою, первый бой — это всегда страшно, тем более что басаевцы предприняли в эту ночь массированную атаку. Поначалу я даже растерялся, но мне повезло. Меня окружали опытные люди, закаленные еще первой кампанией. Раньше всех в трудный момент пришел на помощь старшина роты старший прапорщик Александр Шевчук, за плечами которого было достаточно таких боестолкновений. Ребята действовали слаженно. Мои команды выполнялись четко. Бандиты получили достойный отпор. Но, к сожалению, не обошлось без потерь, в эту ночь у нас погиб офицер.

Утром в ближайшем селении была проведена зачистка. Вернувшись на заставу, разведчики расположились позавтракать. В это время вблизи блокпоста собралась недовольная толпа местных жите-

лей, и кто-то выстрелил из "Мухи". Снаряд разорвался в нескольких метрах от ребят. Бог уберег, жертв не было. Четырнадцать разведчиков получили осколочные ранения.

— Кусок железа попал мне в левый глаз, оторвало веко, — вспоминает Евгений. — Когда я очнулся, медик успокаивал, мол, будешь теперь у нас Кутузовым. Помню, после этих слов меня как током прошибло, мурашки по всему телу. Но мне очень повезло. В это время в Моздоке находился начальник Генштаба, генерал армии Квашнин, и меня на его самолете отправили в Москву. Была проведена серия операций, ну, в общем, благодаря усилиям врачей мне сохранили глаз и зрение. Потом еще ряд пластических операций — и как будто ничего и не было. После госпиталя прошел курс реабилитации. В отпуск решил не ехать, попросился к себе в роту. По возвращении в часть узнал, что за тот ночной бой на Гребенском мосту решением командира полка я представлен к награде.

И какой там отдых, ведь разворачивалась вторая чеченская кампания. Ищерская, Рубежная, Горагорск — именно там Евгений получил свой первый орден Мужества. Потом краткосрочный отпуск домой в Омск, после опять командировка на пять месяцев. Снова короткая передышка — и в Чечню, теперь на полгода. И все бы ничего, но случилось так, что в самый последний день командировки Евгений получил второе ранение, подорвался на фугасе.

— Мы возвращались с очередной спецоперации. Офицеры и солдаты были в приподнятом настроении. По-другому и быть не могло, ведь операция прошла успешно. Поставленные задачи были выполнены. Как всегда, я со своим отрядом находился в дозоре. Когда колонна вошла в Веденское ущелье, сработал радиоуправляемый фугас. Боевики знали, что мы будем возвращаться по этой дороге, поэтому взрывчатка была заложена на достаточном возвышении и явно рассчитана на поражение сидящих на броне. В одно мгновение всех нас смело с БТРа. Пришел в сознание только в

госпитале. На этот раз осколок ушел под глаз, пострадал нос, пробило челюсть. Волшебные руки хирургов и на этот раз спасли меня.

Еще один случай произошел в мой день рождения. 24 апреля 2000 года судьба преподнесла мне самый дорогой подарок — жизнь. Сводному отряду, состоявшему на 70 процентов из разведчиков моей роты и на 30 из минометчиков, была поставлена задача — занять высоту на горе Черепаха и организовать прикрытие высадки десанта.

Когда поднимались в гору, я возглавлял колонну. Часть пути проходила по лесистой местности. Листва только-только пробилась на деревьях и кустах. На подъеме наткнулись на растяжку, но вовремя заметили, никто не пострадал. Наличие растяжки меня очень насторожило, поэтому продвигались медленно. Вдруг в кустах послышался какой-то шелест. Сначала я не обратил на это никакого внимания. Но шелест не прекращался. Я дал знак, и колонна остановилась. Оружие держу наготове. Думаю, выпущу один рожок, посмотрим, что там. Автомат с предохранителя снял. Выглядываю из-за дерева и ничего понять не могу. Какая-то неведомая сила выдернула у меня из рук автомат. На секунду я остолбенел, у меня был шок. Когда пришел в себя, попятился назад. Позже, когда принесли мой автомат, выяснилось, что снайперская пуля вошла в канал ствола и превратила его в распуштую розу. Видимо, снайпер держал нас на прицеле, и в тот момент, когда я выглянул, мою голову от рокового выстрела чудом спас автомат.

Оказалось, что при подъеме мы наткнулись на боевиков. Скорее всего это была маленькая группа, а возможно, и снайпер-одиночка, в противном случае они организовали бы засаду, поэтому вступать в открытое боестолкновение они не решились. Пнаться за ними в гору было просто неразумно. Акцию возмездия мы доверили нашей артиллерии, а сами обошли это место по более крутому склону. По решению командира полка мой автомат был сдан на склад, а дульник спилен и на память остался у ме-

ня. Этот подарок судьбы проржавел, правда, но остался для меня самым дорогим. После выполнения задания пару дней снимал стресс, но ничего, отошел, потом еще полтора месяца повоевал.

За какую спецоперацию получил второй орден, Евгений даже не знает, да и важно ли это знать? Сколько их было — десятки, а может, и больше. С уверенностью можно утверждать, что получил заслуженно: Сегодня старший лейтенант Евгений Ткаченко — заместитель командира разведроты. На днях должен выйти приказ о назначении его в управление бригады. Все бы хорошо, да только мучает моего героя один вопрос. Если перефразировать классика, звучать он будет так: "Служить или не служить — вот в чем вопрос". Сколько раз с риском для жизни он выполнял свой офицерский долг! И что? По возвращении из очередной командировки должен ломать себе голову, как прокормить семью и где достать денег, чтобы заплатить за квартиру. Вот и приходишь к мысли: а не податься ли на вольные хлеба?

Сейчас во внутренних войсках очень многие проходят через войну. Об их героизме должна знать и помнить страна и создавать такие условия, чтобы люди в погонах могли полноценно служить. В памяти всплывают слова полковника, не один десяток лет прослужившего в войсках. Там, в Чечне, когда министр вручал очередной орден Мужества, он сказал: "Да зачем мне ваш орден, дали бы лучше ордер". Министр обещал разобраться. Вот уж два года как разбирается. Уже и министр сменился, а семья офицера до сих пор ютится в комнатухе общежития, ее даже и комнатой назвать нельзя. Наверно, поэтому и уходит молодые офицеры, чтобы не ждать милости от государства. Вот и Женя подумывает, но надежда еще теплится в нем, ведь о выборе профессии он не жалеет. Надеется, что в новом году что-нибудь да изменится к лучшему. Правду говорят: надежда всегда умирает последней.

Лейтенант Роман ДУРКАЧ
Фото автора

ПОЛВЕКА НА ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Эта воинская часть необычна — и по характеру выполняемых задач, и по организации служебно-боевой деятельности. Раньше полностью, а сейчас частично личный состав полка несет службу в штатском. Часовые на постах стояли в модных костюмах, в пиджаках и при галстуках. Ветераны говорят, что даже было время, когда службу несли ... в шляпах. И на вопрос: "Где служишь?" — отвечали: "Под шляпой".

22 декабря 2001 года специальному полку по охране важных государственных объектов, которым командует полковник Александр Суворов, исполнилось 50 лет.

КЮБИЛЕЮ в части готовились очень старательно. Заблаговременно подготовили актовый зал, столовую, разослали приглашения всем, кто раньше служил здесь. У ворот контрольно-пропускного пункта ветеранов встречали, сопровождали к месту проведения праздника. Входя в фойе клуба, они тут же начинали искать глазами своих сослуживцев, старых товарищей. Когда еще появится у них возможность снова, увидеться, поговорить,

вспомнить былое — как несли службу, как создавали летопись родного полка...

История полка начинается с первых послевоенных лет. В условиях разрухи, нестабильной обстановки в мире Советское правительство принимало решительные меры по укреплению обороноспособности страны, по обеспечению безопасности государства как от внешней, так и от внутренней угрозы. В это время несколькими исследовательским институ-

там Академии наук СССР было поручено сделать ряд научно-практических разработок, связанных с новыми видами вооружения, которые носили сугубо секретный характер. Одним из мероприятий по закрытию канала доступа к сведениям, содержащим военную и государственную тайну, было решение правительства о взятии под охрану и оборону предприятий и учреждений, имеющих большое значение для страны.

В сентябре 1951 года в городе

Красногорске Московской области на базе батальона одного из полков войск МГБ СССР начал формироваться отдельный дивизион из 4 команд численностью в 519 человек. Он вошел в состав 5-го отдела внутренней охраны Министерства госбезопасности. Формированием подразделения занимался майор внутренней охраны Леонид Гончаренко, впоследствии долгое время служивший в этой части.

Сложное было время, но офицеры и солдаты, приходившие служить сюда, не боялись трудностей. Это были люди, прошедшие войну, награж-

денные орденами и медалями. В первую очередь на них, проверенных фронтовиков, уже имевших за плечами огромный жизненный опыт, можно было положиться в трудную минуту.

Через год дивизион в полном составе передислоцировали в Москву.

Незабываемым стал день 20 декабря 1952 года, когда в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР и на основании приказа министра государственной безопасности СССР дивизиону было вручено Боевое Красное знамя и грамота к нему. Это событие очень сплотило людей, проходивших здесь воинскую службу. Под сенью этого знамени личный состав выполнял постав-

ленные задачи, добивался новых успехов в службе, учебе, дисциплине. Основной задачей дивизиона в это время была охрана объектов особой государственной важности в Москве и Химках.

С первых дней формирования личный состав части показывал высокую степень обученности и умелые действия при выполнении служебно-боевых задач. Только в 1953 году было предотвращено два пожара и две аварии на объектах, задержано более 140 нарушителей, в том числе 14 при попытке хищения государственной собственности.

Шли годы, и в части происходили изменения в штатном расписании. Так, в феврале 1956 года отдельный дивизион был пере-

формирован в отдельный отряд внутренней охраны, состоящий из семи команд, одной войсковой комендатуры, отделения связи, саперного отделения, автогруппы и группы хозяйственного обеспечения, общей численностью до тысячи человек. А в мае 1962 года отряд переформировали в полк, который вошел в состав 10-й дивизии внутренних войск МВД СССР. Первым его командиром стал полковник Виктор Адамский.

С 1964 года полк стал комплектоваться только офицерами и сверхсрочнослужащими. И для них установили гражданскую форму одежды.

Кроме задач по охране важных государственных объектов полк несколько лет выполнял задачи по поддержанию общественного порядка в Тимирязевском районе Москвы. Неоднократно привлекался и для обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

К слову, эта часть имеет славные традиции. Прежде всего это высокая ответственность офицеров, прапорщиков, военнослужащих по контракту в выполнении воинского долга, бдительность, честность и неподкупность часовых, умелые и решительные действия караулов.

Так, за период с 1951 года и по настоящее время военнослужащими полка было предотвращено более 570 пожаров, взрывов, аварий, задержано более 137 тысяч нарушителей пропускного режи-

ма, в том числе с материальными ценностями более 20 тысяч человек. В 2001 году личному составу удалось не допустить два пожара, задержать 513 нарушителей пропускного и внутриобъектового режима. Экономический эффект от служебной деятельности составил сумму, превышающую 112 миллионов рублей.

Государство высоко оценило нелегкий труд военнослужащих части. За личное мужество и образцовое выполнение служебных обязанностей более 3000 человек были награждены орденами и медалями. Среди них орденом Ленина Алексей Евдокимов, орденом Красного Знамени Петр Кусенко, орденом Мужества Алексей Камолов.

В свое время в части служили Герои Советского Союза участники Великой Отечественной войны майор Виктор Иванович Трусов и старшина Гавриил Дмитриевич Будник. Получили боевую закалку и стали генералами Николай Крушин, Павел Степанов, Григорий Постлюк.

Многие военнослужащие полка после увольнения в запас занимают ответственные должности в аппарате Президента России, Конституционном суде РФ, в Академии МВД и других структурах.

Девять лет своей жизни отдал этому полку наш коллега, старший лейтенант Анатолий Ягодин, погибший при выполнении служебного задания в Чечне в 1996 году. Именно отсюда он ушел в войсковую журналистику. О нем помнят и сегодня. В подразделении, где служил наш товарищ, оборудован памятный стенд.

Приятно отметить, что славные традиции, заложенные ветеранами Великой Отечественной войны при формировании полка, продолжают военнослужащие, которые служат здесь сейчас. Кстати, им также много пришлось повиждать при исполнении воинского долга. Старший прапорщик Андрей Наумов, прапорщики Дмитрий Александров, Иван Афонин, Виктор Сайкин, Иван Литвиненко, Павел Назаров и Олег Габариев служили в Афганистане, майоры Александр Новоселов и Вячеслав Малюгин, старший прапорщик Александр Бурковский, прапорщики Иван Попеску и Михаил Тафичук участвовали в ликвидации аварии на

Чернобыльской АЭС. Более 20 офицеров принимали участие в контртеррористической операции в Чеченской республике.

Заместитель командира части по работе с личным составом подполковник Вадим Трегубов приложил все силы, чтобы на юбилей части собралось как можно больше людей.

Двери актового зала распахнулись. Под звуки встречного марша знаменная группа внесла Боевое знамя. После исполнения Государственного гимна России командир полка Александр Суворов объявил об открытии торжественного собрания. Перед приглашенными гостями — ветеранами, бывшими и нынешними военнослужащими полка, командованием бригады — он выступил с праздничной речью, в которой рассказал о трудном пути соединения, о тех людях, кто служит здесь сегодня, и о том, что несмотря на все сложности, которые есть у нас в стране, личный состав части добросовестно выполняет возложенные на него задачи.

Затем с трибуны было сказано немало очень теплых слов в адрес всех, кто когда-то служил в этой части. Однополчан поздравили с юбилеем председатель совета ветеранов Константин Васильев и Анатолий Плушко, бывший последние двенадцать лет командиром полка и недавно ушедший в запас.

От командования бригады выступил заместитель командира соединения подполковник Алексей Журов. Он зачитал приказ о награждении отличившихся военнослужащих ценными подарками, деньгами и грамотами, а также ряд телеграмм: от командующего Московским округом внутренних войск генерал-полковника Евгения Баряева, от совета ветеранов МО ВВ МВД России, от Института проблем химической физики РАН и Российского института стратегических исследований.

В заключение командир части Александр Суворов еще раз поздравил всех с праздником, пожелал ветеранам крепкого здоровья и заверил их в том, что полк сегодня, как и пятьдесят лет назад, отлично выполняет поставленные задачи по охране важных государственных объектов.

**Лейтенант
Виктор БОЛТИКОВ**
Фото из архива части

Так уж получилось, что наше государство перестало заботиться об армии. Фактически пустило все на самотек. К сожалению, по установившейся практике последних лет армия получает финансирование намного меньше того, что закладывается в федеральный бюджет. Уже давно не секрет, что части и подразделения внутренних войск оснащены устаревшей техникой. И это при том, что восстановление конституционного порядка в Чечне во многом возложено именно на их плечи. Хорошо, что при нынешнем положении находятся средства хотя бы на денежное содержание военнослужащих. Но при этом нельзя забывать и о бытовой стороне армейской жизни. Боевая служба в полевых условиях, горной местности с резкими перепадами температур, особенно в зимний период, приводит к быстрому износу предметов вещевого довольствия. Не хватает элементарных предметов быта и гигиены, что в конечном итоге не только унижает человека, но и в определенной мере влияет на боеспособность воина. И в этих условиях, когда государство позволяет себе забыть простую истину, сказанную когда-то Наполеоном: "Государство, не желающее кормить свою армию, вскоре будет вынуждено кормить чужую", остается надеяться на тех, кому дорога судьба Родины, у кого еще болит душа за будущее Вооруженных сил и внутренних войск.

**ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ
ЦОКУР** — один из тех, кто не понаслышке знает, что такое внутренние войска. Начинал службу в 1955 году в горьковском оперативном полку рядовым. После срочной службы решил навсегда связать свою судьбу с войсками. Закончил Орджоникидзевское училище

НЕГРОМКАЯ ПРАВДА

имени Кирова, был направлен в Архангельскую область. Спустя пять лет поступил в Военно-политическую академию имени Ленина. В 68-м ему предложили должность в Москве, но он предпочел европейским просторам сухой климат Средней Азии. 33 года Владимир Степанович посвятил службе во внутренних войсках. И не жалеет об этом. Да, были трудности. Не раз приходилось участвовать в наведении порядка во многих горячих точках Кавказа. Но были и положительные моменты. По крайней мере, хоть в форме ходить было почетно. Вот так и прошла вся служба. В 1988 году Владимир Степанович в звании полковника ушел в запас. Вместе с семьей остался жить в Казахстане. После развала Советского Союза бывшая братская республика оказалась суверенным государством. Несколько лет ветеран внутренних войск работал в парламенте Казахстана. Но волею судьбы вернулся в Россию, обосновался на Кубани, в городе Краснодаре, где живет и работает его дочь.

Зная, что в Краснодаре дисло-

цируется дивизия внутренних войск, не мог Владимир Степанович не поинтересоваться, как там обстоят дела. Тем более что бойцы этой дивизии выполняют свой конституционный долг на территории Чечни. После встречи с командованием дивизии выяснилось, что проблем достаточно. И главная — отсутствие финансирования. Надо отдать должное командирам подразделений, которые взвалили на свои плечи часть этих проблем, но одним, конечно же, не справиться. Принял Владимир Степанович для себя решение: так дальше не пойдет, ребятам надо помогать.

Заглянул он в краевой совет ветеранов, стараясь выяснить, какая же работа проводится в этом направлении, чем реально можно помочь людям в погонах. Не одну сотню раз обошел Владимир Степанович коридоры и кабинеты администрации города. Перебывал во всех общественных организациях. Этот титанический труд принес свои плоды. Нашлись единомышленники.

— Труднее всего было убедить

людей в том, что военным жизненно необходима их помощь, — рассказывает Владимир Степанович. — В этом благом деле важно участие каждого. Необходимо, чтобы воины действительно увидели и почувствовали, что их ратный труд нужен народу.

Каждый помогает в меру своих сил и возможностей. В конечном итоге тонкие ручейки понимания и внимания сливаются в большое море любви к солдатам, сержантам и их командирам, находящимся в трудных фронтовых условиях.

Благодаря стараниям Владимира Степановича, краснодарского краевого комитета КПРФ, Кубанского союза советских офицеров, краевой организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов ко Дню защитников Отечества была спланирована акция по сбору подарков для воинов краснодарской дивизии, выполняющих боевые задачи на территории Чеченской республики.

В краевых средствах массовой информации появился призыв к жителям Кубани принять участие

в этой акции. Хочется отметить, что это не гуманитарная помощь, а именно подарки, и не от новых русских, а от простых тружеников Краснодарского края. Так уж сложилось, что история Кубани испокон веку связана с российским воинством. Жители казачьего края всегда стояли на страже рубежей российских. Поэтому жители и многие руководители предприятий горячо откликнулись на эту инициативу.

Старались все, приносили теплые носки, бритвенные станки, сигареты, домашние вкусности и многое другое, что могло порадовать российских парней на опаленной войной чеченской земле.

— Надо было просто видеть радостные глаза воинов, получивших к праздничному столу варенье, домашние овощные заготовки, сыр, лук, чеснок, пряники, конфеты, — рассказывает один из активных организаторов этой акции Александр Габелия. — Многие воины подходили и благодарили за праздник, который им устроили общими усилиями жители Кубани.

Согласитесь, одно только это говорит о том, что сделано благородное дело. Те, кто служил в армии, конечно, помнят, как приятно было получить из дома родительскую посылку. Она напоминала о родных краях, о родительском доме.

Очень рады бойцы и тем поздравительным открыткам и письмам,

что были вложены в коробки с подарками. Поделились воины дивизии гостинцами и с бойцами новосибирского спецназа, с которыми они вместе ходят на выполнение боевых задач. На память об этом событии и в знак благодарности солдаты и офицеры передали фотографии для опубликования в кубанских газетах. Нельзя не отметить участие в акции бывшего главы Белоглинского района Краснодарского края, а ныне начальника департамента торговли города Краснодара Григория Слюсаренко. Приглашение посетит ребят в Чечне в ряде регионов края встретили без энтузиазма. А вот ответ белоглинцев был предельно краток: "Спасибо за приглашение. Немедленно выезжаем". Вместе с подарками кубанцев в опасное путешествие отправилась и концертная группа, собранная Григорием Слюсаренко. Она скрасила своим

посещением и творчеством будни войны.

Но на этом акция не закончилась. В то время как ребят поздравляли с праздником в Чечне, в Краснодаре в медсанбате дивизии состоялся настоящий праздничный концерт. Раненых воинов пришли поздравить молодые певцы со своими учителями из Высшего музыкального училища им. Н. Римского-Корсакова. С большим вниманием ребята слушали молодых артистов, студентов училища и детские ансамбли. После концерта раненым раздали подарки и даже пообещали подарить пианино, чтобы в следующий раз свое не привозить. Слова не разошлись с делом, и через месяц музыкальный инструмент стоял в столовой госпиталя, а подобные концерты стали уже доброй традицией.

В канун Пасхи Владимир Степанович организовал для солдат дивизии на базе батальона связи настоящий домашний праздник. Хлебозавод отпустил пасхальные куличи по минимальной цене, батюшка, отслужив ночную службу в церкви, приехал в воинскую часть, прочитал проповедь и благословил солдат и дары.

Владимир Степанович со своими единомышленниками активно выступают в поддержку военных и всячески стараются бороться за их права и свободы. "Если мы не поможем людям в погонах, откуда ждать им поддержки и помощи?" — вот главный принцип, которым руководствуется Владимир Степанович. Кроме этого ветеран внутренних войск активно ведет работу по патриотическому воспитанию молодежи. Уже стало традиционным проводить в школах города уроки мужества, на которых старшее поколение, участники Великой Отечественной, ветераны локальных войн и военной службы рассказывают ребятам о примерах мужества и героизма. Большой интерес у школьников вызывают экскурсии в подразделения дивизии. Какому мальчишке не интересно полазить по боевой технике, своими руками все потрогать, поддержать настоящий автомат? Многим из них уже через несколько лет предстоит идти в армию. А такие встречи с офицерами и солдатами помогают им подготовиться, поближе узнать быт и специфику военной службы.

Сейчас Владимир Степанович совместно с Кубанским союзом советских офицеров готовят очередную широкомасштабную акцию ко Дню защитников Отечества по сбору подарков воинам, находящимся в Чечне.

— Тем самым мы хотим показать общественности, что наша работа — это не разовая акция, а целевая программа, направленная на поддержание военнослужащих. Хочется верить, что этот опыт будет обобщен, проанализирован и по возможности реализован во многих других регионах России. Ведь только общими усилиями мы сможем повлиять на сложившуюся ситуацию и оказать действенную помощь людям в погонах.

Роман МАРКИН

Общественное признание солдат правопорядка

БЛИЖАЙШИЙ к Грозному действующий аэродром в Моздоке из-за низкой облачности самолеты не принимал. Но лететь было нужно: в 46-й бригаде внутренних войск, дислоцированной в столице Чечни, их с нетерпением ждали. Их — это председателя правления Независимой организации "Гражданское общество" и Национального фонда "Общественное признание" Сергея Абакумова и известного телеведущего Леонида Якубовича. Казалось, что задуманная поездка, как составная часть гражданской благотворительной акции "Мужество и ми-

лосердие", под угрозой срыва. Но решил проблему заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун, предложивший лететь в Минеральные Воды и уже оттуда вертолетом в Грозный. Это, безусловно, дольше, но, как говорится, лучше плохо ехать, чем хорошо ждать.

На грозненский аэродром Северный вертолет зашел с наветренной стороны. Садились по самолетному, неожиданно для встречающих вынырнув из пелены густого тумана. Здесь гостей уже ждали...

В самом большом помещении военного городка бригады — в ангаре, оборудованном под солдатскую столовую, на составленных в ряды лавках плотно расселись свободные от боевой службы и учебы солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры.

Сергей Абакумов подробно рассказал собравшимся о деятельности Независимой организации "Гражданское общество" и Национального фонда "Общественное признание" по развитию гражданского общества в России.

о проводимой этими организациями благотворительной акции "Мужество и милосердие", направленной на поддержку военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и силовых структур — участников контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе. В ходе этой акции немалые денежные средства выделены госпиталям и реабилитационным центрам, оказана материальная помощь раненым, семьям погибших и ветеранам.

Еще одним направлением деятельности Национального фонда является формирование института кавалеров золотого Почетного знака "Общественное признание", который вручается гражданам за деятельность, способствующую укреплению российской государственности, раз-

витию отечественной экономики, науки и культуры.

— Этой общественной награды удостоены уже более 300 человек из 78 регионов России. Все они истинные подвижники, которые своим ежедневным самоотверженным трудом приносят пользу нашему обществу, — подчеркнул Сергей Абакумов.

Состоявшуюся затем церемонии награждения торжественной можно было назвать лишь с большой натяжкой. Не было ни цветов, ни яркого света софитов. За-

бу с терроризмом, умелое руководство вверенными подразделениями, мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского и гражданского долга.

Ратный труд еще одной группы офицеров — сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России, Федеральной службы безопасности был отмечен Почетными дипломами и денежными премиями Независимой организации "Гражданское общество". Среди награжденных — Герой Российской Федерации полковник Игорь Груднов, полковник Леонид Баченко, полковник Александр Агапов, полковник Михаил Минзаев, полковник Игорь Клейменов, полковник милиции Михаил Анисимов, подполковник Олег Галаков, подполковник Олег Шигаikin, подполковник милиции Юрий Шейко, подполковник милиции Сергей Страхов.

По окончании церемонии награждения заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун тепло поблагодарил Сергея Абакумова и Леонида Якубовича за содействие, которое они оказывают Объединенной группировке войск на Северном Кавказе.

...Улетали уже в темноте. Лишь только вертолет оторвался от израненной взрывами взлетной полосы, штурман предусмотрительно выключил свет в салоне и погасил бортовые огни. Некоторое время взгляд все еще цеплялся за красную подсветку приборной доски над головами летчиков, но и этот ориентир скоро остался за плотно пригнутой дверцей пилотской кабины.

Не знаю, кто и о чем думал под ровный гул двигателя, но меня не покидало чувство, что признание заслуг наших военнослужащих — это зримое свидетельство растущего в обществе уважения к мужеству офицеров и отваге солдат.

**Полковник
Василий ПАНЧЕНКОВ,
начальник пресс-бюро
внутренних войск МВД России**

ДИСБАТ

Нет такой армии в мире, где бы не совершались преступления. В России и других государствах СНГ, унаследовавших обломки советской военной машины, армейская преступность имеет свои специфические черты.

В германском бундесвере, скажем, не сталкиваются с таким преступлением, как самовольное оставление части. Нет в зарубежных армиях и специальных воинских частей, занимающихся перевоспитанием военнопленных-преступников. А у нас есть. Раньше они были в каждом военном округе. Теперь многие расформированы, осталось их на всю страну четыре. Сюда отправляют отбывать наказа-

ние в виде лишения свободы солдат и сержантов, осужденных не более чем на два года.

Имя этим частям — дисбаты. Они — традиционная армейская страшилка. "Не дай вам Бог, ребята, в дисбат загреметь..." — напутствуют новобранцев понюхавшие порошу дембеля.

Что же такого ужасного в дисциплинарном батальоне и как туда попадают? Чем объяснить, что через казарму за колючей проволокой ежегодно проходит по 1000 и более человек? Посетим дисциплинарную часть Московского военного округа, расквартированную в поселке Мулино Нижегородской области.

БЕГУТ ОТСЮДА ТОЛЬКО ДУРАКИ...

Командир батальона полковник Сергей Лузин озабоченно молчит, слушая доклад сменившегося дежурного по части. Сегодня ночью совершил побег осужденный рядовой Мустафа Хамзаев. Такое бывает здесь редко.

Но коли уж случилось, на ноги поднят весь гарнизон. Разосланные на бронетранспортерах поисковые команды с оружием и собаками прочесывают окрестные леса. Приметы беглеца переданы в РОВД и транспортную милицию, его объявят и в федеральный розыск. Уйдет от погони сейчас — попадется потом. Всю жизнь на нелегальном положении не проживешь...

Это второй побег Хамзаева. Первый был тоже из этой части, около девяти месяцев назад. Находился солдат на работах вне зо-

ны, на станции Ильино, и попытался скрыться. Его задержали уже через несколько часов. Поскольку самоволка продлилась недолго, полковник решил под трибунал бойца не отдавать. Наказание ограничилось гауптвахтой. Вроде сделал тогда солдат выводы, собирались уже представлять его к УДО (условно-досрочное освобождение). И вот сюрприз... Теперь уж точно светит ему новый суд и новый срок.

Сергей Михайлович хмурит брови, вникая в обстоятельства побега. Самое грустное, что случился он при деятельном участии матери солдата. Приехала Роза Хамрикуловна повидать сына (в дисбате осужденным раз в месяц разрешено краткосрочное свидание с родственниками, до четырех часов, и четыре раза в год — более длительные, целых трое суток). Остановилась она в гостинице. Открытой три года назад специально для продолжитель-

ных встреч отбывающих наказание с родными (занимает этаж в здании штаба части, за пределами зоны).

Для искупающего вину грешника в погонах это randevu — самая желанная радость. Его ждут с нетерпением, внеочередное свидание стремятся заслужить. Три дня с родными, позабыв про распорядок дня, наряды, построения! А для родителей, большей частью матерей, приезд сюда — жестокая сердечная мука.

Их страдания не безразличны командиру дисциплинарной части. Он почти никогда (за исключением крайних обстоятельств) в разрешении на свидание не отказывает. Бывает, родители приезжают раньше положенного срока. Если строго придерживаться инструкции — есть основания дать от ворот поворот. Сергей Михайлович этого старается не делать, идет навстречу.. Так было и с Хамзаевыми.

В сопровождении конвойного Мустафу доставили из зоны в гостиницу. Дожидавшаяся мать уединилась с сыном в номере, где его ждал домашний ужин. А ночью сынуля бежал из гостиницы! Перепилил пилкой, которую привезла "заботливая" Роза Хамрикуловна, стальную решетку на окне, спустился с четвертого этажа по связанным узлами простыням и был таков...

— Чем она объясняет случившееся? — невозмутимо интересуется командир мотивами не слишком-то порядочного поступка мамыши, беззастенчиво обманувшей его доверие. Железной выдержке полковника Лузина можно позавидовать — на лице не дрогнет ни один мускул, хотя, очевидно, ему самому еще предстоит давать объяснения вышестоящим начальникам...

— Да ничем, товарищ полковник! — волнуется дежурный, явно раздосадованный тем, что ЧП, о котором теперь долго будут вспоминать, пришлось на его смену. — Молчит и улыбается. Да она уже за гостиницу рассчиталась и, наверное, уехала...

Побег из дисбата — полная бессмыслица. Прежде всего это не тюрьма и не колония. Осужденный, находящийся здесь, не зек, он продолжает оставаться военнотрудовой. По отбытии срока судимость снимается. Не повторит человек ошибку молодости, и знать о ней не будет никто, кроме как в военкомате, куда вышлют его личное дело... Если до вынесения приговора боец отслужил полтора года и более, его увольняют в запас (хотя время пребывания в дисбате не идет в зачет прохождения военной службы); если меньше — отправляют дослуживать в часть, откуда прибыл (но и тут возможны исключения).

Статистика свидетельствует, что абсолютное большинство подопечных полковника Лузина освобождается, отбыв две трети или даже половину срока, в зависимости от того, насколько безупречным было поведение. Так, за 5 месяцев 2001 года из части уехали 73 человека, отбывших срок полностью, и 289 человек, освобожденных условно-досрочно.

Жизнь в дисбате вполне сносная; ни в каком сравнении с тем,

что выпадает заключенным во многих пенитенциарных учреждениях Министерства юстиции, не идет. В сущности, это обычная воинская часть, отличающаяся от остальных в первую очередь тем, что заботы об условиях содержания людей, а главное, порядка, тут безусловно больше. Можно даже сказать, что образцовый порядок, не допускающий ни малейшего, ни на йоту отклонения от уставных норм, в дисциплинарной части — наивысшая ценность.

Возведенный в абсолютную степень, он в равной мере касается как осужденных, так и охранников. Солдатам и сержантам роты охраны изо дня в день внушают, что стоит им только встать на скользкую дорожку неуставных взаимоотношений (а под этим здесь подразумевается не только рукоприкладство, но и оскорбительная ругань, которую в других частях принимают за должное), и очень быстро они сами окажутся на месте охраняемых. Благо выездные сессии военного суда, полномочного выносить решения не только об условно-досрочном освобождении, проходят в батальоне несколько раз в месяц... Частый гость в дисбате и надзирающий прокурор.

Занятия по боевой подготовке, равно как и оружие, для переменного состава (так называют осужденных), конечно, не предусмотрены. Зато строевой и физической подготовки столько, что к концу дня большинство солдат мечтает об одном: скорей бы отбой.

Есть своя промзона, здесь трудится ежедневно около четверти переменного состава. На современном оборудовании делают бетонные блоки, могильные ограды и памятники, каменную плитку для садовых дорожек. Фирменное изделие — массивные государственные гербы, охотно приобретаемые госучреждениями. Мне показалось, что увенчанные коронами орлиные головы с загнутыми клювами, весьма искусно вырезанные местными умельцами, сплошь наделены одинаковым саркастично-задумчивым выражением... Похоже, резчики не лишены чувства юмора.

Хоть работа в промзоне не из легких, почти все стремятся по-

пасть сюда. Ведь рабочие — на бесконвойном положении. Им разрешено одиночное (не строем!) передвижение по территории военного городка, есть возможность вдохнуть воздух свободы за оградой; на время работы они освобождены от регулярных построений...

В казармах дисбата — идеальная чистота и невообразимый в гражданском общежитии порядок. Постели заправлены так, что на одеялах не увидишь ни морщинки, прикроватные коврики, резиновые тапочки и прочие предметы казарменного обихода, включая вазочки с цветами на тумбочках, выровнены по струнке.

В спальном помещении каждой роты — телевизор, видеомагнитофон и музыкальный центр; в комнате отдыха — аквариум с рыбками и большая клетка с волнистыми попугайчиками. Но, конечно, просмотр телепередач и прочие развлечения строго регламентированы. После отбоя перед телеэкраном не посидишь...

Питание — по нормам общевойскового пайка, а если учесть, что часть имеет солидное подсобное хозяйство (свинарник, теплицы, огород), кормят очень прилично. Мне предложили отведать солдатский обед в зоне. Меню было такое: салат из свежей капусты и моркови, гороховый суп с говядиной, гречневая каша с говяжьей тушенкой, компот. Сытно и вкусно. Некоторые из осужденных, с кем беседовал, признались, что на гражданке они редкий день так питались.

С вещевым довольствием дело обстоит иначе: в современный камуфляж облачены только офицеры и охрана; повседневная одежда осужденных — обмундирование советских времен, так называемое "хэбэ" (гимнастерка и бриджи), на всех очень чистое. Неопрятность здесь считается серьезным нарушением, за которое можно и на гауптвахту угодить.

Баня не реже чем раз в неделю. Свой лазарет, несколько врачей, принимающих каждый день, процедурные кабинеты и даже стоматолог...

Денежное содержание (36 рублей в месяц) и зарплата работающих в промзоне на руки не выдаются, а начисляются на лицевые

счета осужденных. По мере надобности командиры подразделений снимают отсюда суммы на приобретение подшивочного материала, конвертов для писем и прочих мелочей, необходимых в повседневной солдатской жизни. Причем обладатель счета сам решает, на что потратить причитающиеся ему деньги.

Есть, конечно, тут такие "прелести", с которыми хочется поскорее распрощаться. Колючая проволока ограждения; стальные решетки на окнах и дверях помещений; конвойные с автоматами и собаками... Предусмотрены и наручники. По четырем углам зоны — вышки с часовыми. Между вышками проложены дорожки, куда выпускаются на ночь здоровенные (и, судя по остервенелому лаю, злющие) кавказские и немецкие овчарки. Не дай Бог столкнуться с такой собачкой, спущенной с поводка...

Передвижение по военному городку — только строем; на воротах зоны аршинными буквами грозная надпись, предупреждающая, что ближе, чем на 15 метров, подходить сюда в одиночку категорически запрещается. Это не Бутырка, по поддельному удостоверению отсюда не убежишь. Да и мысль о побеге, если даже она и приходит в голову, большинство осужденных гонит прочь: чем пускаться изгоем в опасные странствия, проще стать образцовым солдатом и заслужить УДО.

...Самое утомительное — бесконечные построения. Буквально ежечасно. Несколько раз в день переключка. Опоздание в строй считается серьезным нарушением, за него тоже могут арестовать. И чем больше суток гауптвахты (именуемой в просторечии "губой") числится за осужденным, тем меньше шансов на досрочное освобождение.

Это доходит быстро. Поэтому даже отъявленные ненавистники дисциплины приучаются здесь контролировать свои поступки и слова. Суровая и даже жестокая школа жизни. Только лучше бы в эту школу не попадать...

А ПОПАСТЬ СЮДА МОЖЕТ ЛЮБОЙ

В гостинице при дисбате, откуда совершил побег рядовой Хамзаев, довелось поговорить с несколькими женщинами, предпринявшими вояж сюда ради свидания. Не все они матери, оказалась и одна невеста. Зоя Кострова из Воронежа прибыла заключать законный брак с рядовым Сергеем Гостевым.

— Это из-за меня Сережка сюда попал... — кается девушка.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Прослужили на момент осуждения: более 1 года 6 месяцев — 181 чел.; от 1 года до 1 года 6 месяцев — 155 чел.; 1 год — 81 чел.; от 6 месяцев до 1 года — 94 чел.; до 6 месяцев — 25 чел.

Из общего числа осужденных (549 человек) воспитывались без отца — 116, без матери — 29, без обоих родителей — 15 человек.

15 осужденных женаты, 13 имеют детей.

Ранее судимы — 44 человека, употребляли наркотики — 14, убежали из дома — 3 человека.

Оказывается, суженый ее, прослужив год и три месяца в части ПВО в Подмоскowie, приехал домой в Воронеж в отпуск. Он пролетел незаметно. Надо в часть возвращаться, а у Сережки, как на грех, проснулось к ней, Зое, большое чувство... И решил отпуск сам себе продлить. Посидел с родителями за прощальным столом, выслушал отцовский наказ — достойно службу завершить и вернуться домой если не с государственной наградой, то хоть с почетной грамотой. А с вокзала, уговорив отца с матерью не провожать его... заявился к Зое и стал у нее жить. Объяснил, что, дескать, позвонил командиру части и тот не возражает, если он, рядовой Гостев, еще суток десять погуляет "в счет следующего отпуска".

Чувствовала Зоя, что врет Сережка, и не складно врет ("не бывает таких добрых командиров"), да уж больно с ним было хорошо... Сладкий сон кончился через две

недели. Разыскал Сергея отец, Алексей Михайлович, встревоженный телеграммой из части: "Ваш сын не прибыл из краткосрочного отпуска... Его действия подпадают под статью 337 Уголовного кодекса РФ — самовольное оставление части... Если отлучка продлится свыше месяца, будет судим по статье 338 — дезертирство..."

Вдвоем с Алексеем Михайловичем убедила Зоя парня, чтобы сам отправлялся "сдаваться военному прокурору". Поплакала, узнав, что влепили Сережке год дисбата (значит, дольше разлука!), но обещала в письмах, что будет ждать. А недавно он написал: "Свадьбы и здесь играют. Посаженым отцом — замполит, классный мужик. Обещал устроить бракосочетание чин чинарем. Если не передумала, приезжай..."

И вот она здесь. Свадьба — через день. Все будет скромно, даже без шампанского (спиртное осужденным запрещено независимо от градуса). Замкомандира Виталий Петрович привезет из районного ЗАГСа представительницу власти, они распишутся и получат свидетельство о браке. Потом несколько сладких часов в гостиничном номере, и снова расставание. Еще на три месяца... А спустя годы (хотелось бы надеяться!) за домашним столом будут с улыбкой вспоминать, перелистывая семейный альбом, как расписали их в армейской зоне...

— В год играем 5 — 6 свадеб, — подтверждает заместитель командира батальона по воспитательной работе подполковник Стецок. — Не все наши молодожены проходили по 337-й статье, но это самая распространённая. Из 549 отбывающих сейчас наказание 151 сидит за самовольное оставление части...

Большинство самоволок, по словам Виталия Петровича, приходится как раз на солдатский отпуск. В десятках приговоров фигурирует одна и та же формулировка: в положенный срок не вернулся в часть, стал проводить время по своему усмотрению. О чем это говорит? Чувство долга в отпуске слабеет? Или в части так

плохо, что не хочется возвращаться?

Нисколько не оправдывая правонарушителей, нельзя не признать, что иные из них действительно становятся жертвами непереносимой обстановки в подразделении. Однако сам факт пережитого ими насилия, увы, не освобождает от ответственности за совершенный побег. Более того, в последние год-два за самовольное оставление части стали наказывать чаще и строже: по статистике количество осужденных по статье 337 возросло на 30%, увеличились и сроки за побег.

За самоволкой по распоряженности следуют в дисбате такие преступления, как нарушение уставных правил взаимоотношений, кража, превышение должностных полномочий, вымогательство, грабеж, насильственные действия в отношении начальника, хулиганство, дезертирство, разбой.

Немало здесь таких ребят, кого привело на скамью подсудимых ложно понятое чувство справедливости в сочетании с неумением словами доказывать правоту. Старательные и не чурящиеся никакого труда хлопцы, дослужившиеся до сержантских лычек, они чаще всего получают срок по статье 286 — превышение должностных полномочий. Так сюда попал младший сержант Михаил Гарнитуров. До призыва работал он в колхозе имени Ленина, что в деревне Сухоноска Нижегородской области.

По словам Михаила, у него хватало медицинских показаний, чтобы не служить в армии: и плоскостопие, и сердечная аритмия, и еще какая-то мудреная болезнь. Однако же налегать на свое здоровье на призывной комиссии не стал (что, видимо, совпадало с намерениями работников военкомата). Так попал нижегородец Гарнитуров служить, да не куда-нибудь, а в самую столицу, в часть ПВО. И все бы хорошо. Одна печаль: в увольнение можно ходить не столь часто, как хотелось бы. В город идут по очереди.

А один боец, рядовой Парфенчиков, все вне очереди в увольнение ходил. Потому что москвич

и плитку умеет класть. Начальство его талант заприметило и давай на полную катушку эксплуатировать: он какому-нибудь офицеру выложит кухню кафелем за дарма (или почти за дарма), а отблагодарят его увольнительной... Но как-то так получалось, что все за счет товарищей Парфенчикову увольнительные перепали. А еще его в роту считали сачком, норовящим свои солдатские обязанности переложить на других.

И вот как-то Гарнитуров вместе с земляком Виталием Гайдукевичем (заместителем командира

неизбежны в юношеских коллективах, нечто подобное случается и в школьных классах, и в группах средних учебных заведений).

В армии, однако, конфликты на почве неприязненных отношений крайне опасны. Хотя бы потому, что обиженный может пустить в ход (и нередко пускает) оружие. А потом страна узнает леденящие кровь новости, как какой-то боец расстрелял из автомата караул... Вот почему военное правосудие спешит остро отреагировать на любой ставший известным факт мордобоя в казарме. Это правильно, но все же напоминает тот метод лечения, когда врач прописывает лекарство, устраняющее видимые симптомы болезни, а не ее причины...

Рецептом радикального исцеления армейских язв принято считать отказ от призыва на военную службу и полный переход на контрактный принцип комплектования всех силовых структур. В мулинском дисбате, однако, панацеей от всех бед контрактную систему не считают. Служили здесь в роте охраны раньше контрактники, теперь, слава Богу, от них избавились — все сплошь оказались пьяницы и бездельники. Да и то сказать: какой уважающий себя трудяга пойдет тянуть солдатскую ляжку за 1000 рубликов в месяц?

"В больном обществе не может быть здоровой армии, — рассуждают офицеры дисбата. — Ну а мы лишь палата интенсивной терапии..."

— Товарищ полковник, на вокзале в Нижнем задержан "бегунок" без документов, по всем приметам Хамзаев, — доложил дежурный по части. — Прикажете выслать за ним конвой?

По просьбе командования части и родителей военнослужащих ряд фамилий и некоторые обстоятельства совершения преступлений изменены.

Александр ВЛАДИМИРОВ

Нижегородская область

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Среди осужденных в дисбате абсолютное большинство составляют славяне — 426 чел. (84 %). Далее следуют представители народов Дагестана (аварцы, адыгейцы, даргинцы, табасаранцы) — 26 чел.; татары — 20 чел.; чуваша — 8 чел.; башкиры — 7 чел.; лезгины — 6 чел.; марийцы и кабардинцы — по 5 чел., азербайджанцы — 4 чел.; немцы — 3 чел. Ряд других национальностей россиян представлен 1-2 осужденными.

взвода) решили ловкача приструнить. Вечерком завели в умывальную комнату и давай воспитывать. Сначала пытались по-хорошему, словами... Но Парфенчиков неправым себя не чувствовал, возражал. Да еще и демонстрировал им, сельским простакам, свое "столичное превосходство". Обиделись, от слов перешли к зуботычинам... Синяк под глазом Парфенчиков на утро продемонстрировал командиру роты, и военный суд Московского гарнизона дал Гарнитурову два, а Гайдукевичу полтора года лишения свободы.

Подобные истории в войсках случаются каждый день. Военным судом подобные преступления квалифицируются или по статье 286, как превышение должностных полномочий (если обидчиком оказался старший по должности и званию), или по статье 335, как нарушение уставных правил взаимоотношений среди военнослужащих (если это спор равных). Такие разборки, видимо,

Здание МВД (1802 г.)

Здание МВД (2002 г.)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: страницы истории

Создание в 1802 году министерств как новых органов центрального управления было большим событием в жизни страны, в истории развития российской государственности.

Дворцовый переворот в марте 1801 года, возведший на престол Александра I, явился не только результатом борьбы придворных группировок. Его связывают с определенными настроениями в обществе, прежде всего среди дворянства. У части дворянства было желание если не ограничить самодержавие, то, по крайней мере, иметь гарантии от таких проявлений самовластия, какие были свойственны предшественнику Александра I императору Павлу I. Считая себя выше всех законов, он даже реализацию Жалованной грамоты российскому дворянству, даровавшей определенные права этому сословию, ставил в полную зависимость от своей воли и отменил многие ее положения. Это явилось одной из важных причин заговора против него.

Новый император Александр I издал Манифест "О восстановлении Жалованной грамоты дворянству", отменивший все меры, принятые не только "противно" ей, но и "в ослабление" ее. В апреле 1801 года была ликвидирована Тайная экспедиция Сената — орган политической поли-

ции. В указе о ее ликвидации подчеркивалась необходимость введения "силы закона", а не "личных правил" для того, чтобы не было злоупотреблений в государственном управлении. Все это порождало ожидания существенных перемен в общественно-политической жизни, в частности осознания важности "общего преобразования, конституции". Ожидания связывались с личностью нового императора, который в начале своего царствования демонстрировал готовность обсуждения вопроса о введении в России представительных учреждений.

К коронации Александра I в сентябре 1801 года готовилась "Всемилоостивейшая грамота, всему русскому народу жалуемая", в которой говорилось о правовых гарантиях защиты личности и собственности, свободе печати, гласности суда, праве обвинения на защиту для представителей всех сословий. Но Александр I не решился обнародовать "Всемилоостивейшую грамоту".

Тем не менее Александр I в начале своего царствования, очевидно, ставил перед собой задачу не только

провести либерализацию общественной жизни, но и постепенно превратить самодержавную Россию в конституционную монархию. В отечественной и зарубежной исторической литературе ведется дискуссия о степени искренности императора Александра I в решении этой задачи. Но все эти реформы были заранее обречены на неудачу. По замечанию В.О.Ключевского, "император и его сотрудники решились вводить новые государственные учреждения раньше, чем будут созданы согласованные с ними гражданские отношения, хотели построить либеральную конституцию в обществе, половина которого находилась в рабстве, то есть они надеялись добиться последствий раньше, чем причин, которые их производили".

30 марта 1801 года был создан новый законосовещательный орган — Непременный совет. Обсуждался вопрос о преобразовании и поднятии роли в государственной жизни Правительствующего Сената, о реорганизации органов центрального управления. Это стало предметом активного обсуждения в Негласном ко-

митете, созданном Александром I. В комитет входили его ближайшие друзья и единомышленники: В.Кочубей, П.Строганов, Н.Новосильцев, А.Чарторижский. Это были отлично образованные, имевшие опыт государственной деятельности молодые люди, знакомые с организацией правительственных учреждений европейских стран.

В Негласном комитете был подготовлен проект создания министерств как новых органов центрального управления. Формирование новой министерской системы управления, существовавшей в западноевропейских странах, а также участие в ее подготовке лиц, считавшихся галлофилами и англоманами, дало возможность многим современникам, а также позднейшим исследователям говорить о введении министерств как о заимствовании западноевропейских образцов.

В результате реформы действительно должны были быть образованы "по примеру большей части европейских государств отдельные министерства, точно определена область работы каждого из министров".

В процессе подготовки реформы ее авторы рассматривали вопросы организации министерств в западноевропейских странах.

Однако следует отметить, что так называемое министерское руководство как единоличное не было принципиально новым в осуществлении государственного управления в России. Консолидация власти в руках диктатора коллегии в конце XVIII века и существовавшие ранее Верховный тайный совет (при Петре III) и Кабинет (при Анне Иоановне), где власть над определенными отраслями государственного управления сосредоточивалась у "верховника", или министра, были тому примером. Усиление их власти шло за счет уменьшения влияния Сената.

Поэтому вряд ли верно считать решенным "вопрос о заимствовании абсолютной монархией России отдельных политических институтов Западной Европы" в связи с реформой государственного аппарата начала XIX века. Могло быть и было обращение к опыту функционирования западноевропейских государственных учреждений, заимствование организационно-технических моментов, но не политических институтов.

Думается, неправомерно трактовать некоторые положения манифеста об учреждении министерств так, будто, по мнению историка Н.П.Ерошкина, "перед глазами законодателя стояла система английского кабинета и при образовании министерств в России был учтен удачный опыт учреждений министерств по французской конституции 1799 г".

Устройство органов государственного управления в этих странах определялось формой правления (конституционная монархия и республика), и принципы их организации, деятельности, компетенция не могли быть применимы при абсолютной монархии.

В английский правительственный кабинет входили не только и не обязательно министры, но и члены парламента, не говоря о том, что ответственность министров перед парламентом существовала в Англии за 100 лет до образования министерств в России.

Правовое положение, компетенция министров во Франции по конституции 1799 года, обеспечивавшей упорядоченный режим личной власти Бенарта как первого консула, но при сохранении республиканского строя, характеризовались тем, что консул не был свободен в назначении министров, последние декретом законодательного корпуса могли отдаваться под суд.

Характерно, что в 1802 году, при обсуждении вопроса о создании министерств, член Негласного комитета, впоследствии первый министр внутренних дел В.П.Кочубей, ссылаясь на пример абсолютистской Австрии и Пруссии, писал о возможности существования министерств "с властью весьма распространенной и без всякого другого отчета, кроме государей своих". Именно такое положение, как естественное для абсолютизма, занимали в системе государственных учреждений России министерства.

8 сентября 1802 года было образовано 8 министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, юстиции, коммерции, финансов, народного просвещения и внутренних дел.

В манифесте об учреждении министерств подчеркивалась личная ответственность министра за состояние дел во вверенном ему ведомстве.

"Министр должен иметь непрерывное сношение со всеми местами, под управлением его состоящими, быть сведущим о всех делах, которые в них производятся".

Министры имели право законодательной инициативы. Ежегодно они должны были представлять отчеты о деятельности министерства императору и Сенату. Формально Сенат мог отменить распоряжение министра, если оно не соответствовало действующему законодательству. Но поскольку министры имели право личного доклада императору и часто реализовывали его устные распоряжения или получали от него одобрение своих действий, то слагали с себя всякую ответственность. Самым большим и многофункциональным министерством стало Министерство внутренних дел.

Министр внутренних дел, согласно манифесту об учреждении министерств, должен был "пецись о всеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей Империи". Это выразилось в сосредоточении в МВД большого объема внутренних функций государства. В нем первоначально было образовано четыре основных структурных подразделения — так называемые экспедиции.

Например, в компетенцию первой входило "заведывание делами народного продовольствия и соляной части", третья (экспедиция государственного хозяйства) занималась вопросами "усовершенствования земледелия", управляла государственными фабриками и заводами, добычей торфа, каменного угля, обеспечивала переселение крестьян на новые земли, следила за состоянием дорог. В 1806 году первая и третья экспедиции МВД были объединены.

Четвертая называлась экспедицией общественного призрения. В ее ведении были больницы, богоугодные заведения, тюрьмы.

Управление полицией находилось в компетенции второй экспедиции. Она называлась экспедицией спокойствия и благочиния и состояла из двух отделений. На 1-е отделение возлагалось: сбор сведений о происшествиях, предотвращение "ложных слухов", а главное — наблюдение за повиновением крестьян законной власти, что входило в задачи сельской полиции. 2-е отделение руково-

дило городской полицией и пожарными командами. В него также направлялись жалобы на полицию.

Первым министром внутренних дел был назначен граф Виктор Павлович Кочубей — крупнейший государственный деятель России первой половины XIX века, один из инициаторов и авторов проекта создания министерств. По мнению А.С.Пушкина, никто как В.П.Кочубей “так превосходно не решал трудных вопросов, не приводил мнений к согласию...”. Во многом это умение определялось тем, что первый министр внутренних дел “был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко”. Заместителем министра был один из членов Негласного комитета и друг Александра I граф Павел Александрович Строганов. Начальником канцелярии Министерства внутренних дел был назначен Михаил Михайлович Сперанский. В этой должности М.М.Сперанский “показал силу своего творческого ума, внес в действия министерства жизнь, одушевление, инициативу”

По свидетельству современника, наличие в руководстве МВД хорошо подготовленных людей привело к тому, что его организация, деятельность нередко служила образцом для других ведомств. “Между прочими заслугами Министерства внутренних дел должно считать не последнюю исправление и обогащение русского делового слога”.

Для описания всех реорганизаций, происходивших в МВД, при канцелярии было создано “общество дворян” из 10 человек, которое помимо связей с уездными и губернскими дворянскими собраниями должно было “описывать историческое начало и перемены в каждой части министерства”.

Одним из первых вопросов, который пришлось решать руководству МВД, было материальное обеспечение служащих полиции, которые “не могли жить по средствам вследствие мизерности получаемых ими окладов, что нередко приводило к реализации возможностей, имевшихся у полицейских для получения “небезгрешных доходов”. По инициативе МВД в сметы городских расходов были включены специальные статьи на содержание полиции: “на жалованье по штату, на провиант и обмундирование, на фураж, содержание пожарного инвентаря, на дрова, свечи”.

Заметным явлением общественно-политической и культурной жизни России в начале XIX века стало создание Министерством внутренних дел в 1804-1809 гг. первого в истории страны официального периодического журнала. Он назывался “Санкт-Петербургский журнал”. В его издании принимали участие министр внутренних дел В.П.Кочубей, М.М.Сперанский и даже сам Александр I. В первом разделе журнала публиковались императорские указы, распоряжения Сената, министров.

Большой общественный резонанс вызвала публикация в “Санкт-Петербургском журнале” отчетов министра внутренних дел о деятельности вверенного ему ведомства. Были обнародованы сведения о количестве умышленных убийств, самоубийств, “нечаянных смертей”, т.е. произошедших в результате несчастных случаев, пожаров, как удивительным образом один из иностранных наблюдателей в России, впервые публично раскрывались даже возмущения, вызванные неудовольствием крестьян. Во втором разделе журнала публиковались материалы об организации и деятельности государственных учреждений, в том числе и полиции, тюрем, в зарубежных странах, а также статьи по вопросам права, экономики.

С 1809 по 1819 год МВД издавало официальную газету “Северная почта”. Она выходила два раза в неделю и была важнейшим источником информации для большинства граждан (особенно в период Отечественной войны 1812 года) о событиях, происходящих в России и за рубежом.

В 1806 году на основе обобщения и анализа деятельности Министерства внутренних дел В.П.Кочубей и М.М.Сперанский подготовили проект его реорганизации, который был утвержден Александром I. Некоторые функции по руководству государственным хозяйством были переданы в другие министерства и ведомства. В состав МВД вошел почтовый департамент. Помимо экспедиций и входивших в них отделений были образованы новые структурные подразделения, так называемые столы. В каждом отделении было несколько столов, руководимых столоначальниками.

Существенной реорганизации подверглась экспедиция спокойствия

и благочиния, получившая название экспедиции государственного благоустройства. Она состояла из двух отделений и пяти столов. Первый стол 1-го отделения занимался сбором сведений о всех происшествиях, преступлениях, о прибывших из-за границы и выезжающих из страны, контролем за “благочинием публичных зрелищ и собраний”. В ведении первого стола были создававшиеся с 1809 года в Санкт-Петербурге и Москве, а затем и в других крупных городах “полицейские адресные конторы, в которых обязаны регистрироваться люди обоих полов и любого сословия, работающие по найму в любом частном доме”. Для того чтобы получить разрешение на жительство, иностранцы должны были заполнять соответствующую анкету и обменивать паспорт. Введение адресных контор расширило возможности полиции по контролю за жителями крупных городов Российской империи. Второй стол следил за состоянием дорог и соблюдением порядка на них, устанавливал штаты городских полицейских команд, ночной и пожарной стражи, служителей тюрем, организовывал и контролировал доставку осужденных к местам отбывания наказания, участвовал в организации рекрутского набора в армию. Основной задачей третьего стола первого отделения было назначение, награждение и увольнение полицейских чиновников. Во 2-м отделении экспедиции государственного благоустройства рассматривались жалобы на полицию по поводу “медлительности, проволочки, насилия личности и имущественного”.

Экспедиция государственного благоустройства была самой большой в Министерстве внутренних дел. Более половины из 25 тысяч входящих в МВД документов и 16 тысяч исходящих из него относились к компетенции экспедиции государственного благоустройства.

Определенная в 1806 году структура МВД и круг его задач остались без изменений до 1810 года, когда произошла очередная значительная реорганизация системы государственного управления, в результате которой было образовано Министерство полиции.

Александр БОРИСОВ,
кандидат исторических наук

"Друзей осталось РАЗ, ДВА..."

В САМЫЕ ненастные и студёные месяцы каждого года — в ноябре и декабре — семья генерала Шаталина, его боевые друзья собираются для того, чтобы отогреть сердца друг друга воспоминаниями об этом замечательном, доброй души человеке. Совсем недавно, 26 декабря 1999-го, Юрий Васильевич отмечал свое 65-летие, собирал многочисленных друзей. А в ноябре 2000-го он скоростно скончался, и те же друзья, еще не забывшие недавнюю радость общения с Юрием Васильевичем, безутешно о нем горевали...

Память о честном боевом генерале хранят те, кто бок о бок прошел с ним Афганистан, Нагорный Карабах, Абхазию, Северный Кавказ. К первой скорбной годовщине на могиле Юрия Васильевича был установлен памятник: бюст командующего, православный крест, венчающий стелу черного гранита, и здесь же, словно только-только снят с головы и возложен среди живых красных гвоздик, краповый берет — символ спецназовской доблести и чести.

С декабря минувшего года в подмосковном городе Хотьково появились новые таблички на нескольких, в том числе и его, Юрия

Васильевича, домах: "Проезд генерала Шаталина". Ходатайство внутренних войск об увековечении памяти своего бывшего командующего, поддержанное местной администрацией, удовлетворил преемник генерала Шаталина в Афганистане, а ныне губернатор Московской области Борис Всеволодович Громов.

На торжественную церемонию открытия памятной доски на доме, где прошли последние годы жизни Юрия Васильевича, приехали его боевые друзья генералы армии М.Моисеев и В.Ермаков, генерал-полковники А.Шкирко и И. Шилов, генерал-лейтенанты Б.Смыслов, А.Гриенко, С.Кавун, Герой России полковник С.Лысюк и другие ветераны спецназа внутренних войск. По заснеженной улице с новым названием прошли торжественным маршем молодые воины-софринцы.

УЛИЦЕ ПРИСВОЕНО ИМЯ
ГЕНЕРАЛ ПОЛКОВНИКА
ДИНА ЮВ ЗА ЗАСЛУГИ
ОТЕЧЕСТВУ

Несколько строк, оставленных в домашней записной книжке во время одной из встреч давних боевых друзей: "Юрий Васильевич, спасибо за такт, за верность! Другей осталось раз, два... Очень рада, что могу на Вас опереться". Это написала жена генерала армии М.Моисеева Галина Иосифовна — они дружили семьями.

Если б генерал Шаталин мог нас услышать! Юрий Васильевич, мы вас помним. И память эту будем завещать новым поколениям "краповых беретов". Поэтому дружба у вас будет всегда.

Фото Вячеслава ПОСПЕЛОВА,
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Военный писатель-публицист полковник Борис КАРПОВ работает над книгой “Краповый берет генерала Шаталина”, в которую войдут воспоминания его сослуживцев и родных, интервью и репортажи, опубликованные в различных газетах и журналах, неизвестные прежде документы и фотографии. В этом номере мы публикуем главу будущей книги, посвященную афганскому периоду боевой биографии Юрия Васильевича Шаталина.

Краповый берет генерала ШАТАЛИНА

Борис КАРПОВ

Афган: “Прощание славянки”

Так уж назначено было его многотрудной военной судьбой — праздники, памятные даты, дни рождения встречать вдали от домашнего очага, в походах. В декабре 1979-го — в день своего 45-летия он вел дивизию в сопредельный Афганистан. Горячие чувства и беспокойные мысли он охлаждал-успокаивал трезво-просчетливым умом командира-аналитика. Еще не подозревал, что, первым ступая на чужую землю, начинает со своими солдатами и офицерами долгий военный поход, трагическую и героическую эпопею, которая продлится целое десятилетие в горах и пустынях, а потом навсегда вонзится ядовитой колючкой в больную память сотен тысяч советских людей...

Почти через десять лет Герой Советского Союза

генерал Борис Громов будет выводить последние подразделения своей 40-й армии из Афганистана. Медь военных оркестров будет “Прощанием славянки” выбивать слезу у тысяч славянок — кто-то дождется своих опаленных войной мужчин, а кто-то так и не свыкнется с сиротской, вдовьей участью.

Но это будет ох как нескоро — аж в феврале 1989-го. А тогда, в конце 1980-го, Громов примет у генерала Шаталина дивизию. Летом 1994 года Борис Всеволодович подарил мне свою только-только вышедшую книгу “Ограниченный контингент”. Нашел я там и воспоминания о тех днях, когда два комдива (высокие должности, звания, всенародная известность к обоим придет через несколько лет) вместе колесили по Афгану, в одном вертолете летали над местами временной дислокации и боевыми позициями своего соединения.

“Осенью я был назначен командиром 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, которая до ввода в Афганистан находилась в Кушке... — вспоминает Борис Громов. — Почти вся дивизия осенью 1980

года находилась в Шинданде. Лишь один полк действовал в отрыве от основных сил — он был расположен в Герате, очень красивом, с тысячелетней историей городе. Этот район был для нас важен прежде всего потому, что там находилась вторая по величине авиабаза на всем западе Афганистана...

Я сменил на должности командира дивизии генерала Юрия Васильевича Шаталина, который позже стал командующим внутренними войсками. 5-й мотострелковой дивизией он командовал долго, еще до того, как она была введена в Афганистан. За четыре дня мы вместе с ним облетели районы, где несли службу подразделения дивизии, побывали почти на всех заставах и в Герате.

Он познакомил меня с офицерами и афганским руководством авиабазы. Интересна такая деталь. К себе домой, в Кушку, генерал Шаталин улетал рано утром. От штаба дивизии до аэродрома было не больше пяти минут езды на машине. Когда мы туда приехали, нас уже ждали оркестр, заместители комдива и командиры частей. После того как мы попрощались и были сказаны все теплые слова, оркестр заиграл "Прощание славянки". Двигатели вертолета уже работали, Шаталину оставалось только сесть и закрыть люки. В этот момент у вертолета неожиданно лопнуло одно колесо. Все немного растерялись. Во-первых, такое происходит не каждый день, а во-вторых, Шаталину предстояло больше часа лететь над районами, где простреливали. Прежде всего это была огромная "зеленая зона" вокруг Герата. Пришлось, чтобы, не дай Бог, не случилось самого плохого, дополнительно выделить два вертолета огневой поддержки.

5-я дивизия в бытовом отношении была обустроена лучше других. Штаб стоял примерно в километре от частей, так что туда мы ходили пешком. Все управление дивизии разместились в шести одноэтажных домиках, в каждом из которых было четыре комнаты, печное отопление, туалет и умывальник..."

В справедливости утверждения, что мир тесен, мне пришлось убедиться в очередной командировке с генералом Шаталиным в Нагорный Карабах. Там познакомился с армейским капитаном по фамилии Скобелев. Алексей оказался сыном полковника (в недалеком будущем генерала) Евгения Скобелева, который в Афганистане был... начальником штаба в дивизии Шаталина. В других главах — карабахской и северокавказской — мы еще расскажем об этой военной династии с не просто звучной фамилией, но с героической и, увы, трагической судьбой. А сейчас, говоря о 5-й гвардейской дивизии, первой вошедшей в состав ограниченного контингента, процитирую страницы "Афганского дневника" моего давнего товарища и коллеги полковника Виктора Верстакова, который, будучи военным корреспондентом "Правды", первым из журналистов побывал в шаталинской дивизии. Строки, написанные в самом начале афганского похода, интересны и уместны здесь, потому что, во-первых, дают некоторое представление о службе и быте дивизи-

зии, а во-вторых, рассказывая о Евгении Константиновиче Скобелеве мы как бы знакомимся и с самим комдивом Шаталиным — настолько схожи их биографии, которые авторы и той книги, и этой не рискнули бы назвать безмятежно счастливыми.

"Отец Скобелева погиб на фронте, — читаем в "Афганском дневнике", — мать умерла через два года после Победы. Шестилетним мальчонкой Женя попал в детский дом, затем его усыновили, но потом опять вернули в детский дом, из которого он поступил в суровское училище. Да и офицерская служба начиналась трудно. Вместе с лейтенантскими погонами получил назначение в Заполярье. Край суровый, но Скобелев не унывал. Умного, дельного командира взвода заприметил и взял под опеку большой командир, генерал. Поопекал немного и пригласил к себе в адъютанты. Лейтенант к адъютантству не рвался, о чем честно доложил начальнику. "Пока я здесь служу, будете командовать взводом", — пошутил генерал. Оказалось, что в шутке была немалая доля правды...

— Если бы ты знал, как домой хочется! Нет, не надолго — хотя бы на десяток минут! — соединив некоторую долю сентиментальности с военной точностью, сказал вдруг Евгений Константинович. — Побывал бы, семью бы увидел, дочку, сына поцеловал, Наде бы объяснил, что и как, она у меня умная, доймёт... И снова сюда, к ребятам... Я на судьбу не жалею, счастливая у меня судьба. Просто я жену свою очень люблю. И сына люблю, и дочку..."

Доверил начштаба военному корреспонденту самое сокровенное, когда всю ночь напролет разговоры разговаривали в тесном скобелевском кунге. А рядышком стояла такая же походная кибитка комдива, и мысли, и чувства генерала Шаталина были точь-в-точь такие же. Судьбы их похожи настолько, что теперь, когда оба генерала — и Шаталин, и Скобелев — отошли в мир иной, знавших их аж оторопь берет от некоторых параллелей в двух боевых биографиях. У обоих безотцовщина и раннее сиротство. И тот и другой пробивались по жизни самостоятельно. Оба выбрали военное училище и службу начинали далеко за пределами мегаполисов. И сыновья их позже станут офицерами, но это когда еще будет...

Лейтенант Шаталин, взяв разбег в Прикарпатском военном округе, поступил в академию, после которой отправился в Туркестан. Среди военных хорошо известны такие обреченно-бодряческие строки: "кому Арбат, а кому Кызыл-Арват" и "меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют". А вот Шаталину и дивизию довелось возглавить все в той же легендарной Кушке, что издавна считалась южным форпостом и России, и Союза.

Жену свою Веру он крепко любил, детей у них было двое — дочь Татьяна и сын Володька. На склоне лет, уже в ожидании внуков, Юрий Васильевич горько вспоминал, что мог у них быть и третий ребенок. Если бы не эта запредельная Кушка, где с медицинским обеспечением было не здорово. Единственная на всю округу врач-гинеколог была на учебе, когда случились преждевременные роды.

Принять их было некому. Как тут не посетовать на горькую судьбу, на какой-то злой рок, что преследовал по жизни Юрия Васильевича, — и преждевременную смерть в 1987 году жены Веры Леонидовны (и тут был допущен преступно-халатный промах медиков), и несправедливое отстранение от должности командующего внутренними войсками в трагичном для державы 1991-м, и гибель сына второй супруги в 1993-м. Горести житейские забывались в службе. А печальная судьба Отечества? Внешне сдержанный, невозмутимый на людях, Юрий Васильевич очень остро переживал в душе и семейные драмы, и потери войск в период перестройки-перестрелки, и развал великой державы, которую он оберегал сначала на западных, а потом на южных рубежах, с врагами которой сражался на внутренних фронтах. Сердце получало одну рану за другой, покрывалось болезненными рубцами. Бесстрашный и даже удачливый на поле брани генерал терял здоровье, поскольку утверждение, что все болезни от нервов, к нему можно отнести в полной мере: многие годы он скрывал за темными очками нервный тик, лечился от рожистого воспаления на нервной почве, получил обширный инфаркт и спустя год после 65-летия...

Но здесь вспоминаем его славную боевую биографию, а потому вернемся в расположение 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, в Афганистан.

«С первыми звуками побудки вышли на улицу палаточного городка. Скобелев с удовольствием потянулся, сделал несколько гимнастических упражнений. Утро было морозным, ясным. В быстро редющем сумраке все отчетливей, как на проявляемой фотографии, проступали зубцы окружавших долину гор. Пролетел вертолет, подсвеченный красным и зеленым бортовыми огнями, чертя концами лопастей пунктирный световой круг.

— Красивая страна... — оглядываясь, сказал Скобелев. — Правда, бедно люди пока живут, долго им не давали на ноги подняться. И сейчас мешают. Но ничего, народ крепкий. Выдоят, счастливыми еще будут и богатыми. Попросили помочь — поможем.

Вертолет тем временем снизился, сделал круг, явно заходя на посадку.

— Пойду-ка в штаб, не зря он сюда прилетел. Чувствую, что нагадала судьба кому-то дальнюю дорогу...

— Путешествие у тебя будет большое, сам бы полетел, да начальство не пукает, — говорил Скобелеву командир (генерал-майор Юрий Шаталин. — **Б.К.**). — Первую посадку сделаешь здесь...

Офицеры склонились над картой, прикидывая и рисуя маршрут, отмечая точками места посадок. Последнюю точку командир поставил уже не на афганской, а на советской земле.

— Вернуться приказываю до темноты, так что свидания с женой не гарантирую.

После разговора с командиром Скобелев в дальнем углу палатки записал в рабочий журнал дежурного несколько фамилий.

— Прошу этих офицеров немедленно найти и оповестить — полетят со мной. Сбор на вертолетной площадке.

Затем повернулся ко мне:

— В горах батальон афганский что-то притормозил, полечу туда с дружеским визитом. Если ничего особенного, то подальше слетаю. Могу взять, в вертолете местечко найдется.

... Самым желанным для нас было место последней в этом полете посадки, тем более что приземлился вертолет не просто на родной земле, а возле родного для Скобелева и сопровождавших его офицеров гарнизона.

Еще крутились по инерции винты, а к вертолету уже подъехал штабной «уазик». У жилого городка Скобелев приказал шоферу остановиться, первым выпрыгнул на асфальт. Офицеры тоже выбрались из машины, молча вглядываясь в знакомые контуры каменных домов, кресты телевизионных антенн над крышами, в многолюдье гарнизонной улицы. Здесь жили их жены, учились дети. В кочевой военной жизни гарнизон постоянной дислокации не просто точка на карте, а собственный центр Родины...

— Времени у нас двадцать пять минут, — прервал молчание Скобелев. — Мне нужно быть в штабе, остальным разрешаю заглянуть домой. Сбор у офицерской столовой.

Офицеры поспешили к семьям, а Евгений Константинович снова сел в машину, сказал водителю:

— Давай, родной, к штабу.

Пока ехали по жилому городку, Скобелев покусывал вздрагивающие губы. Переборов себя, улыбнулся:

— Вот такая у военных планида. Уедешь из гарнизона — без семьи живешь, заглянешь в гарнизон — времени нет, чтобы увидиться. Хотя все равно жена сейчас на работе, сын в школе, дочка в саду. Впрочем, если бы не дела... Но помня мое слово: вернутся ребята от жен — начнут хором печалиться: мол, только душу разбередили, еще бы хоть полчаса — другой коленкор... Так что мне и тут повезло, не зря ведь утверждаю, что я человек счастливый!

Впервые интонация подполковника показалась мне неискренней. Служба вздумала еще разок его испытать, о каком тут счастье или несчастье может быть речь... Но через двадцать минут, когда тот же «уазик» подвез нас от штаба к офицерской столовой, где уже поджидали Скобелева сослуживцы-спутники, которые наперебой заговорили: «Разбередили только душу, пришли да ушли, лучше бы совсем домой носа не совать», — подполковник засмеялся искренне, заразительно:

— Ну, что, разве не угадал?

А маленький, в одну улицу, военный городок жил вокруг нас отлаженной, внешне спокойной, совсем обычной — если, конечно, видишь ее ежедневно, а не залетев на несколько минут из горной пустыни — жизнью. Молодые мамы катили по пешеходным дорожкам синие и красные колясочки, возились в пе-

сочницах малыши, хлопало на веревках белье, что-то меняла в магазинной витрине девушка-продавец в беленьком чепчике.

— Пора в путь-дорогу, — властно, будто отгоняя досадное наваждение, сказал Скобелев...

В долинный лагерь успели прилететь до темноты. После доклада командиру пошли перекусить..."

А командир, генерал Шаталин, как ни рвался душою хотя бы на такую же, двадцатиминутную побывку домой, в "собственный центр Родины", в Кушку, оставался в тот день у руля. Командир, тем более такого ранга и в таких, боевых условиях, себе не принадлежит — как от подчиненных требует

три с половиной года. Ему уже светило повышение по службе, когда было принято решение двинуть советский ограниченный контингент в сопредельный дружественный Афганистан. Комдив Шаталин не мог в такой момент передать командование родным соединением в чужие, или, скажем помягче, новые, неопытные руки. По горным перевалам и через пустынные пространства дивизию повел сам.

Много позже, накануне 15-й годовщины со дня ввода советских войск в Афганистан и своего 60-летия, Юрий Васильевич по просьбе газеты "Красная звезда" будет вспоминать начало афганского похода:

Одна из командировок генерала Ю.В. Шаталина в Афганистан. 1988 год.

Афганская армия научилась воевать. Вручение боевой награды военному советнику.

Фото из семейного альбома Шаталиных

жить по уставу, так и сам — без разрешения за пределы гарнизона ни шагу.

Впрочем, Юрий Васильевич всегда подчеркивал, что военная его судьба была счастливой хотя бы потому, что всю жизнь ему приходилось командовать исключительно гвардейскими подразделениями, частями, соединениями и даже армией — 7-й гвардейской, единственной в советских Вооруженных силах.

И свою 5-ю гвардейскую Краснознаменную мотострелковую дивизию он любил так же преданно, как герой Георгия Юматова из фильма "Офицеры" — помните его возвращение в родной гарнизон из Москвы, когда на пыльной дороге повстречал идущую на полигон танковую колонну? Кругом пыль и грохот, а в душе — и гордость, и восторг! Юрий Васильевич Шаталин командовал дивизией в Кушке

"Тогда, 15 лет назад, мы еще не знали, чем закончится для нас эта война: что более 14 тысяч сложат свои головы на поле боя и умрут от ран, а судьба более 300 и вовсе останется неизвестной, что спустя 15 лет не будет и самой нашей великой державы, а на ее пространстве запольхают свои Афганы... Собственно, и войной происходящее тогда нам еще не казалось. Живой интерес к "шурави" и приветли-

вые улыбки местных жителей, щебетание вездесущих “бочат” (афганских мальчишек), совместные субботники, вечера дружбы... Какая ж это война?!

Это потом будут похоронки и горькие рейсы “черного тюльпана”, Звезды Героев и слезы матерей. Это потом будет 15 февраля 1989 года, и замыкающий нашу последнюю колонну последний командарм-40 Борис Громов, вступив на советский берег Амударьи, попросит собравшихся минутой помолчать в память о тех, кто не вернулся. А тогда...

В 15.00 по московскому времени 25 декабря 1979 года авангардный мотострелковый батальон на БМП вступил на понтонный мост, соединявший берега Аму. Это и было время “Ч” — 40-я армия под командованием генерал-лейтенанта Юрия Тухаринова перешла государственную границу. Из Термеза войска шли на Кабул. Из Кушки — на Герат — Шинданд — Кандагар...

В 1979 году я уже четвертый год командовал 5-й гвардейской мотострелковой дивизией, штаб которой находился в Кушке, и готовился к ее сдаче. Прошел собеседование в ЦК КПСС, готовился к новой должности. Поэтому объявление 11 декабря (еще одно роковое совпадение — именно 11 декабря 1994 года начнется первая чеченская кампания! — **Б.К.**) дивизии повышенной боевой готовности мне запомнилось особо. Думал, что вскоре последует отбой. Ведь это было уже третье развертывание дивизии за год. Однако через два дня дивизии была объявлена полная боеготовность. А когда к нам прибыл с оперативной группой генерал-полковник Меримский, возглавлявший тогда Главное управление боевой подготовки Сухопутных войск, стало ясно, что на этот раз отбой последует нескоро.

Генерал-полковник Меримский провел в дивизии КШУ на картах, где частям намечались маршруты движения на афганскую территорию, но без конкретной обстановки. Помню, начальник штаба дивизии подполковник Евгений Скобелев тогда в шутку сказал: “Как бы нам Новый, 1980-й, год не встречать вместе с афганцами...” Всерьез его слова никто не воспринял. Нас, конечно, интересовали события в Афганистане — все же мы служили на советско-афганской границе, особенно после мятежа афганского гарнизона в Герате, вспыхнувшего в марте 79-го, когда там были казнены несколько наших военных советников, ходило много различных слухов.

Именно в разгар мятежа наша дивизия тогда была впервые развернута до штата военного времени. Но потом постепенно все улеглось, и мы снова переключились на наши обыденные дела, боевую подготовку.

Затем летом дивизию снова подняли по боевой тревоге, доукомплектовали до полного штата. Может, из-за этого в декабре в районе сосредоточения нам было особенно тяжело с приемом техники и людского резерва. Партийные и советские власти попросту игнорировали наши мобилизационные планы. Многие хозяйства вместо ЗИЛов отдавали нам старые ГАЗ-50 и ГАЗ-51, иногда предлагали две неисправные машины вместо одной. Мое терпение

лопнуло, и я вынужден был доложить об этих хитростях Гапурову, первому секретарю ЦК компартии Туркменистана. И только после этого мы более-менее доукомплектовали дивизию людьми и техникой до штата военного времени.

Начали активную подготовку приписного состава, сколачивание подразделений. Знаю, с такими же большими сложностями шло отмобилизование и 108-й дивизии под командованием генерал-майора Константина Кузьмина, находящейся в Термезе, которая тоже готовилась для ввода в Афганистан. В Термезе, кстати, был развернут и штаб 40-й армии, командующим которой стал генерал-лейтенант Юрий Тухаринов, а генерал-майор Леонид Земцов-Лобанов возглавил штаб.

Досье:

“10 декабря 1979 года Генеральным штабом в ТуркВО по устным приказам министра обороны СССР Д.Устинова были отданы следующие распоряжения:

— доукомплектовать до полного штата и 11 декабря отправить в Термез понтонно-мостовой полк КВО;

— привести в повышенную готовность 103-ю воздушно-десантную дивизию и 11 декабря сосредоточить ее на аэродромах погрузки;

— привести в повышенную готовность пять дивизий и три отдельных полка ВТА и 11 декабря сосредоточить их на аэродромах погрузки;

— привести в повышенную готовность 5-ю и 108-ю мотострелковые дивизии ТуркВО. По одному мотострелковому и танковому полку этих дивизий привести в полную готовность. (Историко-архивный отдел Генштаба РФ. Фонд — 48)”.
Нужно отметить, что развертывание 40-й армии осуществлялось в условиях секретности под видом подготовки к учениям. Хотя чем ближе было время “Ч”, тем больше шло разговоров об Афганистане, но это были одни разговоры, и только. Сужу по себе. Впервые о вводе дивизии в Афганистан мне достоверно сообщил командующий войсками ТуркВО генерал-полковник Юрий Максимов утром 24 декабря, но об этом я не имел права сказать даже своим заместителям — полковникам Александру Мельникову, Евгению Скобелеву, Виталию Павлюченко (в то время Е.Скобелев был еще подполковником. — **Б.К.**), не говоря уже о других командирах.

Вечером того же дня по заранее оговоренному сигналу я вскрыл пакет, где ставилась боевая задача дивизии на ее ввод в Афганистан, в район Кандагара. Таким образом, на выработку решения на марш, постановку конкретных задач командирам полков, приданных подразделений у нас оставалось двое суток. В течение следующего дня наш штаб выработал решение на марш.

Досье:

“Окончательное решение об оказании военной помощи ДРА было принято 12 декабря 1979 года Л.И. Брежневым по предложению комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану в составе — А.Громыко, Ю.Андропова, Д.Устинова”.

Несколько слов по поводу политического решения этой военной акции.

С позиции сегодняшнего дня, конечно, ясно, что советское руководство допустило роковую ошибку, приняв решение ввести войска в Афганистан. Сам способ принятия этого решения в узком кругу "кремлевских старцев", полное игнорирование при этом мнения военных, ученых-востоковедов, поправки советского законодательства не могут вызвать ничего, кроме осуждения. Однако считаю своим долгом подчеркнуть, что ошибки бывшего советского руководства ни в коем случае не умаляют чести и достоинства воинов-интернационалистов, героически выполнявших свой долг в Афганистане в полной уверенности в справедливости и необходимости военной помощи афганскому народу после Апрельской революции 1978 года. Армия законно выполняла приказ, отданный в соответствии с решениями политического руководства страны. Сомнений в этом у меня нет даже сегодня, спустя пятнадцать лет.

Как позже стало известно, министр обороны СССР маршал Д. Устинов подписал общую директиву на ввод войск в Афганистан "в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу..." В директиве участие войск в боевых действиях на территории Афганистана не предусматривалось. Имелось в виду, что войска встанут гарнизонами, возьмут под охрану военные объекты и тем самым стабилизируют обстановку в стране. Общий замысел сводился к тому, чтобы двумя наземными маршрутами: Термез — Хайратон — Газни и Кушка — Герат — Шинданд — Кандагар, а также по воздуху с помощью самолетов ВТА перебросить 103-ю ВДД на территорию ДРА и таким образом опоясать кольцом жизненно важные центры Афганистана и границу. Хотя время "Ч" — срок пересечения границы — было установлено 25 декабря в 15 часов московского времени, на нашем, кушкинском, направлении переход смещался на одни сутки.

Боевой приказ на марш командиру авангардного полка подполковнику Владимиру Кабанову я отдал в 20 часов 26 декабря. Правда, 25 декабря днем я приказал приданному дивизии тактическому десанту в составе батальона ДШБ выйти заблаговременно на Гератский перевал и предотвратить возможное сопротивление 17-й афганской дивизии, где в марте был мятеж. Как потом выяснилось, мы на полчаса опередили афганцев, которые планировали устроить засады для наших колонн. А когда пошли БМП, танки, они уже не посмели открыть огонь.

Не забыть мне тех декабрьских дней и ночей 79-го. Конечно, ни я, ни мои заместители не думали тогда, что с этого семисоткилометрового ночного марша до Кандагара начинается самая длинная в истории Союза афганская война, которая принесет неисчислимые жертвы и нам, и афганцам. Вымотанные за те две недели подготовки офицеры и солдаты хотели тогда одного — определенности. Вы-

полнить боевую задачу — никто не предполагал, что она затянется больше чем на месяц-другой — и вернуться обратно домой. Увы, история распорядилась по-другому. А черновиков у нее не бывает.

Дивизия выдвигалась из Кушки, Тахта-Базара и Олотани. Наши колонны растянулись на десятки километров. Как сейчас помню первую встречу с афганцами в Герате. Это случилось на рассвете 27 декабря. Удивился: 5 часов утра, а на улицах полно народа с цветами. Оказалось, встречают "шурави", как стали называть нас, советских воинов. Такая же теплая встреча была и в других городах и селениях на севере Афганистана.

Ко мне пробился командир 17-й ПД и наш советник и предложили на своей машине подъехать в штаб, где от меня ждал сообщений главный военный советник в ДРА генерал-полковник С. Магомедов. Не успел я сказать и пары фраз, как генерал набросился на меня с упреками, почему от меня не поступило докладов. "Я вас не знаю, — ответил я тогда. — У меня есть командующий армией, округом, им и идут мои доклады". Узнав об этом, генерал-лейтенант Анатолий Богданов меня отчитал за то, что я отлучился от дивизии да еще на чужой машине. А если это провокация? Мы все еще жили по законам мирного времени, а по сути, вступили на землю, где бушевала война.

Позже стало известно о наших первых потерях — на перевале Саланг в первый день марша улетел в пропасть экипаж БМП. Тогда же на подлете к Кабулу разбился, а возможно, и был подбит, самолет Ил-76 с десантниками на борту.

Были потери, к сожалению, и у нас. 30 декабря из-за неосторожного обращения с оружием скончался от ран один солдат, а другой погиб под самый Новый, 1980 год от своих пуль. Случилось это из-за нашей безалаберности, халатности. Помню, только сели с заместителем в палатке под Шиндандом за новогодний стол — звонок от оперативного дежурного: 101-й полк ведет бой под Гератом. Я тут же сел на бэтээр и с группой офицеров поехал в полк. Оказалось, что мотострелки открыли ответный огонь по расположению нашего медбата, когда оттуда кто-то дал очередь. А ночью, известно, все кошки серые. Началась пальба. В результате один человек погиб, еще несколько человек было ранено. Так что Новый год мы встречали в трауре — отправляли в ящиках из-под боеприпасов (не было гробов, да и никто не думал о потерях) погибших солдат. На душе у меня было скверно.

Врезались в память и первые убитые мирные афганцы. Случилось это, правда, несколько позже, но тоже из-за нашей халатности. Мне доложили разведчики (ко мне поступали донесения от нашей агентурной разведки и афганской военной разведки), что в одном из кишлаков под Шиндандом появилась банда душманов. Я долго колебался, а затем под давлением старшего опергруппы МО поднял в воздух звено вертолетов огневой поддержки. Вертолетчики недолго думая ударили ракетами по кишлаку. Но оказалось, что там были одни мирные

жители. Когда я прибыл в этот кишлак, еще дымились развалины мечети, лежали убитые старики и дети. Потом, уже будучи командующим внутренними войсками СССР, а затем первым заместителем главкома погранвойск СНГ, я не раз видел разрушенные жилища, расстрелянных людей. Но те первые безвинно погибшие афганцы, среди них был и один мальчик, до сих пор у меня перед глазами.

А летом, когда нас втянули в рейдовые действия против бандформирований, подобные факты трагической гибели мирных граждан стали явлением чуть ли не повседневным — на войне каждый просчет ведет к жертвам. Естественно, все это коверкало сознание наших воинов. Ведь воевали почти мальчишки. Понятно, что все это вызывало у них и боль, и страх, и недоумение...

А каким потрясением для всех нас явились первые наши массовые потери под Джелалабадом, в ущелье Пятильвов, на перевале Саланг...

Рассуждая сейчас об этом времени, я не раз ловил себя на мысли, что мы все помечены той войной и многие наши беды, несчастья для страны начались именно с тех трагических событий декабрьских дней 1979 года. До сих пор раздаются еще голоса, что война эта была нужна военным. Военным-то как раз она и не нужна! Это мы отчетливо сознавали уже в первые дни пребывания на афганской земле. Писали, требовали. Но, увы... Как любил повторять маршал Ахромеев, легко начать войну, сложнее из нее выйти. И там, наверху, вовремя не остановили маховик афганской войны, не вывели 40-ю армию даже тогда, когда в воздух поднялись и взяли курс на Родину первые "черные тельпаны" — самолеты с погибшими.

... В установленное время части нашей 5-й дивизии вышли в будущие пункты дислокации — Герат, Шинданд, под Кандагар. Тяжелее всего было "партизанскому" полку, как мы называли 373-й полк под командованием майора Алакули Салтанова. Его пришлось собирать в окрестностях Кандагара в течение двух суток. К счастью, все обошлось без жертв. И я с чистой совестью доложил 29 декабря министру обороны СССР маршалу Д. Устинову о выходе полков дивизии в указанные пункты на афганской земле. "Береги людей, комдив", — напутствовал меня маршал. Тогда я еще не знал, что завтра в дивизии будет первый погибший. А затем второй,

третий. И наш ограниченный контингент постепенно втянется в самую длинную в советской истории афганскую войну".

Бережь людей — было главным правилом генерала Шаталина. Маршал С. Ахромеев ставил в пример комдива 5-й гвардейской мотострелковой дивизии на серьезных совещаниях с разбором действий ограниченного контингента. За тот первый год при Шаталине дивизия потеряла погибшими 54 человека, причем непосредственно в боестолкновениях с противником — 34, а два десятка — те самые жертвы дорожно-транспортных происшествий или неосторожного обращения с оружием наших "отличников боевой и политической подготовки", как ни

горько было это признавать Юрию Васильевичу.

Осенью 1980-го, передав дивизию Борису Промову, генерал Шаталин отправился в Армению, чтобы принять должность начальника штаба 7-й гвардейской армии. Разве мог Юрий Васильевич предполагать, что и эта цветущая республика советского Закавказья станет ареной кровавой междоусобицы, оплотом

амбициозных национал-сепаратистов, да ко всему еще пострадает от разрушительного землетрясения? Не думал не гадал армейский генерал, что возглавит самые воюющие — внутренние войска, караул которых будет отбивать нападение армянских фидаинов на ереванском вокзале, а сводным подразделениям придется оборонять от беснующейся толпы аэропорт Звартноц. Через несколько лет услышит он в изумительном по красоте Нагорном Карабахе сравнение, которое не только резанет слух, но и болью отзовется в сердце — "наш карманный Афганистан"...

(Продолжение следует)

Герой Советского Союза

лейтенант Олег БАБАК

7 апреля 1991 года лейтенант Олег Бабак возглавлял заставу в районе азербайджанского села Юхары Джибикли, расположенного вблизи автотрассы Горис — Кафан. На местных жителей напали вооруженные бандиты. Кроме военнослужащих внутренних войск защитить их было некому.

В ходе нападения были тяжело ранены восемнадцатилетняя девушка, лейтенант милиции и безоружный местный житель.

Поняв, что всех разом машина из-под огня не вывезет, лейтенант Бабак отправил на ней раненых. Сам с сержантами Логиновым и Бочковым остался, чтобы задержать бандитов до прибытия подкрепления с заставы. Они бы выстояли, если бы к бандитам не пришла подмога. Силы были слишком неравными... "Отходите! Я прикрою!" — приказал замполит своим сержантам.

Прикрывая друг друга, стали отползать, чтобы укрыться в придорожном кустарнике... Бабак должен был уходить последним...

Когда подошла помощь, лейтенант лежал у дороги бездыханным. Не сумев одолеть мужественного офицера в честном бою, его убили, когда он остался без единого патрона... Все зло было вымещено на лейтенанте с предательской жестокостью — пулей в спину в упор...

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президента СССР лейтенанту Бабаку Олегу Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Приказом министра внутренних дел лейтенант Олег Бабак навечно зачислен в списки воинской части.

Герой Российской Федерации майор Сергей ГРИЦЮК

Майор Сергей Грицюк входил в состав подразделения, выполнявшего задачу по блокированию района боевых действий. Непосредственная задача группы майора Грицюка — вывести из-под обстрела людей. Бронетранспортер выдвигался к указанному рубежу, маневрируя между препятствиями. Внезапно из переулка ударила пулеметная очередь. Пули, попав под броню, начали искать себе жертвы. Появились первые погибшие и раненые.

Бронетранспортер стал легкой мишенью для тех, кто устроил засаду. Оставшиеся в живых быстро десантировались через правый борт. В нескольких метрах от подбитого бронетранспортера, за стволами деревьев и жухлыми кустами, бойцы заняли оборону. Не оказалось среди обороняющихся их командира, майора Сергея Грицюка...

Указом Президента РФ от 7 октября 1993 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, майору Грицюку Сергею Анатольевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Его имя навечно занесено в списки воинской части.

Герой Российской Федерации рядовой Юрий ЛОБОВ

В тот осенний день 1993 года рядовой Юрий Лобов был в составе подразделения, которому была поставлена задача занять указанный рубеж и вывести из-под огня группу людей. Ситуация усугублялась тем, что бронетехнике приходилось маневрировать на узком пространстве — вокруг жилого дома. Для тех, кто стрелял в солдат с крыш домов, цели были как на ладони.

При объезде очередного препятствия бронегруппа попала в засаду. По солдатам открыли огонь на поражение. С крыши здания снайпер вел прицельную стрельбу по люкам. Бронетранспортеры начали разворачиваться и сдавать назад, пытаясь выйти из-под огня. Роковая пуля влетела в приоткрытый люк... Так погиб рядовой Юрий Лобов — солдат внутренних войск.

...Юрий с детства мечтал о службе в армии. Готовился к этому серьезно: занимался плаванием, боксом, самбо, стал разрядником по футболу. Уже будучи солдатом дивизии имени Ф.Дзержинского побывал на Кавказе, где вместе с сослуживцами получил боевое крещение. Мечтал о краповом берете...

Указом Президента РФ от 7 октября 1993 года рядовому Лобову Юрию Владимировичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Он навечно зачислен в списки своей роты. Вместе с Золотой Звездой сослуживцы привезли родителям в Омск и краповый берет, о котором Юра так мечтал.

Герой Российской Федерации подполковник Александр САВЧЕНКО

В тот трагический день войсковой оперативный резерв, которым командовал подполковник Александр Савченко, получил боевой приказ не допустить проникновения вооруженных людей через рубеж блокирования. Обстановка накалялась, слышалась пулеметная стрельба, с крыш ближайших зданий велся снайперский огонь.

Подполковник Савченко находился в головном бронетранспортере. Он внимательно всматривался в триплексы, на ходу оценивая обстановку, уточняя маршрут движения колонны. Казалось, что указанный рубеж совсем близко. На узком участке дороги, по которой двигалась колонна, творилось что-то невообразимое. Плотность огня становилась все выше, приходилось то и дело объезжать различные препятствия, бесконечно маневрировать среди разбросанных бетонных блоков и автомобилями. Внезапно при объезде брошенного рефрижератора головной бэтээр вздрогнул и застыл: в броню жадно впилась раскаленная кегля, БТР загорелся, подполковник Савченко получил ранение. Возникла опасность взрыва боекомплекта. Офицер, преодолевая боль, приказал бойцам десантироваться через боковой люк и пробираться к своим машинам, но сам покинуть горящую броню не успел...

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Указом Президента РФ от 7 октября 1993 года подполковнику Савченко Александру Романовичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Имя офицера-Героя навечно занесено в списки личного состава части.

28 февраля 2002 года старейшему изданию внутренних войск МВД России, газете "На боевом посту" Отдельной дивизии оперативного назначения, исполняется 80 лет.

ГАЗЕТА — СПУТНИЦА СОЛДАТА...

ПЕРВЫЙ номер красноармейского листка "На боевом посту" был выпущен бойцами Отряда особого назначения при президиуме ВЧК 28 февраля 1922 года. Этот уникальный номер хранится в музее истории и боевой славы ОДОНа. Пожелтевшая, местами кое-где выцветшая бумага, похожая больше на папиросную, чем на газетную, испещрена мелким, напечатанным на гектографе (без клише) текстом. В обращении к читателям говорилось: "Мы выпускаем первый номер красноармейского листка. Он должен оправдать свое название, и этого мы достигнем тогда, когда сам красноармеец будет заполнять его страницы". Вскоре незатейливый по форме, но оперативный по своей сути, написанный просто и понятно боевой листок стал авторитетным изданием в кругу бойцов и командиров-снайперов. Не случайно впоследствии газета "На боевом посту" стала называться солдатской. Учитывая состав читательской аудитории, газета простым, доходчивым языком разъясняла внутреннюю и внешнюю политику Советского государства, важность задач, возложенных правительством на солдат "железного" Феликса. На страницах газеты публиковались материалы, рассказывающие об отличившихся бойцах и командирах, об образцах бдительности и находчивости солдат правопорядка.

Когда молодой Советской рес-

лению. Тогда отряду удалось собрать тонны муки.

Печатный орган отряда стал своего рода центром сплочения творческих сил. В 1922 году при газете создается литературный кружок. Кружковцы пишут даже сценарии и ставят по ним спектакли. Наибольшие зрительские симпатии заслужили две постановки: "Начеку" — о бдительности лучших бойцов и "Военная тайна" — о том, как болтливость бойца привела к срыву поставленной боевой задачи.

"На боевом посту" публиковала статьи многих видных государственных деятелей, военачальников, писателей и ученых. В 1927 году газета "Красная звезда" писала: "На боевом посту" — наша творческая подруга из ОСНАЗа — добилась очень многого. Газета из боевого листка выросла в печатный орган, который только на сегодняшний момент имеет в своем творческом активе 500 военков, из которых половина — красноармейцы! Такой потенциал нужно найти и обучить. Это дорого стоит...".

За первые годы своего творческого становления газета опубликовала более десяти тысяч различных материалов. Через печатный орган ОСНАЗа прошло около двух тысяч военков, которые после службы в армии стали активными рабочими и сельскими корреспондентами, сохранив при

*Летят года, сменяя дары,
Но шаг твой тверд,
и ты в строю.
Газета — спутница солдата
И на ученьях, и в бою!
Ведешь вперед и днем, и ночью,
С тобой мужая и расту.
Ты — на сверхсрочной,
на бессрочной,
Моя "На боевом посту"!
Армейский путь твой —
путь почетный.
Но выше всех тебе награды
Строй монолитный,
дружный, плотный
Вперед шагающих солдат.
С тобой в бессменном карауле
Дзержинцев юные сердца.
Будь горяча, подобна пуле,
Строка, литая из свинца!*

Евгений РЯБИНИН

публике угрожал страшный голод, именно еженедельный листок красноармейцев ОСНАЗа "На боевом посту" начал акцию по сбору средств голодающему насе-

этом и неразрывную связь со своим родным изданием.

ОСТОРОЖНО — очень ветхие страницы! — читаю первые номера газеты. Каждое слово, напечатанное допотопными машинами, наполнено историей: борьба с кулачеством, ликвидация неграмотности, подготовка специалистов тракторных бригад для села и участие бойцов ОСНАЗа в сборе средств на постройку дирижабля “Феликс Дзержинский”. Отдельные материалы рассказывают о спецкомандировках военнослужащих частей дивизии для борьбы с бандитизмом и басмачеством в Башкирию и Дагестан, на Урал и в Среднюю Азию. Благодаря печатному слову воины-дзержинцы узнали о подвигах П. Михайленко, А. Мороза, А. Толстова и П. Спивака, отличившихся в боях с бандитами и навечно зачисленных в списки личного состава дивизии.

Новым содержанием наполнились страницы газеты в годы Великой Отечественной войны. С 22 июня 1941 года и до победных дней 45-го газета издавалась на двух полосах, выходя шесть раз в неделю. Военные корреспонденты прямо с полей сражений передавали через посыльных весточки в редакцию о потерях и победах, печатные станки днем и ночью выдавали на-гора тысячи экземпляров многотиражки. В то грозное время дивизионка писала о подвигах воинов-дзержинцев на фронтах Отечественной, о службе дзержинцев по охране государственных объектов, о борьбе с диверсантами и шпионами, бандитами и дезертирами. “На боевом посту” даже выпускала тематические номера, посвященные обнаружению и тушению вражеских снарядов и сигнальных мин, правилам поведения бойцов и командиров при массированных артогнях и ударах. А дзержинцы писали в свою любимую газету своеобразные “письма с фронта”, в которых любовь к Родине, своим родным и близким выражали в поэтических строчках.

ПРАВИЛЬНО подмечено, что газета начинается с редактора. Редактор — это человек, не только руководящий творческим потенциалом в виде шта-та целой газеты, но и отвечающий за каждую строчку выпущенного в свет издания. Печатным словом можно казнить нерадивого командира, словом можно воспитать прощтрафившегося солдата, словом можно поддержать сослуживцев, потерявших в боях-сражениях товарищей-однополчан.

В военное лихолетье и первые послевоенные годы газету “На боевом посту” возглавляли Николай Кочешков, Игорь Ярошенко, Александр Кирюшин, Игорь Егоров и Андрей Дриз. Это были известные дзержинцы, награжденные боевыми орденами и медалями.

Более 15 лет отдал службе в дивизионке заслуженный работник культуры РСФСР полковник в отставке Владимир Журавлев, прибывший в редакцию в 1947 году.

Профессионально руководили газетой Дмитрий Стомонахов, Иван Бойко, Михаил Логунов, Анатолий Бекасов, Виктор Продувалов, Юрий Дурнев, Анатолий Пономарев, Евгений Артюхов, Владимир Кудряшов, Александр Симонов, Сергей Колесник.

В дальнейшем многие из редакторов ушли в крупные российские издания, и для всех них именно газета “На боевом посту” послужила своеобразным творческим трамплином для прыжка в большую журналистику.

Все 80 лет существования газеты редакторы стремились не только к повышению качества публикуемых материалов, но и к усовершенствованию материально-технической базы редакции. Так, в 1997 году усилиями нынешнего редактора газеты майора Сергея Богданова издание было переведено на офсетный способ печати, и в газете появилась компьютерная техника последнего — на то время — поколения.

Пять лет назад в день 75-летия

издания секретарь Союза журналистов России Геннадий Мальцев вручил редактору газеты Почетный диплом, подчеркнув, что этой награды журналисты дивизионки удостоены за большой вклад в дело воспитания и информирования военнослужащих ОДОНа, правдивость, аналитичность и оперативность публикаций, а также за преданность профессии.

Стоит отметить и то, что в канун 850-летия Москвы дивизионная газета “На боевом посту” выпустила серию приложей “НБП-Москва”. На страницах этих уникальных выпусков, которые выходили под непосредственным патронажем мэра столицы Юрия Лужкова, военные журналисты рассказывали читателям о том, чем живет самый большой в России город, как строится и развивается, какие проблемы решает и с какими достижениями встречает свой юбилей. В выпусках “НБП-Москва” также было уделено внимание и патрульно-постовой службе, которую активно несли и несут военнослужащие старшей во внутренних войсках дивизии.

НЕМАЛО сделала газета “На боевом посту” для формирования у общественности правильного мнения о служебно-боевой деятельности войск правопорядка в регионах со сложной межнациональной обстановкой. Корреспонденты газеты побывали во многих горячих точках, прошли школу мужества в Сумгаите и Нагорном Карабахе, Тбилиси и Фергане, Ереване и Душанбе, Баку и Бендерах, в Осетии, Ингушетии, Чечне... Они первыми из журналистов въезжали на запыленных бэтэрах по разбитым дорогам в горные аулы, вместе со спецназовскими группами уходили в “зеленку”... Материалы военных корреспондентов послужили информационной базой для создания сотрудниками гарнизонного телецентра короткометражных документальных фильмов, рассказывающих о буднях солдат

правопорядка. Отдельная страница в истории газеты — это сотрудничество с войсковыми изданиями. Статьи журналистов регулярно публиковались и продолжают публиковаться на страницах одноименного журнала, газеты “Ситуация”, в учебно-методическом сборнике “Войсковой вестник”.

80 ЛЕТ... Возраст почтенный, ничего не скажешь. А между тем дивизионка, как и в далекие 20-е, по-прежнему молода душой...

И сегодня, в свой день рождения, она по-прежнему на правом фланге войск правопорядка. Репортажи из горячих точек, с полигонов и плацев, интервью с военнослужащими и ветеранами дивизии — все это способствует росту авторитета газеты “На боевом посту”, делает ее настоящим помощником и другом для многих солдат и офицеров.

Капитан Александр КИРИЛЕНКО, ответственный секретарь газеты “На боевом посту” ОДОНа ВВ МВД России

УКРАШЕНИЕ ЛЮБОГО ТОРЖЕСТВА

ПЯТЬДЕСЯТ лет назад приказом министра внутренних дел СССР в составе 41-го отряда конвойной охраны, дислоцированного в городе Горьком, создан штатный военный оркестр.

В начале творческой деятельности оркестр насчитывал в своем составе всего восемнадцать человек. Но главное, что музыканты в нем были настоящими профессионалами, истинными энтузиастами, самозабвенно влюбленными в музыку и готовыми бескорыстно дарить свое искусство людям.

С той поры сделано и пережито немало. Завоеванием творческих высот, которые приволжские войсковые музыканты прочно удерживают уже не одно десятилетие, коллектив оркестра — а теперь он называется оркестром штаба Приволжского округа внутренних войск — во многом обязан заслуженному работнику культуры подполковнику Иосифу Гершковскому. Именно он был бессменным руководителем творческого коллектива целых тридцать (!) лет — с 1960 по 1990 год. И именно при нем музыка и слава военных музыкантов шагнули далеко за пределы округа.

В 1978 году оркестр становится лауреатом премии горьковско-

го комсомола. А в выпущенной через два года книге “Оперная и концертная деятельность в Нижнем Новгороде — Горьком” коллектив по праву представляется как “лучший духовой оркестр Горьковского военного гарнизона”.

Ни одно более-менее значимое мероприятие в культурной жизни Нижнего Новгорода уже давно не обходится без музыкантов внутренних войск. Международные спортивные турниры и городские праздники, юбилеи военных побед и дни памяти, творческие фестивали и конкурсы — везде оркестр становится не только непременным участником, но и лучшим украшением, создавая своей игрой приподнятую атмосферу, радуя знатоков и просто любителей настоящего искусства виртуозностью исполнения музыкальных произведений. Да и может ли быть иначе, если среди музыкантов оркестра много дипломантов и лауреатов международных, всесоюзных и всероссийских конкурсов исполнителей!

В конце 80-х — начале 90-х годов именно с оркестром Приволжского округа начинал свою музыкальную карьеру ныне всемирно известный музыкант, “Паганини на трубе” Сергей Накаряков. Многие другие бывшие оркестранты-

приволжцы сейчас преподают в музыкальных училищах и консерваториях, работают директорами музыкальных школ, являются солистами таких известных коллективов, как Краснознаменный ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В.Александрова, оркестр коменданта Московского кремля, Президентский оркестр.

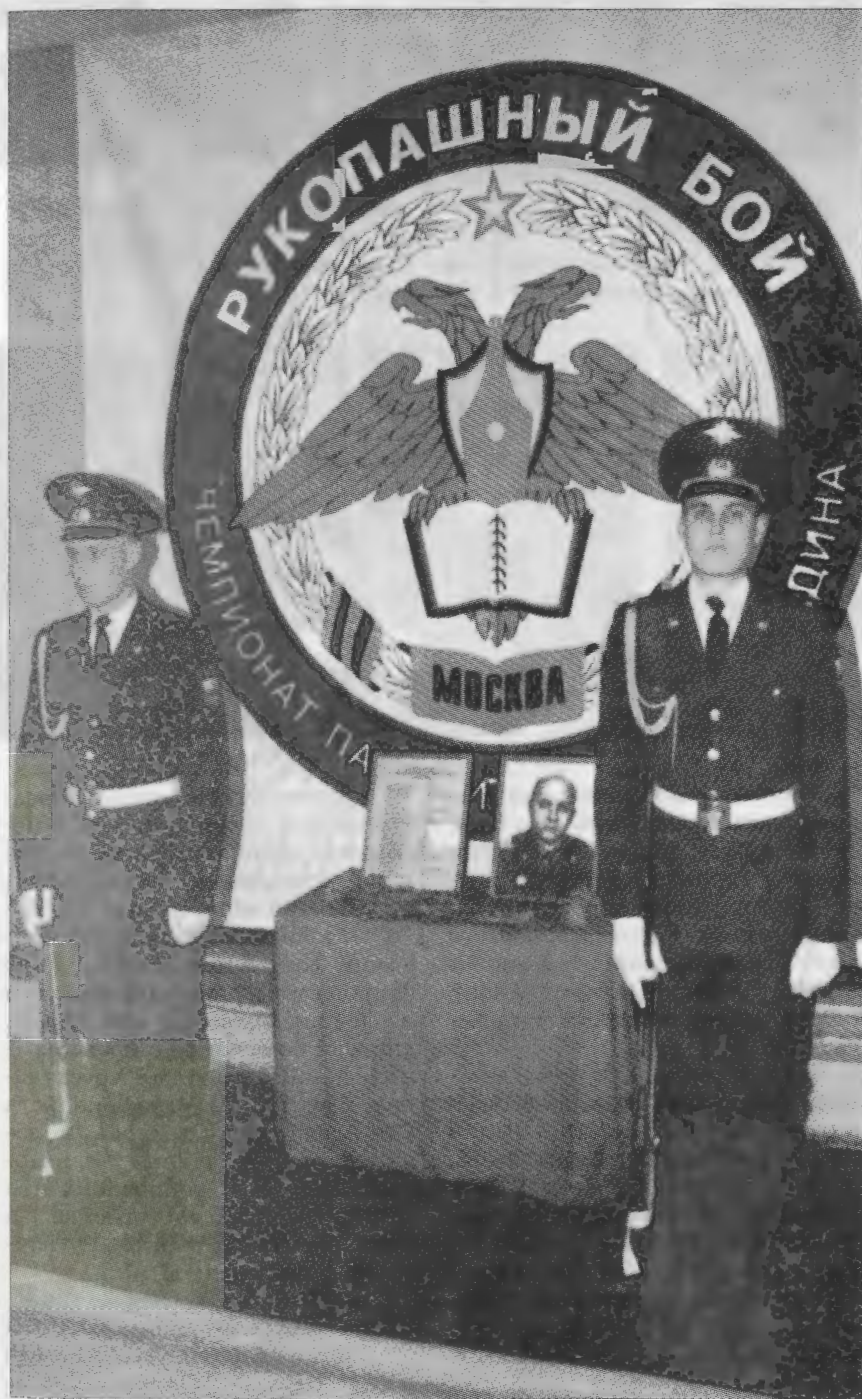
А это, согласитесь, тоже говорит о высочайшем профессиональном уровне военных музыкантов, которыми вот уже десять лет руководит подполковник Олег Ковбык, достойно продолжающий дело своих предшественников. Скажем больше: имя военного дирижера Ковбыка даже попало в справочник “100 самых известных нижегородцев”!

На праздничном концерте в честь полувекового юбилея заслуженный коллектив в очередной раз порадовал своим искусством всех, кто пришел в тот день выразить прославленному оркестру восхищение и признательность, высказать музыкантам самые теплые слова и самые добрые пожелания.

**Подполковник
Игорь СОФРОНОВ**

Фото Александра ШАПИРО
Приволжский округ ВВ МВД России

*Среди нас нет бессмертных и заговоренных,
И угластые звезды не защита для лба.
Если не повезет, если быть мне сраженным,
То уж лучше в атаке, а не из-за угла.*

ЭТИ строки принадлежат перу военного журналиста Анатолия Ягодина, погибшего 18 апреля 1996 года при выполнении воинского долга в Чеченской республике. Кому, как не ему, офицеру, воину, было знать о необходимости воспитания в себе таких качеств, как выносливость, сила, мужество. Об этом, кстати, Анатолий не раз писал в нашем журнале. Сейчас именем его назван лично-командный чемпионат Центрального федерального округа по рукопашному бою среди военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. До этого 4 года кряду проводился чемпионат г. Москвы с одноимен-

ПАМЯТИ ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА...

ным названием и посвящался всем российским журналистам, погибшим при выполнении своих профессиональных обязанностей.

Организационный комитет соревнований возглавил Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко. В них приняли участие 154 спортсмена из 22 команд, представляющих внутренние войска, специальные подразделения МВД, Академию ФСБ, Федеральную пограничную службу...

БОЙЦЫ кружили по ковру, выжидая наиболее удачный момент для нападения. Еще

бы, ведь ошибка одного — цена победы другого, тем более оба далеко не новички и, помимо звания мастера спорта, имеют за плечами десятки побед в различных соревнованиях. Это сделало их настоящими профи рукопашного боя.

Но вот спортсмен с красным поясом перешел в наступление, комбинация ударов, проход в ноги, бросок — и соперники уже лежат на ковре, применяя борцовскую тактику. Захват и удержание не удались, бой возобновился, но теперь наступать начал боец с синим поясом. Поединок затянулся, а кто станет победителем, угадать невозможно. Прекрасная техника в сочетании с быстротой и силой покоряли и зрителей, и самих судей. Победы были достойны оба, но чемпионом должен стать лишь

— Есть интересы и помимо спортивного?

— А как же! Ведь Анатолий Ягодин, именем которого назва-

погибших при исполнении воинского долга, и офицерам, ставшим инвалидами вследствие тяжелых ранений.

един... И им в весовой категории 70 килограммов стал представитель Северо-Западного округа ВВ Ильгиз Усманов, выигравший в финале у курсанта Северо-Кавказского военного института ВВ Вадима Банникова.

— Хорошо начинать новый год с победы, Ильгиз?

— Хорошо, конечно, но дело ведь не в самой победе. Я и год назад участвовал в подобных соревнованиях, тоже, кстати, занял первое место. Я вижу, как меняется сама организация турнира, повышается его статус. К примеру, сегодня финалисты боев помимо золота и серебра получают звание мастера спорта, потому появляется и чисто спортивный интерес стремиться к победам.

ны соревнования, можно сказать, один из нас, наш боевой товарищ. Лично у меня многие друзья тоже прошли горнило чеченской войны. Там погиб мой хороший товарищ Алексей Палатиди. Участвуя в этих соревнованиях, мы как бы отдаем должное мужеству ребят, павших при исполнении воинского долга.

Турнир проходил по семи весовым категориям. Называем имена победителей: Евгений Репин (МО ВВ), Артем Дудник (МО ВВ), Мурад Рамазанов (ПривОВОВ), Константин Гейдаров (ГВИ ФПС), Роман Зубов (МО ВВ), Андрей Калашников (СКВИ ВВ). Все они получили призы и ценные подарки. Ценные подарки были вручены также семьям военнослужащих,

В промежутках между соревнованиями "рукопашников" с показательными номерами выступили гимнасты из Государственного центра образования "Самбо-70". А в последний день соревнований состоялось награждение финалистов и лауреатов конкурса на лучшие произведения журналистики по военной и правоохранительной тематике "Хрустальная фляжка" — тележурналиста РТР Александра Сладкова (за документальный фильм "Кавказский крест") и корреспондента ТВ-Центра Алексея Борзенко (за цикл фронтовых зарисовок "Чечня нетелевизионная").

Лейтенант Денис КОЗЛОВ
Фото Александра БУТКЕВИЧА

Юрий Георгиевич РАЗУМОВСКИЙ. Далеко не каждому, кто любит поэзию, знакомо это имя. А между тем он был одним из самых ярких и глубоких поэтов фронтового поколения, прожил большую и трудную жизнь и умер совсем недавно, отпраздновав свой восьмидесятилетний юбилей. Почему так случилось? Вот что по этому поводу говорил он сам: "Все, что тихо в душе моей пело, Полным голосом я не пропел. То ли время мое не пришло, То ль ко времени я не пришел..." Отпрыск знаменитого дворянского рода, сын "врагов народа"

— этого было больше чем достаточно, чтобы сгинуть без следа в эпоху сталинских лагерей. Он же выжил и выдюжил, вернулся с войны в офицерских погонах с тремя боевыми орденами и медалями. Закончил Литинститут, стал мастером спорта по волейболу, тренировал сборные команды республик к первенству СССР, работал за рубежом, четверть века отдал журналу "Физкультура и спорт", став заместителем главного редактора. И все время писал замечательные стихи, с некоторыми из которых мы вас и знакомим сегодня.

МЫ ШЛИ - МАЛЬЧИШКИ - ПО ВОЙНЕ

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

Я не был критикой отмечен —
В глухом безмолвии творил:
Никто не брал меня за плечи
И добрых слов не говорил.

Чины редакций издевались:
Поэт без власти — не поэт,
Мои стихи не издавались

Почти что два десятка лет.

Когда совсем уже устану
Сносить издевки да беду,
Я фронтовой наган достану
И все до дела доведу.

Жалеть не надо, не жалеите —
То, что уплыло, не вернуть.
Вы лучше стопочку налейте,

Чтоб честь по чести помянуть.

Среди бумажек завалиющих
Потомок что-нибудь найдет —
Я все писал в свой
"черный ящик",
Как будто был я самолет.

Вот вы его и отыщите —
О, как он нужен. Боже мой,
Ведь я теперь в его защите
Нуждаюсь больше, чем живой.

В нем свод страданий
настоящих,
В нем свод ошибок и грехов...
Ах этот ящик, черный ящик
Моих неизданных стихов.

НАЧАЛО

Попалам на железном колене
войны
Сорок первый был год
переломан...
Всюду станции серых шинелей
полны,
И зеленый дают эшелонам.

Поезд с яростным криком
летит на Кавказ
И бросает назад остановки.
А оружия в роте стрелковой
у нас,
Почитай, на троих
по винтовке.

Старшина наш совсем уж
отбился от рук —
Кормит "завтраком",
а не обедом.
Но талдычит зато целый день
политрук,
Что вернемся, мол, скоро
с победой.

Словно лодку на море,
швыряет вагон,
Медсестру — так совсем
закачало.
Я сижу на ведре —
пришиваю шеврон...
Вот таким я запомнил начало.

ПЕРВАЯ БОМБЕЖКА

Наш старшина —
Кравцов Алешка —
Лежит ничком, и кровь кругом:
Нога оторвана, а ложка
Еще торчит за сапогом...

А началось все как-то просто:
Мы шли — мальчишки —
по войне.
И леса обожженный остов
Шел рядом с нами — в стороне.

Гудели самолеты глухо,
И мнилось: это все игра.
Но бомбы сыпались из брюха,
Как рыба черная икра.

Они свистели бесновато
Над каждым скорченным
бойцом.
И, чуя смертную расплату,
Я распластался вниз лицом.

И мне казалось — я и не был
Не мыслил, не жил, не страдал.
И я под этим гулким небом
Иную землю увидал.

И мне враспи хотелось
в травы,
Зарыться глубже — с головой:
Уйти от огненной расправы
И юность унести с собой.

Как пред грозой,
природа стихла.
Вдруг твердь ушла из-под меня,
И пред лицом моим возникло
Лицо огня...

Я эту первую бомбежку
Не забуду и вовек,
И этот лес, и эту ложку,
И слезы, капавшие с век.

КОРСУНЬ- ШЕВЧЕНКОВСКИЙ

Ни покоя не знаю, ни сна я —
То ли снег, то ли дождик в лицо.
Третьи сутки гремит
корпусная,
Третьи сутки смыкаем кольцо.
Вязнут ноги, машины и пушки

В черном тесте
раскисших дорог,
Только прыгают вверх,
как лягушки,
Комья грязи у нас из-под ног.

Сапоги, почитай, по полпуда
И вес выкладки тоже не мал.
Мы, шатаясь, шагаем, покуда
Старшина не простонет:
"Привал..."

Ездовые издергали вожжи —
Кони ржут, а идти не идут...
Это позже, значительно позже
Наши муки отметит салют.

ПАРАД ПОБЕДЫ

Я помню, нас готовили к параду
И дух в нас поднимали боевой.
А мы параду сами были рады
И шаг тренировали строевой.

Плечом к плечу
идем по плацу прямо
И землю бьем —
трещат аж сапоги,
А старшина одно вопит
упрямо:

"Где ножка?!
Я не чувствую ноги!.."

И ротный говорит нам:
"Вы ж не дети,
А воины — защитники страны.
Вы так должны протопать
по планете,
Чтоб шар земной трясло
с той стороны..."

И мы опять шагаем, запевая,
И ровный отработываем
строй.
Уж тут и впрямь
не вывезет кривая —
Солдат в строю шагает
по прямой.

Мы до того в те дни
шагали много,
Что только ляжешь,
а в глазах круги.
Мой друг шутил,
поглаживая ногу:
"Где ножка?..
Я не чувствую ноги!.."

Зато парад протопали
что надо —
Ряды тянули,
словно вдоль струны.
И долго после этого парада
Весь шар земной трясло
с той стороны.

ФРОНТОВИК

Канцелярскому слову
"участник"
Возражает и слух, и язык.
Это слово звучит,
словно "частник".
Мне милей и родней —
"фронтовик".

Я вступил в это братство
святое
В самый трудный для Родины
год
И впервые познал, чего стою,
И узнал себя в слове "народ".

Был я вшивый, голодный,
небритый,
От усталости серый и злой, —
Сотни раз артиллерией битый
Сотни раз погребенный землей.

Ну какое тут, к черту,
участье,
Если более тысячи дней —
Каждый день! —
рисковал я не частью,
А всей жизнью короткой своей.

И ни сна я не знал, ни покоя,
И, как все мы, тянулся из жил.
Это просто уж счастье такое,
Что я голову там не сложил.

Не скажу, что не кланялся
смерти, —
Это было не всем по плечу...
Я ишу не участия, поверьте, —
Я "участником" быть не хочу.

Публикация
Галины ЕВСТИГНЕЕВОЙ

Николай КАЗАКОВ

Третий год служит во внутренних войсках майор Николай КАЗАКОВ. Он окончил Серпуховское высшее военное командно-инженерное училище, факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова и двенадцать лет прослужил в ракетных войсках.

Его перу принадлежит шесть книг остросюжетной прозы, вышедших в различных столичных издательствах. Член Союза писателей России.

Читателям нашего журнала он известен по повестям "Три недели до отпуска", "Мир тесен", "Запоздалое признание".

ПОВЕСТЬ

МОТИВ УБИЙСТВА для

Глава первая

1

“Убийством в наше время никого не удивишь.

Убивают банкиров и финансовых воротил, владельцев игорных заведений и нефтяных королей, политиков и журналистов, бандитских авторитетов и телевизионных знаменитостей.

Если хотя бы раз в неделю средства массовой информации не сообщают об убийстве всероссийского масштаба, то у законопослушного обывателя мелькает радостная мысль — неужели с беспределом покончено? Неужели жизнь входит в нормальное русло? Неужели?..

Но нет. Потешив себя вечером размышлениями о новой, спокойной и безопасной жизни, утром, включив телевизор или раскрыв свежую газету, снова окунаешься в пучину кровавых разборок.

И снова перестает удивляться.

Но убивают и не только по-крупному.

Убивают мелких предпринимателей и рыночных торговцев, водителей-дальнобойщиков и постовых милиционеров, дачников и горожан, бомжей и граждан с постоянной пропиской.

Убивают мужчин и женщин, стариков и детей.

Убивают и мужчины, и женщины, и старики, и дети.

Убивают за миллион долларов и за мешок картошки.

Убивают за дело и просто так.

Убивают, чтобы нагнать ужас на окружающих, и убивают, чтобы избавиться от разъедающего душу животного страха.

К убийствам привыкаешь, если можно привыкнуть к кровотокающей язве.

С убийствами смиряешься, если можно смириться с постоянным страхом за себя и своих близких.

И какими бы изощренными способами ни совершались убийства, ими уже никого не удивишь.

И от этого становится жутко...”

Я откинулся в кресле и перечитал написанный текст. Для начала обзорной статьи по состоянию преступности в нашем регионе совсем не плохо.

Уже почти год я работал в редакции одной из городских газет, и не так давно мне пришла идея создать в газете отдел криминальных расследований. Такого еще в нашем городе не было. Конечно, отдел — это слишком громко сказано, потому как кроме меня в нем никто не работал. И, если быть до конца откровенным, никаких настоящих расследований еще не проводил. В основном я ограничивался получаемой официально и в частном порядке информацией от знакомых ребят из управления внутренних дел или из отдела по расследованию убийств, в котором работал Юра Дворецкий — мой однокурсник по военному училищу.

Ни внешне, ни внутренне Дворецкий не походил на канонический образ работника правоохранительных органов, хотя уже имел на своем счету не-

мало раскрытых преступлений и задержаний опасных преступников.

Он был чуть выше среднего роста, худощавым, с правильными чертами лица и выразительными глазами с длинными ресницами, которые придавали ему сходство с известным американским актером, фамилию которого я постоянно забывал. Глядя на него, можно было предположить все что угодно, но только не то, что он сотрудник отдела с грозным названием.

В меру сил и возможностей мы с Дворецким старались помогать друг другу. Обширная, но четко дозированной, чтобы не помешать следствию, информация Юриного отдела являлась для меня большим подспорьем. Со своей стороны, я тоже подкидывал ему кое-какие сведения, часто оказывающиеся полезными.

Такой вот, помимо давней дружбы, получился у нас с Дворецким своеобразный творческий тандем.

2

— Творишь? — безо всякого приветствия (это было в его стиле) спросил Дворецкий, после того как я поднял трубку телефона.

— Делаю вид.

— Есть информация — пальчики оближешь.

— И что мы там имеем?

— А имеем мы убийство Ирины Георгиевны Тополовой, заместителя генерального директора производственно-строительной фирмы “Новый город”. По всей видимости, работал снайпер, так что заказным попахивает. — И после небольшой паузы Дворецкий спросил: — Ты еще не в пути?

— В пути, в пути.

— Жду тебя в “Триумфе”...

3

Коттеджный городок с дерзким, на мой взгляд, названием “Триумф” располагался в пяти километрах от города. От цивилизации его с одной стороны отгораживал лес, через который проходила новая асфальтированная дорога с тянущейся вдоль нее линией электропередачи, с другой — неширокая живописная река с пологим берегом и песчаным пляжем, за которой, насколько хватало глаз, простиралось поля. “Триумфаторы”, в основном это были новые русские и старые зажиточные советские, могли позволить себе уединение.

Сам городок состоял из четырех рядов домов, расположенных в шахматном порядке — чтобы по возможности не закрывать вид на реку, — на больших земельных участках, образующих две широкие улицы, тянущиеся вдоль реки. Первый ряд выходил задворками к пляжу, второй и третий касались друг друга, четвертый, наименее обжитой, в котором еще велись строительные и отделочные работы, граничил с опушкой леса. Потом я заметил, что недостроенные дома имелись в каждом из рядов.

Всего в городке было около пятидесяти симпатичных однотипных двухэтажных коттеджей, выложенных из приятного розовато-красного кирпича и окруженных коваными заборами со столбами из

кирпича того же цвета. Для кого-то розовые мечты превратились в реальность...

4

— Ты пешком, что ли, шел?! — первое, что спросил у меня Дворецкий, когда я подъехал к коттеджу Тополевых и оставил машину у обочины на противоположной стороне улицы, позади “скорой помощи”.

Особняк Тополевых располагался во втором ряду, фасадом к реке, и я сразу представил, какие замечательные дали должны открываться из его окон, особенно со второго этажа.

Юра стоял в нескольких метрах от крыльца, рядом с которым лежала убитая женщина. Вокруг трупа суетился фотограф, делая снимки попеременно двумя аппаратами. Чуть в стороне, около белого “Ниссана” одной из последних моделей, находились еще несколько человек. Двоих — Леонида Гладышева и Владимира Петренко — я знал. Они тоже работали в отделе по расследованию убийств. Трех других — из управления внутренних дел — я тоже несколько раз видел, но фамилий в тот момент не вспомнил. Они разговаривали с каким-то незнакомым мне высоким, крепким мужчиной, лет тридцати пяти, как потом выяснилось, личным водителем Ирины Георгиевны. У водителя были длинные черные волосы, собранные сзади в аккуратную косичку, голубые глаза с беззаботно-высокомерным выражением, в которых я не заметил даже намека на испуг, маленькая круглая золотая серьга в левом ухе и взгляд профессионального дамского угодника. Про себя я сразу окрестил его плейбоем.

— Ну что тут у вас? — спросил я и кивнул на труп.

— Ник, ты прямо как начальник из министерства! “Что тут у вас?” — передразнил Дворецкий. — Сам, что ли, не видишь?! Имеем труп в количестве одной штуки.

— Да труп-то я вижу...

— А-а, тебя интересует, кто ее убил?

Не успел я обрадованно кивнуть и достать диктофон, как Дворецкий быстро заговорил:

— Убийца — мужчина двадцати пяти лет, рост метр восемьдесят, вес семьдесят два килограмма, глаза голубые, волосы темные, выщипанные, ездит на старом светлом “жигуленке” одиннадцатой модели, работает в редакции городской газеты, — и он приставил указательный палец правой руки мне к животу. — Руки вверх, ты арестован!

5

Пока я делал на цифровую камеру снимки убитой женщины, общего вида коттеджа и всего поселка, успел придумать заголовок для статьи — “Заказное убийство или...”. Я пока не знал, что может значить это “или”, но решил, что так будет заманчивей. Пусть читатель сам додумывает и щекочет себе нервы неопределенностью.

Зато совсем определенно я представлял себе подзаголовок, набранный внизу маленькими буквами: “Хозяйка шикарного особняка убита на пороге собственного дома”...

Из рассказа водителя, которого ребята из УВД допросили и передали для повторного допроса Гладышеву, Петренко и Дворецкому, а я стоял рядом и слушал, мне удалось выяснить очень важную для следствия и для себя информацию. А именно, что он ровным счетом ничего не видел и ничего конкретно сказать не может. Или не хочет, как мне почему-то показалось.

Они подъехали к дому, заехали во двор (ворота у них открываются автоматически, так что из машины он не выходил), она (меня неприятно резануло, что во время всего допроса, он называл Тополеву не по имени-отчеству и не по фамилии, а только так — она) сразу пошла к крыльцу, а он задержался, забирая сумки и пакеты из багажника. Никакого выстрела не слышал, а только увидел, как она упала, подумал, что споткнулась, сразу подбежал, чтобы помочь. И только тогда заметил у нее в голове отверстие от пули и растекающуюся лужу крови. Труп он не трогал, так как сразу понял, что никакая помощь ей уже не понадобится. Зашел в дом, вызвал милицию и ждал приезда оперативников на улице.

— Вы каждый день ее сюда привозите? — Дворецкий смотрел на водителя немного снизу вверх.

— Конечно, они же живут здесь.

— В одно и то же время?

— Да нет, когда как получится. У нее рабочий день ненормированный.

— То есть во времени ваших приездов никакой системы нет?

— Да нет вроде. Разве что по пятницам... Она по этим дням работает только до обеда. Если нет срочных дел, конечно.

— И вы сразу едете сюда?

— По пути заезжаем в пару магазинов. Она покупает чего-то там на выходные. Для ребенка. Его привозят позже.

— А что, ребенок здесь не живет?

— В течение недели нет.

— Где он живет, не знаете?

— Она говорила, где-то в городе, у свекрови. Ну, то есть, у своей бабушки.

— А кто его сюда привозит?

— Муж... Ну, в смысле, отец.

— Понятненько, — протянул Дворецкий и окинул “плейбоя” долгим взглядом с ног до головы. — А вы, значит, ее привозите и?..

— Что “и”? — как-то очень быстро переспросил водитель.

— Ну я не знаю, что “и”! Вам виднее, что вы делаете, после того как ее привозите!

— Мы ничего не делаем! — теперь уже очень быстро ответил он.

Дворецкий усмехнулся:

— Я не муж, мне можно говорить правду!

— Что вы имеете в виду?

— А вы?

— Я?... Ничего...

— И я то же самое... Так что же вы делаете, после того как привозите ее сюда по пятницам сразу после обеда?

— Уезжаю.

— Сразу?

— Да... То есть не совсем. — И пояснил: — К ним по пятницам приезжают в гости друзья, и я готовлю

к их приезду баню. Дрова рублю, печку топлю... Но это же быстро — час, полтора и все. Уезжаю...

— Денис Александрович, а у вас оружие есть? — неожиданно спросил Гладышев.

— Да, — и он быстро распахнул левый борт своего длинного кашемирового пальто, сунул туда руку, но так и не успел ее вытащить обратно, потому что увидел три направленных на него пистолета.

— Спокойно! — ледяным голосом остановил его Дворецкий. — Не надо резких движений!

— Ребят, вы чего?! — Вопрос повис в воздухе.

Вместо ответа Юра откинул борт его пальто, из наплечной кобуры вытащил маленький аккуратный пистолетик, понюхал ствол и передал оружие Гладышеву, еле заметно отрицательно покачав головой.

— А какие у Ирины Георгиевны были отношения с мужем? — чтобы разрядить обстановку, спросил молчавший до этого момента Петренко.

— Нормальные, наверное. Она мне про свои отношения с мужем ничего не говорила.

— Вы его хорошо знаете?

— С чего бы? Я же ее вожу, не его.

— И что муж за человек, сказать не можете?

— Да черт его знает! Мужик как мужик. В годах уже.

— Он что, намного старше Ирины Георгиевны?

— Ей и тридцати еще нет, а ему лет пятьдесят. Может, и больше.

— А кем он работает?

— Преподает в каком-то институте.

Глава вторая

1

Осмотр дома Тополевых ничего не дал. Он только подтвердил мнение Дворецкого о том, что некоторые живут подозрительно хорошо. Поэтому подозрительно плохо и кончают.

На стене просторного холла на втором этаже Юра увидел фотографию в дорогой рамке — на фоне моря невысокий, худощавый мужчина в длинных темных шортах и длинной незаправленной светлой футболке держит на руках улыбающегося ребенка лет трех. Рядом, но как-то отстраненно, в коротких обтягивающих светло-голубых джинсовых шортах и просторной рубашке, завязанной узлом на животе, стоит молодая, красивая, белокурая женщина и выдавливает из себя улыбку. Чувствуется, что фотографироваться ей не хочется. Мужчина не молод. Если не знать, что он отец, вполне можно принять за дедушку. Ребенок очень похож на отца. На мать — только разрезом глаз и такими же светлыми волосиками...

Дворецкий спустился вниз, и в этот момент звонил телефон. Юра снял трубку:

— Слушаю вас!

— Это вы, Денис? — спросил приятный мужской голос, и не успел Дворецкий ничего ответить, как у него снова спросили: — Вы еще не уехали?

— Это не Денис.

— А кто это? — Голос заметно похолодел.

— Старший лейтенант Дворецкий. Отдел по расследованию убийств.

— Что вы делаете в моем доме? — из холодного голоса стал ледяным.

— Насколько я понял, вы — Тополев? — вместо ответа спросил Дворецкий.

— Да, я Тополев. А могу я узнать, что вас привело в мой дом?

— Было бы очень хорошо, если б вы сейчас сюда приехали.

— Вы мне можете сказать, что случилось?

— Ваша жена убита.

2

Тополев подъехал через полчаса на черной "Волге".

Это был невысокий, сутуловатый мужчина, выглядевший несколько старше, чем на фотографии, одетый в светлый расстегнутый плащ, бежевый немного старомодный костюм и коричневые ботинки на толстой подошве. Вокруг шеи у него был повязан платок все того же бежево-коричневого оттенка.

— Где она?

Они подошли к трупу, и Дворецкий откинул простыню.

— Боже мой, Боже мой, Боже мой... — скороговоркой проговорил Тополев. — Иришка, Боже мой... — Потом как-то неопределенно махнул рукой и жестом пригласил Дворецкого в дом.

3

— С Иришей мы познакомились десять лет назад. Я заведующий кафедрой высшей математики строительного института, доктор наук, профессор, сорокадвухлетний вдовец, и она — восемнадцатилетняя красotka... Все было, как в кино — роман студентки с профессором, которым не перемывали косточки только ленивые... Потом свадьба, медовый месяц на берегу Черного моря в шикарном пансионате...казалось, что счастье будет вечным... Несколько лет пролетело как сон. Я устроил Иришу по распределению в очень хорошую контору, она неплохо стала зарабатывать. Все было замечательно, если бы не одно "но". Ириша никак не могла забеременеть. А я очень хотел ребенка. Мне тогда уже исполнилось сорок восемь, от первого брака детей не было. Мы стали обращаться в разные клиники, несколько раз ездили в Москву. Врачи делали самые неутешительные заключения... Ириша начала вести себя как-то вызывающе — стала злой, раздражительной, ко всему придиралась, у нас начались ссоры. И на работе у нее возникли неприятности, вплоть до того, что пришлось уволиться. Правда, оказалось, что новая фирма, в которую она устроилась, стала быстро набирать обороты, Ириша вся ушла в работу, быстро сделала карьеру... — Тополев замолчал. — Потом... Это было чудо. Нам, наверное, просто помог Бог. У нас появился сын. Ириша, правда, долго с ним не сидела, у нее было очень мало молока, потом оно совсем пропало, а сейчас, сами знаете, сколько всякого детского питания

да и прочего — памперсы там разные, поэтому... Мы хотели пригласить приходящую няню, но моя мама согласилась с внуком сидеть сама. А на выходные мы забирали Игорька к себе... У нас началась жизнь, о которой многие не могут даже мечтать... Да... — Тополев опустил голову. — Не думал, что это случится так быстро.

— Простите?

— Ее бизнес. Насколько я знаю, в их фирме крутились очень большие деньги. А где большие деньги, там большой риск. А она, понимаете, очень резкая, легко возбудимая женщина. По большому счету, она плохо умеет контактировать с людьми. Голова-то на плечах у нее есть, причем голова очень светлая, иначе она не сделала бы такой карьеры... Но вот с людьми... Она очень дерзкая, за словом в карман не полезет, говорит все, что думает, а это мало кому может понравиться... — И добавил: — Разве что мне. Я по жизни человек ведомый. Мне нужен человек, за которым я мог бы идти. Науки это, слава Богу, не касается... Я Иру неоднократно предупреждал, что стоило бы изменить свое отношение к окружающим. Но разве женщины прислушиваются к дельным советам?!.. Тем более когда эти советы идут от близких... Она мне несколько раз рассказывала о конфликтах то с поставщиками, то с заказчиками...

— Кого-то конкретно вы можете назвать?

— Вы знаете, какие-то фирмы и фамилии звучали. Но я очень от этого далек. Мне незачем это было запоминать. Так, принимал к сведению... Предупреждал, правда, постоянно, чтобы не лезла на рожон. Но... — Тополев обреченно развел руками. — Может, вам стоило бы съездить к ней на работу, там поговорить?.. — И спохватившись: — Господи, о чем это я?! А то вы без меня не знаете, что делать...

— С одним человеком из ее фирмы мы уже разговаривали. Но он... — как бы между прочим начал Дворецкий, не предполагая, какую бурную реакцию вызовут его слова.

Тополев быстро перебил:

— Вы имеете в виду ее водителя? Если вас интересует мое мнение — это достаточно мерзкий тип... Вы не подумайте, я говорю не как муж, которому этот, с вашего позволения, кобель наставил рога. Хотя это совсем неприятно, но сложно ждать чего-нибудь другого, когда муж почти на двадцать пять лет старше жены. От природы не уйдешь. Я подозревал, что Ириша не всегда была мне верна. Но, знаете, я старался... Нет, не то чтобы закрывать на все глаза, на это очень сложно закрыть глаза, я постарался войти в ее положение. Я же ученый, к тому же занимаюсь точными науками и знаю, что все в природе находится в равновесии, вернее, стремится к равновесию. У меня до встречи с Иришей было очень много женщин... — Тополев тяжело вздохнул и закурил. — И я как-то, это было года два или три назад, для себя решил — я, будучи молодым, мог себе это все позволить, почему же она не может?! Чем она хуже меня?! И, знаете, я успокоился. Главное, что я ее люблю, что она рядом со мной, что у нас есть ребенок, мы его любим... Да и, в конце-то концов, я уже не в том возрасте, чтобы разводиться и пытаться завести новую семью. Кому и зачем это нужно?! — И неожиданно закончил: — А иногда я ловил себя на мысли, что отношусь к Ирише, как к дочери... Это глупо, наверное... — У него навер-

нулись слезы. — Простите... Я сейчас... Да-а... Э-хе-хех... Что ж на меня сразу-то все навалилось... Иришка-Иришка... Я сейчас успокоюсь... Извините... — Он вытер глаза, заново прикурил потухшую сигарету, глубоко затянулся, закашлялся и вдавил сигарету в пепельницу. — Не обращайтесь на меня внимания... Спрашивайте все, что считаете нужным... Я понимаю, как вам важны подробности.

— Значит, вы знали, что у вашей жены с водителем роман?

— Не знаю, роман это был или пошленькая пьеска, но то, что они спали — это факт... Ей очень понравилась моя идея возобновить старую традицию устраивать по пятницам банные дни. Она практически уцепилась за нее. И только потом я понял, зачем ей это было нужно. Чтобы иметь возможность приезжать домой пораньше, якобы для подготовки бани. Это называлось — идти мне навстречу... В эти дни приезжали мои старые друзья.

— А вы давно заметили, что отношения между вашей женой и водителем перешли границу служебных?

— Да практически сразу, как только он стал ее возить. Вы же видели, что это за жеребец. От него сложно ожидать чего-нибудь другого... Да и у Иришки глаза снова засверкали...

— Снова?

— Я ее очень хорошо изучил. Столько лет жили вместе. И как у нее завязывался новый роман, так в глазах появлялся специфический блеск удовлетворенной плоти. Женщины — они же самки. И никуда нам от этого не деться.

4

Эксперт-криминалист Предвечный ждал Дворецкого и Гладышева у ворот.

— Есть что-нибудь? — сразу спросил у него Юра.

— Ничего конкретного. В тот дом, — Предвечный показал рукой на недостроенный особняк, расположенный через два дома левее тополевского, — я даже не смог попасть. На входе железная дверь, на окнах решетки. Я осмотрел замки — не похоже, что их вскрывали... С тем картина ненамного интересней. — Он махнул в сторону дома, расположенного правее. — Там тоже, правда, запертая железная дверь, но решетки только на окнах первого этажа. А рядом валяется металлическая лестница. Ее высоты как раз хватает до окон второго этажа. Я залез. Из окон, что выходят на улицу, обзор великолепный. Двор Тополевых как на ладони. Стреляй не хочу. — Предвечный поправил очки. — Но есть одно "но".

— Какое?

— Никаких следов...

5

— Он или импотент, или имеет отношение к убийству. — Дворецкий захлопнул дверцу и завел машину.

— Думаешь, третье исключено? — улыбнулся Гладышев.

— Первый раз вижу мужика, который так спокойно рассуждает о романах своей жены. “В глазах появляется специфический блеск удовлетворенной плоти...” Надо будет запомнить...

— Ага, запомни, и в зеркало на себя почаще поглядывай после удовлетворения плоти. — Гладышев приоткрыл окно.

— Крайней, — добавил Петренко с заднего сиденья.

— Ну, блин, умны... — Дворецкий резко выругался на дорогу.

Глава третья

1

Что конкретно Дворецкий и Гладышев хотели выяснить в институте, где преподавал Тополев, они сами до конца отчетливо не представляли. Поговорить с руководством института и сотрудниками кафедры, что Тополев за человек? Не мешало бы. Проверить его алиби: в момент убийства находился ли он на рабочем месте? Пожалуй, и это тоже.

Гладышев очень скептически относился к версии Дворецкого, что Тополев имеет какое-то отношение к убийству своей жены. А даже если и имеет, то маловероятно, что сам решился на преступление. Проще нанять профессионала. Хотя, с другой стороны, чтобы нанять профессионала, нужен серьезный выход на бандитские структуры. Не дашь же объявление в газете: “Требуется киллер. Оплата по договоренности”?! Но насколько было известно, свое доброе имя Тополев не омрачил знакомством с криминальным миром. По крайней мере, в отделе об этом никто ничего не знал.

Впрочем, если это на самом деле так, то найти реального убийцу очень и очень сложно. Если Тополев пошел на такой шаг, то исполнителя он мог бы заказать и из другого региона. Приехал, сделал дело и загулял смело. Ищи ветра в поле...

Формальных оснований для сведения счетов с собственной женой у Тополева было предостаточно — одни измены чего стоят. Только за это иные мужья отправляли своих неверных жен на тот свет. А здесь еще деньги. И немалые. Они полностью переходили к Тополеву. Других близких родственников у Ирины Георгиевны не было. Плюс недвижимость. Плюс машина. Плюс...

Да что там говорить — много плюсов. Мешал только один минус — Тополев любил свою жену. Это стало понятно из разговора и с ним, и с его матерью. Старушка была очень откровенной.

Хотя от любви до ненависти — один шаг. Так неужели Тополев его сделал?..

2

Была суббота, и на кафедре Дворецкий и Гладышев застали только секретаршу Тополева.

Услышав, по какому делу пришли, девушка всплеснула руками:

— Значит, та Тополева, которую убили, — жена

нашего Кирилла Анатольевича? — Дворецкий кивнул. — Какой кошмар! Ужас просто! А то я думала вчера, что же он такой смурной ходит. А сам ничего и не сказал...

— Постойте, вы сказали — вчера? — переспросил Дворецкий.

— Ну да. Он приехал сам не свой. У него второй парой лекция была, он даже немного на нее опоздал, хотя раньше такого за ним никогда не наблюдалось.

— А вы об убийстве его жены когда узнали?

— Как когда? Сегодня. — Девушка начала перебирать стопку газет и журналов, лежащую на столе. — Сегодня я часов в одиннадцать получила внизу на вахте кафедральную прессу. — Она нашла нужную газету, развернула ее и пробежала по тексту глазами. — Вот, смотрите — “Заказное убийство или... Хозяйка шикарного особняка убита на пороге собственного дома”... Это название такое... А дальше — “Вчера, около трех часов дня Ирина Георгиевна Тополева, заместитель генерального директора производственно-строительной фирмы “Новый город”, была убита”... — Неожиданно девушка прекратила читать, отложила газету и посмотрела на Дворецкого. — То есть как это вчера? Получается, в пятницу? Вчера же у нас пятница была?

— Да, вчера у нас была пятница. И вы сказали, что вчера Тополев ходил сам не свой. Так? — Девушка кивнула. — Уточните, пожалуйста, во сколько он приехал.

— Вторая пара начинается без десяти одиннадцать. Он в это время и подъехал. Я еще сразу заметила — какой-то Кирилл Анатольевич не такой. Думаю, может, приболел?.. Подождите, но ведь это еще до убийства было?! Так ведь?

— Конечно. Вы же сами нам прочитали — вчера, около трех часов дня... В одиннадцать утра еще нельзя же знать, что произойдет в три часа дня?! А после что было?

— После?.. Подождите, у меня сумбур какой-то в голове... После... В двенадцать двадцать лекция закончилась, он пришел, закрылся в кабинете, даже кофе не стал пить, хотя обычно всегда после занятий просит меня приготовить чашечку... Около часа он вышел — я как раз собиралась на обед — и сказал, что после обеда я могу на работу не приходить...

— А он не объяснил почему?

— А ему и не надо ничего объяснять. У нас так принято. Если нет никаких срочных дел, то в четверг и пятницу я работаю до обеда. Я же почти каждую субботу здесь. Поэтому в эти дни у меня отгулы.

— Понятненько, — протянул Дворецкий. — Значит, вчера после обеда вас здесь не было. Жалко, жалко...

— В том-то и дело, что была! — с напором ответила Анна.

— Но вы же сказали...

— Да, Кирилл Анатольевич меня отпустил. Но буквально сразу прибежал его зам и слезно попросил срочно набрать ему на компьютере статью. Пришлось пойти начальству навстречу. Сходила я на обед и села набирать.

— Вы пришли, Тополева уже не было?

— Да. Дверь в его кабинет была закрыта. Я хотела ему сказать, что до вечера буду на месте.

— Во сколько вы вернулись с обеда?

— Где-то в начале третьего.

Гладышев пожал плечами:

— Но Тополев сам, наверное, в это время был на обеде. Разве не так?

— В том-то и дело, что он на обед никогда не ходит. Выпивает парочку чашек кофе с бутербродами. И все.

— И Тополев больше вчера не появлялся?

— Нет, почему же. Часа, наверное, в четыре, может, чуть пораньше, а может, и чуть попозже — я в тот момент на часы не посмотрела — он приехал и удивился, что я работаю. Я ему начала объяснять про срочный заказ, но, по-моему, он меня даже и не слушал, а сразу ушел в кабинет. Он опять был не в себе... — и девушка испуганно посмотрела на Гладышева. — А ведь примерно в это время убили его жену...

3

Открыв дверь кабинета с табличкой "Фирма "Новый город". Начальник отдела Кутикова Таисия Вилоровна", Дворецкий и Гладышев увидели эффектную жгучую брюнетку в черных обтягивающих кожаных брюках, расстегнутой черной кожаной жилетке, из-под которой виднелась незаправленная просторная белая футболка, и туфлях на высоком каблуке. Она стояла около приоткрытого окна с длинной тонкой сигаретой, зажатой между пальцами, украшенными множеством серебряных колец и перстней.

Услышав, зачем они пришли, Кутикова протянула:

— От меня, ребята, толку мало. Тем более о покойниках или ничего, или только хорошее.

— А есть что-то и плохое? — быстро спросил Дворецкий.

— А разве есть такие люди, о которых можно говорить только хорошее? Хотя вам виднее. Но мне такие почему-то не встречались. — И задумчиво добавила: — А жаль...

— Давайте все-таки попробуем.

— Как скажете...

— Насколько мы поняли, Ирина Георгиевна была вашей подчиненной, а потом стала начальником.

— Это жизнь... .

— Хотя на ту должность планировались вы.

— В жизни бывают огорчения...

— А сейчас скорее всего вы все-таки займете эту должность.

— Жизнь покажет...

— Вы так спокойно к этому относитесь?

— А вы считаете, что я раньше должна была рвать от досады на себе волосы, а теперь скакать от счастья?

— А разве вам не было обидно?

— Допустим, было. И что? Или вы считаете, что я нашла киллера и заказала Тополеву, чтобы устранить соперницу? — Она глубоко затянулась и выпустила дым из ноздрей. — Тогда мне надо было это сделать гораздо раньше.

Дворецкий и Гладышев недоуменно переглянулись.

— То есть?

— Эх, ребята, не хотелось мне копаться в грязном белье, но чувствую без этого мне обойтись. А то, чего доброго, на самом деле подумаете, что я приложила к этому руку. — Кутикова прошлась по кабинету. — Я вам сейчас многое наговорю, что-то покажется вам сумбурным, что-то непонятным... Вы спрашивайте, я отвечу. Хотя это, конечно, мое личное дело, и я бы могла ничего никому не говорить, но... — Она грустно улыбнулась. — Отдам последний долг. Хотя вряд ли это поможет вам найти убийцу...

Она взяла с подоконника пепельницу и поставила ее на журнальный столик.

— Ирка была... Это я вам как женщина о женщине скажу, прости меня, Господи, взбалмошной, циничной, наглой, резкой, беспринципной, упертой... Дурой она была... — заключила Кутикова. — Может, это и звучит слишком резко, но это правда. Дурь из нее так и лезла. Она не умела жить и не хотела учиться. Вернее, она хотела взять от жизни все, что только можно. Поэтому и финал наступил так быстро. Она считала, что все в жизни создано только для нее. Она — это ось, вокруг которой вращается Земля... Я ее знала очень давно. Так получилось, что с ней меня познакомил Кирилл. — И, перехватив недоуменный взгляд Дворецкого, пояснила: — Да, да, Кирилл Анатольевич Тополев. У нас с ним были... очень близкие отношения. Пик отношений, правда, к тому времени уже прошел, хотя мы как бы по инерции еще встречались... На одной из совместных вечеринок он появился с Ириной. Конечно, он ей не сказал о наших с ним отношениях, представил меня как старую знакомую, но по ее реакции я сразу поняла, что Ира обо всем догадалась. Бабы, они ж хитрые, они сразу чувствуют, с кем их мужик спал, а с кем нет, кого следует опасаться, а кто уже никакой опасности не представляет. А Ирка была очень хитрой. Она, эта соплюшка, меня как рентгеном просветила и сразу для себя сделала вывод — опасности для нее я не представляю... — Кутикова стряхнула пепел. — Скажу честно, меня это задело. Чисто по-женски. А потом мне его Иришка стала очень интересна. Возник у меня к ней, как бы это сказать... — Кутикова пощелкала пальцами, — спортивный интерес, что ли. Или научный. Не знаю, как правильной. Да и не в этом суть. Мне захотелось за ней понаблюдать, чтобы увидеть, до чего она дойдет. Я уже тогда поняла, что со своей абсолютной беспринципностью она далеко может зайти...

— В эту фирму вы ей помогли устроиться?

— Да. И что самое интересное, по ее просьбе. Хотя чувствовала я тогда — не стоит этого делать. Добром не кончится! Но... Не смогла устоять... Ирка, если надо, умела так поддаться, что отказать было просто невозможно...

— В начале разговора вы сказали, что если бы захотели устранить Тополеву как соперницу, то сделали бы это гораздо раньше. Вы имели в виду ее знакомство с Кириллом Анатольевичем?

Кутикова всплеснула руками:

— Господи, ну до чего же мужики легко верят во все, что им преподносят женщины!

— Вы уж извините нас, Таисия Вилоровна, но мы с вами разговариваем не как мужики с женщиной! Убит сотрудник вашей фирмы. — Дворецкий заговорил жестким голосом, глядя ей прямо в глаза. — Мы расследуем убийство. А вы нам очень легко заявляете, что давно хотели свести с ней счеты! Как это прикажете понимать?

— Кирилл здесь ни при чем. Я вам уже сказала, что к моменту его с ней знакомства мы далеко позади оставили те отношения и чувства, когда в горячке можно надеть необдуманных поступков. Да и лет-то сколько уже прошло... — Она снова замолчала, опустила голову и начала разглядывать свои длинные красивые ногти.

— А кто здесь при чем?

— Это на самом деле для вас так важно?

Гладышев молча кивнул.

— Господи, какая все-таки я дура!.. И кто меня тянул за язык?! Теперь вы можете подумать обо мне черт знает что! Хотя у нас были обыкновенные бабские разборки... Точнее, и разборок-то никаких не было. Я просто тихо и спокойно отошла в сторону. Я поняла, что тягаться с ней мне не под силу. Это очень обидно, но что делать?! Сама змею пригрела.

— И кто же он?

Кутикова сокрушенно покачала головой.

— Тривиальнейшая ситуация — наш генеральный директор... Тьфу, черт, никогда не думала, что об этом так тяжело говорить... Я в этой фирме с момента ее образования, и, в общем, сразу так получилось, что мы, как бы это сказать помягче, приглянулись друг другу...

— А потом появилась Тополева?

— Ну конечно. Он и не устоял. Думаю, что даже и не пытался... Сперва из архитектурного отдела взял ее к себе в секретарши, а потом карьера у нее и пошла.

— А вы не знаете, с мужем Ирина Георгиевна разводиться не собиралась?

— А зачем? Ее все устраивало. Муж далеко не дурак, занимает солидное положение в обществе, через него она имела возможность общаться с городской интеллектуальной элитой. Ей надо было постоянно быть на виду. И в таких кругах тоже. Без Кирилла ее бы сразу отторгли... А так — хороший, любящий муж, куча любовников... Что еще надо?

— Вы уверены, что у нее с мужем на самом деле были хорошие отношения?

— А что вас настораживает?

— Просто когда муж с женой начинают жить плохо, то у них перестает хватать времени на ребенка, и они его стараются куда-нибудь пристроить — к бабушке, там, к дедушке... Из разговора с Тополевым мы поняли, что всю неделю их сын живет у его матери. И только на выходные...

— А Кирилл вам не объяснил почему?

— Нет. А вы случайно не знаете?

— Я сейчас выскажу очень смелое предположение. Не берусь утверждать, но мне кажется, что это не их ребенок. Ирка никогда не была беременной. Хотя активно пыталась себя за таковую выдать. Но в каком-каком, а в этом вопросе бабе бабу трудно обмануть...

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что в первый момент мне показалось, что каким-то мистическим образом я переместился куда-нибудь в Чикаго или Сан-Франциско или, на худой конец, смотрю боевик из беспокойной жизни этих городов.

На самом же деле я сидел в своей машине, курил и время от времени косился на огромный букет, еле вместившийся на соседнее сиденье. В последний момент мне стало казаться, что пятнадцати роз, на которые я угрохал изрядную часть своей невеликой журналистской зарплаты, явно недостаточно. Эта женщина заслуживала гораздо большего. Хотя и не в количестве дело...

Я затушил окурок, посмотрел на часы — до ее приезда оставалось еще несколько минут — и задумался.

Если говорить честно, то любовь не входила в мои ближайшие жизненные планы. Хотя, если разобратся, то эту игру в одни ворота и любовью-то назвать было сложно. Просто молодому мужчине очень нравится женщина. Причем женщина скорее всего и не подозревает о чувствах, которые испытывает к ней этот мужчина. И это придает их отношениям некоторую таинственность. Если смотреть со стороны мужчины, конечно. А женщина просто живет своей жизнью...

Так я себя время от времени утешал, понимая, что шансов у меня очень мало. По крайней мере, мне так казалось. И дело даже не в том, что на социальной лестнице она занимала несравненно более высокое положение, а к людям моей профессии относилась если не сочувственно, то очень терпимо — каждый зарабатывает на жизнь как может. Да и черт с ней, с этой лестницей! И не в том, что она была старше меня лет на десять. Эка невидаль! И не в том, что у нее был ребенок, двухлетний мальчишка, которого она воспитывала одна, после того как ее муж несколько месяцев назад погиб в автомобильной катастрофе...

“А в чем же тогда?” — в тысячный раз спрашивал я себя. И не мог найти ответа.

В свои двадцать пять лет я считал себя если уж не законченным циником, то, по крайней мере, человеком, много повидавшим и много испытавшим. В том числе и на любовном фронте. И поэтому с женщинами, меня окружавшими, старался вести себя как скорый поезд с маленькими полустанками — или останавливался на пару минут, или проскакивал мимо, не замечая. И чувствовал себя совершенно счастливым. Ни я не был никому ничем обязан, ни мне...

И вдруг — на тебе!

“Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...”

А любовь ли?

И на этот вопрос я не мог ответить однозначно...

Я потянулся за сигаретами, но в этот момент в проеме между двумя домами, отгораживающими здание ресторана от центральной улицы, показался белый “Сааб”. Я взял букет и аккуратно, стараясь его не поломать, вылез из машины.

Мягко затормозив, "Сааб" остановился в нескольких метрах от входа в ресторан. Через несколько секунд она вышла из салона, мягко захлопнула дверцу, заметив меня, помахала рукой и улыбнулась. Как мне показалось, очень грустно. Слишком много тоски было в ее больших, выразительных глазах. Я хотел помахать в ответ, но не успел, потому что через секунду улыбка была навсегда стерта с ее лица пулей, которая вошла ей в затылок, а вышла через переносицу, прихватив с собой изрядную часть лица. Она неловко дернулась вперед, ударилась головой о крышку капота и медленно сползла, оставляя на зеркально-белой поверхности кровавую полосу, словно неопытный маляр неаккуратно провел кистью, предварительно обмакнув ее в красную краску...

2

Я сидел в одной из комнат отдела по расследованию убийств и тупо рассматривал письменный прибор на столе. Из пяти карандашей четыре были сломаны — нервная у ребят работа.

Свидетелей убийства оказалось трое. Я, водитель "Сааба" и старушка, проходившая мимо.

Водитель сидел в машине и видел только то, как она упала на капот. Ни откуда стреляли, ни звука выстрела он не слышал. В салоне негромко играла музыка.

Старушка рассказала ненамного больше. Вначале она обратила внимание на машину — "чистенькая такая, вся сверкает, будто из бани только что". Потом на женщину — "представительная такая, симпатичная, улыбнулась еще, а потом бац и все! Упокой, Господи, ее душу грешную..."

На том их и отпустили. А я остался.

Напротив меня, через стол, сидел Дворецкий. Он отбил пальцами быструю дробь по столешнице, словно сыграл гамму на невидимых клавишах, и в какой уже раз спросил:

— И все-таки, ничего тебе не показалось странным или подозрительным?

— А что мне могло показаться странным, сам посуди! Я сидел в своей машине, ждал ее...

— У тебя было редакционное задание?

— Не было у меня никакого задания! Это просто моя инициатива. Личная. Понимаешь?

— Допустим. И что дальше?

— У нее сегодня день рождения. Я хотел ее поздравить. Купил цветы. Подъехал к ресторану...

— Там намечался банкет?

— Да нет вроде. По крайней мере, я об этом ничего не знаю. Она там каждый день обедает. Вот и все. В одно и то же время. Я позвонил к ней в офис и у секретаря уточнил, поедет ли она сегодня. Та сказала, что да.

— У тебя с ней близкие отношения?

— Юр, не говори ерунды! Какие могут быть близкие отношения у рядового журналиста с председателем правления банка?! Просто были знакомы. При чем недавно.

— А что ж ты мне ничего не говорил про это знакомство?

— А смысл? У меня таких знакомых полгорода!

— И ты всем по охалке роз даришь?

— Не всем, естественно...

— Особый случай?

— Считаю, что да.

Дворецкий несильно хлопнул ладонями по столу:

— Ник, что ты из себя последнего девственника нашего города строишь?! С каких это пор у тебя появились от меня тайны?

— Какие, к черту, тайны!

— Ты пойми, я тебя расспрашиваю не из праздного любопытства. Убили человека. Фигура очень известная. Одна из самых богатых женщин города. Резонанс будет такой, что ваша газета захлебнется от новостей...

— Мы уже захлебнулись после убийства Тополевой, — перебил я Дворецкого. — Сегодня полдня в редакции телефоны разрывались. Читателей очень интересует, когда в нашем городе будет покончено с беспределом. Может, их переадресовывать на ваш отдел?

— Валяй! Нам здесь все равно целыми днями делать нечего. Будем отвечать на звонки ваших читателей. Устроим "горячую линию"... — Дворецкий поднялся, прошелся по кабинету и заговорил рублеными фразами. — Все произошло у тебя на глазах. Ты звонил ей на работу. Ты ее ждал, в конце концов...

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Не заводись! Спокойней!

— Юр, тебе когда-нибудь женщины нравились?

Дворецкий улыбнулся:

— Вот это уже совсем другой разговор. А то начал тут "женщины нравились?" Нравились, нравились. И ты прекрасно это знаешь. Я из этого для тебя тайны не делаю. — И неожиданно добавил: — Если в России когда-нибудь узаконят многоженство, я буду первым.

3

Начальник отдела по расследованию убийств полковник Завьялов выглядел взволнованным и начал без лишнего предисловия:

— Я от мэра. В администрации только и разговоров, что про убийства Тополевой и Котовой. Ладно там, Тополева. Сегодня уже четвертый день. Но Котова? Я удивляюсь, как быстро в нашем городе распространяются новости. Не прошло и двух часов, а все уже в курсе событий. Вот если бы мы еще так же быстро преступников ловили, цены бы нам не было... Кто выезжал на место преступления?

— Мы с Дворецким, — поднялся Гладышев. — Стреляли явно с крыши одного из соседних домов. Вы же знаете, ресторан расположен во дворе, вокруг него пятиэтажки. Результатов баллистической экспертизы пока нет. Оперативники должны прочесть все крыши, расспросить жильцов, может, кто чего видел или слышал... Ждем.

— Не густо. В банк кто-нибудь ездил?

— Нет еще.

— А к ней домой?

— Я звонил. — Дворецкий вертел в руках незажженную сигарету. — Женщина, которая у них работает и сидит с ребенком... Гувернантка, наверное? — И не получив ответа, продолжил: — Та ничего толком и сказать не может. Рыдает в трубку. Говорит, у-

ром было все нормально. Лариса Павловна выглядела как обычно.

— Съездить надо будет к ней домой. Еще раз обстоятельно поговорить. Это первое. Второе. Банк. Всех как следует допросить. Особенно секретаря. Как правило, они знают больше, чем заместители... — Начальник отдела устало потер ладонью лицо. — Не нравится мне это очень... А больше всего не хочется, чтобы в городе объявился какой-нибудь сумасшедший, который решил расправиться со всеми богатыми женщинами. Пока, кроме денег, я не вижу ничего общего между этими двумя жертвами. Никто не знает, не были они знакомы? — Завьялов обвел взглядом своих сотрудников.

Дворецкий пожал плечами:

— Вопрос, конечно, интересный...

— Это, кстати, тоже нужно выяснить. Может, появится хоть какая-нибудь зацепка... По Тополевой что-нибудь новое есть?

— Сегодня утром получили результаты баллистической экспертизы, — поднялся со своего места Петренко. — Предвечный заключил, что стреляли с вышшения, с большого расстояния. Метров триста пятьдесят — четыреста.

— С другого берега реки, что ли? — удивился Гладышев.

— Выходит... Калибр пули "семь, шестьдесят две", — продолжил Петренко. — Подходит ко многим и отечественным, и импортным снайперским винтовкам... Да, есть еще интересная информация. Звонила девушка, сказала, что она художница и что живет в "Триумфе". В день убийства Тополевой или накануне, я толком и не понял, она заметила что-то подозрительное... Надо ехать!

Глава пятая

1

В конце рабочего дня я решил заехать на место преступления.

Оставил машину на Центральном проспекте и пешком пошел к ресторану. Пятиэтажные дома образовывали вокруг него квадрат. Место на площадке, где остановился "Сааб" и куда упала Лариса Павловна, было слегка присыпано песком, через который просматривались нарисованный мелом контур тела и пятна крови. Пуля попала ей в затылок, она в это время смотрела в мою сторону, значит, стреляли, наиболее вероятно, с крыши дома, стоящего перпендикулярно ресторану.

Лариса была на полголовы ниже меня, и я, немного согнув ноги в коленах, посмотрел в ту сторону. Да, скорее всего так оно и было. Я прикинул: расстояние до этого дома метров семьдесят-восемьдесят, а самое главное, подъезды выходили на противоположную от ресторана сторону. Преступник мог спокойно войти в подъезд, забраться на крышу, убить Котову и так же спокойно выйти. Я выпрямил ноги и снова посмотрел на крышу дома.

И от удивления даже присвистнул...

На секретаре председателя правления банка был темный деловой костюм с короткой юбкой и туфли на высоком каблуке. Ноги — стройные, в колготках телесного цвета — казались отлитыми из парафина.

— Меня интересует все, что вы можете рассказать о Котовой. Особенно что касается последних дней. Не заметили вы каких-то изменений в ее поведении? Не жаловалась ли она на что-то? Вы все-таки женщины, может, рассказывала про какие-нибудь проблемы...

Не успел Дворецкий закончить фразу, секретарь сразу начала говорить, иногда поправляя челку, спадающую на лоб:

— Вообще-то она женщина очень строгая и замкнутая, от нее лишнего слова не услышишь. Честно сказать, мы ее потихоньку между собой Тэтчер называем... — Она замолчала. — Называли... В голове не укладывается! Как же такое могло произойти? — И она посмотрела на Дворецкого, словно он сразу мог дать ей ответ на этот вопрос.

— Жизнь сейчас такая, — пожал плечами Юра. — Можно ждать чего угодно.

— Неужели она кому-то мешала?

— Получается, что так. Если бы всем помогала, то вряд ли бы ее тронули.

— Но кому?

— Вот это нам и хотелось бы выяснить. — Дворецкий достал сигарету. — Понимаете, я вам ничего про нее рассказать не могу. А вот вы можете.

— Извините... Про себя она мало что рассказывала. А я особо и не спрашивала. Неудобно как-то лезть к начальнице с расспросами. Все только в пределах работы. Даже когда она вернулась из декретного отпуска, то и про своего ребенка почти ничего не говорила.

— Когда это было?

— Да уж года полтора-два прошло... Да, по-моему, ее ребенку два годика. Причем все было как-то необычно. Ходила, ходила, все вроде нормально, никто и живота у нее не замечал особо, правда, одежду она стала носить такую размахистую, а потом заявляет: "Я уйду в декретный отпуск". И все, представляете?

Дворецкий неопределенно пожал плечами.

— Вышла она из декретного, правда, очень быстро. Месяца через три, наверно, после родов.

— А вы не знаете или не слышали, чтобы она с кем-нибудь ругалась или, может, кто-то ей угрожал?

— Да вы что?! Она и голос никогда не повышала. А угрозы... Нет, я об этом ничего не знаю.

— Значит, ничего странного в последнее время не было?

Секретарь задумчиво пожевала нижнюю губу. На верхних зубах остались следы от помады.

— Странного... Если честно... Были сегодня два звонка, и оба на одну и ту же тему. Сперва позвонил Николаев из редакции городской газеты, спросил, когда Лариса Павловна на обед уезжает. Я ответила. А он: она домой ездит? Я говорю — нет. А он мне: вы, мол, меня, конечно, извините, я знаю, что у нее сегодня день рождения, хотел бы поздравить, но на работе как-то неудобно, лучше это сделать перед обедом в неофициальной обстановке. И спрашивает, где

она всегда обедает. В "Дубраве", отвечаю. Это же не военная тайна. А второй звонок еще интересней. Поворот: это вас из "Дубравы" беспокоят. Мы бы хотели уточнить, придет ли на обед Лариса Павловна. Мы в честь ее дня рождения маленький сюрприз решили ей приготовить. Я отвечаю, что пока ни о каких изменениях в ее распорядке дня мне неизвестно, так что приехать должна.

— И что же в этом звонке интересного?

— Когда раздался этот звонок, а у меня определитель номера стоит, на табло ничего не высветилось. Выходит, звонили-то с улицы. Из телефона-автомата. А сказали, что из "Дубравы". Вот у меня вопрос и возник — зачем же это надо на улице выходить, когда звонишь с работы?

3

Захватив из отдела Петренко и направляясь в "Триумф", Дворецкий планировал убить сразу двух зайцев — поговорить с художницей и еще раз с Тополевым. Но после того как увидел Кирилла Анатольевича, с трудом открывшего дверь, он понял, что на сегодняшний день один заяц выбыл из игры.

Тополев был пьян.

Он напился до того агрессивного состояния, в какое обычно впадают некоторые малопоьющие интеллигенты, когда их постигает беда или крупное разочарование.

Тополев долго не мог узнать пришедших, а когда до него все-таки дошло, что это за молодые люди, он, подперев дверной косяк рукой, начал громко выкрикивать, жестом останавливая Дворецкого и Петренко, когда они хотели его перебить:

— Что вам от меня надо? Я уже все сказал! Все! Ничего я больше не знаю! А может, вы хотите, чтобы я сам начал искать убийцу? И начну! Я в состоянии нанять частного детектива! Я заплачу денег! Хотите я и вам заплачу? Только найдите! Хотите? Или наша милиция денег не берет? Ха-ха-ха... — Тополев отрывисто засмеялся, рука соскользнула с косяка, и он чуть не упал. Петренко попытался ему помочь. — Только не надо меня хватать! Не надо! Вы думаете, я пьян? Я трезв как никогда! Вам понятно? Тополев никогда пьяным не был и не будет. — И неожиданно предложил: — Пойдемте выпьем, а? Пойдемте Иришку помянем! Пусть земля ей будет пухом. Царство ей небесное, место покойное. Э-эх, Иришка, Иришка...

У Тополева навернулись слезы, он резко развернулся и ушел в дом. Дворецкий с Петренко переглянулись. Юра пожал плечами, махнул рукой, мол, толку от него никакого, захлопнул дверь, и они направились к дому художницы.

4

Дверь коттеджа открыла невысокая девушка с короткой, растрепанной, почти мальчишеской прической и в маленьких круглых очках без оправы, сдвинутых на самый кончик остренького носика. Она была в светло-голубых обтягивающих джинсах и длинном, почти до колен, темно-коричневом про-

сторном свитере с закатанными по локоть рукавами. Выглядела она лет на семнадцать-восемнадцать, не больше.

Они прошли в комнату на втором этаже, служившую ей мастерской и выходящую окнами на реку.

— Несколько раз за последнее время на той стороне реки я видела людей.

— А что в этом подозрительного-то? — разочарованно протянул Петренко.

— А что в это время года людям делать в такой глухомани? Грибов и ягод еще нет. Да и вообще там ничего нет. До ближайшей деревни километров пять, если не больше. Я там бродила пару раз... Только лес и старое заброшенное кладбище, на которое и летом-то никто не приезжает.

— Люди были все время разные? — спросил Дворецкий.

— Может, конечно, это был один и тот же человек, но одет он был каждый раз по-новому. То в короткой куртке, то в чем-то длинном — плаще или пальто. Но всегда приглушенных оттенков — коричневых, темно-зеленых... Хотя... — Девушка задумалась.

— Что? — быстро спросил Юра.

— Скорее всего это был один и тот же человек.

— Высокий, низкий, вы не рассмотрели?

— Среднего роста. Да и сложно на таком расстоянии точнее определить. А главное, что приезжал он на одной и той же машине. Там близко к кладбищу подъехать нельзя, ветром еще в прошлом году поломало несколько деревьев, и они перегородили дорогу. Поэтому он машину оставлял на дальней опушке леса. Если не присматриваться, то ее особо-то и не видно с нашей стороны. Но я же рисую. Мне важны мелкие детали. Я ее и рассмотрела... Давайте я вам это место покажу. — Девушка подошла к окну и раздвинула шторы. — Идите сюда! Из окна, правда, хуже видно, чем с того места, где я рисую. Но все равно...

Дворецкий и Петренко подошли и встали у нее за спиной.

— Видите: берега реки почти на одном уровне, наш, может, немного даже пониже... Но со второго этажа — все как на ладони. Вон кладбище за мелким леском. — Она показала рукой. — Вон поле. Вон опушка большого леса. Видите? Слева. Дугой огибает поле. Там стояла машина.

— А что за машина, вы случайно не рассмотрели?

— Темная... Или совсем черная, или темно-коричневая. По-моему, иномарка. Но вполне может быть и нашей "восьмеркой" или "девяткой".

— И что же этот человек там делал?

— Бродил.

— Может, искал чью-нибудь могилу?

— Там небольшое кладбище. За один приезд его можно десять раз обойти. Если ничего не нашел, зачем еще несколько раз приезжать?

— Логично... А этот человек и в пятницу там бродил?

— Его-то я как раз в прошлую пятницу и не видела...

— Вот как... — В голосе Петренко снова послышалось разочарование.

— Да. От реки-то ничего не разглядеть. Если стоять рядом с водой, тот берег круче... А в пятницу я

как раз после болезни первый раз вышла на пленер. И рисовала где-то до обеда. Часов, может, до двух или до трех... А когда вернулась, то, знаете, практически случайно взглянула в окно. И что же вы думаете я там увидела? — Девушка выдержала небольшую паузу. — Машина стояла на своем обычном месте!..

5

Они спустились с крыльца и направились по посыпанной мелким гравием дорожке к оставленной за воротами машине. Петренко начал рассуждать:

— И что мы имеем? Не исключено, что кто-то выслеживал Тополеву? Не исключено. Радости нам от этого много? Не очень. Это и без того понятно. Прежде чем убить, нужно выследить. Об этом человеку мы что-то знаем? Только то, что он среднего роста, на нем была темная одежда и приезжал он на темной машине.

— Тополев тоже среднего роста и ездит на черной машине. И на работе его в пятницу не было с часу до четырех.

— Но у него же "Волга", а девушка сказала, что там была или иномарка, или "восьмерка", или "девятка".

— Она могла и ошибиться...

Глава шестая

1

Я решил проверить свое предположение.

Для этого мне нужно было попасть на крышу пятиэтажного дома, стоящего ближе всех к "Дубраве", с которого — я думал, что все именно так и считают, — застрелили Котову.

Я возвратился на Центральный проспект за машиной, перегнал ее к ресторану точно на то место, где стоял "Сааб". Теперь моя машина стала для меня ориентиром. Я прошел в соседний двор и, прикинув, что, как правило, в домах старой постройки выходы на чердак есть только в крайних подъездах, вошел в первый.

Еще с улицы я увидел, что в этом доме нет чердака. Значит, лестница с пятого этажа вела сразу в небольшую кирпичную будку, и из нее можно было попасть на крышу.

Мне повезло — на люке, закрывающем лаз, замка не было. Стараясь не громыхать плохо закрепленной железной лестницей, я поднялся на несколько ступенек и начал поднимать тяжелую, обитую прожарившим металлом крышку.

Перепахавшись в пыли, я вылез на крышу и огляделся. Ограждающий бордюр не предусматривался архитектурой дома, и я не рискнул подходить близко к краю. Да в этом и не было необходимости. Площадка, где я оставил машину, лежала передо мной как на ладони. Но с этого места я смотрел на нее немного сбоку. И если бы снайпер стрелял имен-

но отсюда, Лариса упала бы в противоположную от "Сааба" сторону. А она падала на капот. Значит, угол стрельбы был другим.

Я осторожно обогнул будку и прошелся по крыше до противоположного конца этого длинного шести-подъездного дома. Угол зрения значительно изменился. Сейчас я на площадку смотрел так же, как должен был смотреть и снайпер.

Но это было уже и не важно. Теперь я был более чем уверен, что снайпер стрелял не отсюда.

Метрах в ста пятидесяти от дома, по крыше которого я прогуливался, в противоположной от ресторана стороне, стоял еще один. Шестнадцатизэтажная башня. И было бы глупо занимать позицию здесь, где, кроме как за будкой, и укрыться негде, потому что тебя видно из окон башни. Но даже если и спрячешься за будкой, то тогда начинают мешать кроны старых деревьев, растущих почти вплотную к этому дому.

Значит, я был прав, когда еще внизу предположил, что снайпер выбрал позицию не на этом доме. Только я один видел, как упала Лариса. Только я один видел ее за мгновение до выстрела. И только я один мог точно определить, с какого места стреляли.

2

Утром во время совещания в отдел по расследованию убийств поднялся один из офицеров дежурной оперативной группы. Он выглядел озабоченно.

— Только что в дежурную часть позвонила женщина, сказала, что она работает у Котовых, в смысле, дома у этой банкирши... В общем, утром она обнаружила в доме труп мужчины, и ребенок у нее пропал.

Завьялов поднялся со своего места:

— Труп — муж Котовой?

— У Котовой муж полгода назад разбился на машине. — Дворецкий закурил сигарету, которую до этого долго разминал между пальцев.

— Точно, я-то что! — спохватился начальник отдела. — А ребенок домработницы?

— Нет, ребенок Котовой. Я так понял, что она и живет у них в доме. Вчера уложила мальчика, а утром встает — ребенка нет.

— Так, так, так... А сколько ребенку?

Дежурный офицер пожал плечами:

— Про возраст она ничего не сказала.

— Около двух лет. — снова заговорил Дворецкий. — Я вчера был в банке, и мне кое-что секретарь Котовой рассказала. В том числе и про ребенка.

Начальник отдела прошелся по кабинету.

— Что-то, ребята, мне эта история совсем не нравится. Женщину убивают, ее ребенок пропадает, да еще появляется какой-то мужской труп... Ладно, Леонид, и ты, Юр, — он кивнул Гладышеву и Дворецкому, — поезжайте в дом Котовой вместе с оперативной группой и выясните все на месте.

— Степан Петрович, — Дворецкий поднялся со своего места, — у меня есть еще одна свежая информация.

— По Котовой?

— Да. Вчера вечером я встречался с Николаевым. Он успел побывать на крыше дома, с которого, по на-

шим предположениям, застрелили Котову. И обстоятельно доказал мне, что с этого дома ее застрелить не могли.

— Что значит — не могли? А откуда могли?

— С шестнадцатизатяжки, которая стоит за ним. И еще одно. Предвечному удалось извлечь пулю. Она пробила капот машины и застряла в радиаторе. Он сделал вывод, что оружие то же самое, что и в деле Тополевой. Снайперская винтовка калибра “семь, шестьдесят две”. — И подытожил: — Выходит, работает один человек...

3

Лариса Павловна Котова жила в старой части города в двухэтажном особняке, окруженном высоким кирпичным забором. Заостренные верхушки изящной кованой решетки по его верху наводили на мысль, что за ним притаился полк средневековых рыцарей с копьями.

На крыльце дома стояла полноватая молодая женщина в короткой дубленке, из-под которой виднелась розовая ночная рубашка. В руке она держала носовой платок, которым промокала воспаленные, заплаканные глаза.

Дворецкий шел впереди, и, когда он поднялся на крыльцо, она бросилась к нему на грудь и зарыдала.

— Это ужас! Он там лежит... Я не могу смотреть... За что они его?..

— Пойдемте, пойдемте, здесь холодно.

Она, словно маленькая девочка, взяла его за руку и, продолжая всхлипывать, потянула направо, как только они вошли в дом.

— Я не пойду туда... Давайте сядем на кухне...

— Вы готовы ответить на наши вопросы?

— Не знаю... Попробую... Но... Я ничего не видела и не слышала. Я как таблетку вечером приняла, так и проспала всю ночь. А утром встала, смотрю, Виктора рядом нет. Думаю, может, душ принимает или на кухню пошел. Но почему без тапочек? Они же рядом с кроватью стоят. Прислушалась, вообще никаких звуков. Тишина мертвая... — Дворецкий подумал, что женщина сейчас опять заплачет, но она промакнула глаза платком и продолжила: — Мне стало страшно. Понимаете, ни с того ни с сего накатил такой страх, что я даже боялась выйти из своей комнаты. И дверь закрыта. Сажу как дура и выйти боюсь, и позвать его боюсь. Думаю, хоть бы ребенок заплакал, что ли... А в голове мысли нехорошие вертятся, и Лариса Павловна перед глазами стоит. Ужас!.. Потом собралась с силами... Везде на первом этаже посмотрела — нет Виктора. Еще зачем-то даже к входной двери подошла... — Женщина внезапно замолчала. — Подождите, подождите... А дверь-то...

— Что — дверь? — быстро переспросил Дворецкий.

— Дверь-то была закрыта на нижний замок...

— А что в этом странного?

— Как что странного? Я ее лично вечером на щеколду закрывала. А когда я подошла, щеколда была отодвинута, а дверь закрыта на нижний замок.

— А этот нижний замок как закрывается?

— Да очень просто. На нем кнопка есть, и когда

вы дверь снаружи захлопнули, то нажимаете на кнопку и замок сам закрывается. Автоматически.

— То есть вы хотите сказать, что этого человека в дом выпустил Виктор?

— Виктор? — быстро переспросила женщина, и ее глаза снова наполнились слезами. — Зачем?..

— И что же было дальше? Вот вы сказали, что осмотрели первый этаж, кроме не так закрытой входной двери ничего подозрительного не обнаружили, а дальше?

— Дальше? А что — дальше? Стою как дура у входной двери, знаю, что нужно подняться на второй этаж, а идти туда — еще страшнее. Еле-еле себя переборол, поднялась, а там... Я, я... — Было заметно, что она собирается с силами. — Я обошла Виктора и еще из коридора увидела, что в кроватке одеяльца нет и Павлуши тоже нет... Я бросилась вниз, схватила телефон — а там тишина. Я к другому — то же самое. Здесь все телефоны — радио, а они же еще и от электричества питаются. Тут-то до меня дошло, что, наверное, свет отключили. Я быстрее к соседям. От них вас и вызвала...

— Вы давно у Котовой работаете? — спросил Гладышев.

— Два года. Вообще-то я ее дальняя родственница.

— Виктор — кто он?

— Он был моим хорошим знакомым. Можно сказать, и женихом... Хотя об этом мы еще серьезно ни разу не говорили...

— А вчера вы Виктору сами позвонили?

— Да... Когда я узнала, что Ларису убили, я разревелась... А потом думаю, слезами горю не поможешь... Я телеграммы всем родственникам разослала. Так, мол, и так. Приезжайте. А самой страшно невозможно. Дом-то большой. А я одна, с маленьким ребенком... Я Виктору позвонила, все объяснила, он, конечно, мне очень посочувствовал, пособолезновал и сказал, что скоро приедет. И приехал, часов, наверное, в девять вечера. Я Павлушу как раз под душем немного помыла, бальзамом растерла — грипп же сейчас ходит, а ему что-то нездоровилось, — и мы с ним “баечку” по телевизору смотрели. — И, поймав недоуменный взгляд Дворецкого, пояснила: — Он так называет “Спокойной ночи, малыши”.

— В поведении Ларисы Павловны в последние дни вы ничего необычного не замечали? — Дворецкий вертел в руке сигарету, не решаясь закурить. — Может, она вам на что-то жаловалась, или говорила про какие-нибудь угрозы, или...

— Нет, ничего подобного не было... — Она задумалась. — Впрочем, если не считать одной гостьи в позапрошлом воскресенье. Понимаете, Лариса никогда не отличалась общительностью, а после гибели мужа еще больше замкнулась. А в то воскресенье у Павлуши день рождения был. Кое-кто приезжал, поздравлял. Из близких. Застолья, правда, особого не было. Так, дети в одной комнате, взрослые в другой. Сладкий стол, чай, кофе, фрукты. Часов в семь уже все и разошлись... А потом, ближе к девяти, приехала еще одна женщина. Ее я раньше никогда в нашем доме не видела. Привезла гору подарков. По реакции Ларисы я сразу поняла, что этот визит ей неприятен. Меня она отправила на кухню, а с гос-

твей уединилась наверху в кабинете. О чем они говорили, я не слышала, кроме одной фразы. Я принесла им кофе, и когда открывала дверь, то в этот момент Лариса просила ее больше не приезжать...

— А вы потом у Ларисы Павловны не спрашивали, кто эта женщина?

— Так, сказала, знакомая... Не буду же я к ней с расспросами лезть, если сама не хочет говорить?! Не знаю почему, но я подумала, может, она хочет на работу в банк к ней устроиться? И приехала ее уговаривать? Знаете, вроде под видом поздравить ребенка... Подарочки там всякие...

— Все может быть... — задумчиво произнес Дворецкий. — А имени ее вы не слышали?

— Нет. Мне она не представилась, а Лариса по имени ее при мне не называла.

— А выглядит как?

— Очень прилично. Лет тридцать. Холеная. Дорого одета. Вся в золоте и бриллиантах. Приехала на машине.

— На какой?

— Я не видела.

— А с чего тогда взяли, что на машине?

— После того как она ушла, в окно я увидела, как зажегся свет фар — уже темно было — и начал двигаться. То есть ее там ждала машина.

— Понятненько... — протянул Дворецкий. — И это все, что было необычного за последнее время?

— В общем-то да. Хотя... Не знаю, может, это к делу и не относится... Но...

— К делу может относиться все что угодно!

— У нас в холле около входной двери рядом с зеркалом на стене висит большой сувенирный ключ с крючочками, на который мы вешаем ключи. Там же всегда висели и запасные от дома, от гаража. В общем, все. А сейчас их нет. Но я думаю, Лариса их просто куда-то убрала.

— А когда вы это заметили?

— На неделе. Все хотела у Ларисы спросить, да забывала. А если честно, особого значения я этому и не придавала. Это сейчас почему-то вспомнила... Вы меня про необычное спрашиваете, вот в памяти и всплыло...

— А дверь, вы сказали, всегда закрываете на задвижку? То есть ее снаружи открыть невозможно?

— Конечно.

— В дом еще как-то можно попасть, кроме главного входа?

— Вообще-то да. Через гараж...

Дворецкий и Гладышев вышли на улицу. Пахло свежестью и мокрой землей.

— Это что же получается — преступник через гараж проникает в дом, по пути отключает электричество, убивает неожиданного свидетеля, крадет ребенка, закрывает дверь в подвал, потом запирает гараж и спокойно уходит. Так, что ли? Но к чему такие сложности?

— Это чтобы нам служба медом не казалась, — ответил Юра, закуривая.

Глава седьмая

Наконец-таки я дозвонился до Дворецкого.

— Юр, я был сегодня около той шестнадцатиэтажки и понял, крыша — это не самое главное. Там же несколько шестнадцатиэтажных домов в ряд стоят, а между ними пристройки. А в этих пристройках — офисы разных фирм. В том числе и банк один есть. Как раз внизу дома, с которого стреляли. Там у входа в банк и по бокам здания висят маленькие видеокамеры. Я их даже не сразу и заметил...

— Ты думаешь...

— А чего тут думать! И так все ясно! Площадка перед входом в дом однозначно должна попадать в поле зрения этих камер. Надо взять кассеты и посмотреть! Я уже звонил начальнику безопасности банка, но он довольно резко ответил, что проблемы безопасности банка — это его дело. И нечего в них соваться. В общем-то он, конечно, прав... Юр, я думаю, что тебе он так не ответит!

— Пусть только попробует! — Дворецкий усмехнулся. — Я на них тогда налоговую инспекцию вместе с налоговой полицией натравлю... — И уже серьезно спросил: — Ты к этому дому подъехать сейчас можешь?

2

Мы сидели в кабинете у одного из сотрудников банка и просматривали видеозапись. Нас интересовали все, что заходил вчера в дом начиная с одиннадцати часов.

Пока из подъезда только выходили. Вначале пожилая женщина с ребенком, потом двое подростков, лет по двенадцать.

В 11.17 к подъезду с противоположной от банка стороны приблизился какой-то мужичок среднего роста, в черной удлиненной куртке из кожзаменителя, в такой же кепке и с небольшим чемоданчиком в руках. За несколько шагов до подъезда он остановился, несколько раз глубоко затянулся, оглянулся и бросил окурочку на газон.

— Один есть. — Дворецкий повернулся ко мне. — Запиши время, — и снова уставился на экран.

Через минуту он опять выключил ускоренный просмотр.

— А вот и второй.

К стоянке подрулил светлый "Фольксваген-пассат" одной из последних моделей. Налет темно-серой грязи на его крыльях и дверцах напоминал трехдневную щетину на лице щеголя. Водитель поставил машину так, что, если внимательно приглядеться, можно было бы рассмотреть номер. Из "Фольксвагена" вышел мужчина лет тридцати пяти в длинном кашемировом пальто, захлопнул свою дверцу, открыл заднюю и с сиденья взял спортивную сумку. Когда он ее понес, чувствовалось, что она тяжелая.

— Время, время фиксируй! — Дворецкий быстро повернулся ко мне. Его глаза горели азартом.

Вернулась бабушка с внучкой.

Из подъезда вышла высокая девушка в светлом широком плаще и с целлофановым пакетом, в котором, судя по тому, как она им размахивала, лежало что-то очень легкое. Она посмотрела на небо, доста-

ла из внутреннего кармана большие солнцезащитные очки, надела их и сразу стала похожа на озабоченную стрекозу. Потом вытащила из пакета пудреницу и, глядя в маленькое зеркальце, несколькими небрежными движениями поправила прическу.

Без пяти двенадцать подъезд быстрым шагом покинул парень с кожаной сумкой-рюкзаком и тубусом. Дворецкий закурил.

— Эге, третья пташка летит.

На этот раз это была молодая женщина в короткой куртке, спортивных брюках и кроссовках. В одной руке она несла небольшой плоский и длинный ящичек, напоминающий футляр музыкального инструмента, в другой — спортивную сумку, судя по всему, легкую. Она уверенно зашла в подъезд, ни разу не обернувшись.

В течение следующего полчаса никто в дом не входил и не выходил.

Без пятнадцати час к подъезду ревматической походкой подошла полная женщина средних лет. Две тяжелые хозяйственные сумки в ее правой руке делали ее похожей на перегруженный и перекошенный на один бок автобус. В левой руке она держала носовой платок, которым через каждые два-три метра промокала лицо.

Не прошло и минуты, как на стоянку подкатила темная “девятка” с тонированными стеклами без номеров. С места пассажира поднялся невысокий плотный молодой парень в затемненных солнцезащитных очках, расстегнутой темной кожаной куртке, надетой поверх камуфлированной формы, военной кепке, надвинутой на самые глаза, и высоких военных ботинках со шнуровкой. Он открыл заднюю дверь машины и взял с сиденья такую же, как и его форма, камуфлированную сумку. Судя по всему, очень тяжелую. Он ловко перебросил ее через плечо, что-то сказал водителю, и машина сразу отъехала. Парень направился к подъезду. Водителя разглядеть не удалось.

— Опа-нас! — обрадованно протянул Дворецкий. — Это уже ближе к телу.

— Думаешь, он?

— Рано еще делать выводы... Хотя внешне все сходится. И темная машина имеется, и темная одежда, и невысокий рост... Да и выправка у него армейская. Вполне может быть профессионалом... А может, и совпадение. Первый мужичок внешне тоже соответствует.

— Тот, который с чемоданчиком?

Дворецкий кивнул.

На десять минут наступило затишье, но зато потом началось какое-то паломничество. По всей видимости, жители повалили домой на обед.

Но нас они уже не интересовали. Убийство Котовой произошло в самом начале второго, и снайпер не мог так рисковать, занимая позицию всего за несколько минут до ее приезда в ресторан.

Дворецкий нажал на кнопку паузы.

— Получается, что он или один из тех четверых, кого мы увидели, или занял позицию гораздо раньше — что маловероятно, или снимает квартиру в этом доме, что тоже сомнительно. Или... — Он потер кончик носа. — Или мы вообще не тем занимаемся... Ладно, теперь посмотрим, кто из них когда вышел...

И Дворецкий снова стал просматривать кассету в ускоренном режиме.

Первым покинул дом хозяин “Фольксвагена”. В пятнадцать минут второго он быстро спустился со ступенек, не доходя нескольких метров до стоянки, вытащил из кармана пальто брелок, нажал на кнопку, и по тому, как два раза мигнули фары, можно было понять, что он отключил сигнализацию. В руке мужчина держал все ту же сумку, но теперь она была пустой. Завел “Фольксваген” и, не дожидаясь, пока прогреется мотор, уехал.

— Запиши номер, — кивнул мне Дворецкий и немного отмотал пленку назад.

Буквально следом за ним, в час девятнадцать, из подъезда вышла женщина с футляром для музыкального инструмента и спортивной сумкой. Уверенной походкой она скрылась в той же стороне, откуда и пришла.

Через пятнадцать минут показался и тот мужичок, который заходил в подъезд первым. Он остановился на верхней ступеньке, поставил свой чемоданчик, достал сигареты и с заметным наслаждением закурил. Сделав несколько затяжек, не спеша спустился со ступенек и скрылся за углом банка.

Мы просмотрели пленку до конца, но парень в камуфляже так больше на экране и не появился.

Дворецкий остановил просмотр и тихо, ни к кому не обращаясь, пробормотал:

— Куда ж он делся-то? — По голосу было заметно, что Юра немного разочарован. — У тебя время есть? Я посмотрел на часы и пожал плечами:

— Ну-у, так, в общем-то есть...

— Просмотри следующую кассету. Может, покажется... — И обратился к хозяину кабинета: — Спасибо вам большое, почти все что надо мы увидели. Эту кассету я заберу. А мой напарник, с вашего позволения, просмотрит следующую. — И повернувшись ко мне: — А вечером я тебе звякну, узнаю...

3

Дворецкий позвонил мне в начале восьмого.

— На благо правосудия не желаешь поработать?

Я взял аппарат и, осторожно разматывая провод, перешел из коридора в свою комнату.

— А “благо правосудия” как зовут?

— Я совершенно серьезно.

— Юра, ты меня пугаешь. С каких это пор ты стал серьезным?

— Посмотри на часы. Пора в люлю, а работы по горло, — зачистил он. — Вторую ночь не спать — нет никакого желания.

— А до завтра твои дела не подождут?

— Наши дела! — с нажимом поправил меня Дворецкий и добавил: — Боюсь, что нет.

— А что делать-то надо?

— Ты машину в гараж уже поставил? — Он проигнорировал мой вопрос.

— Поставил, поставил. Приезжай на своей... А тебя, кстати, не интересует, что я на той кассете увидел?

— Очень интересует. И что же?

— Парень в камуфляже вышел из подъезда в шестнадцать пятьдесят две. И сумка у него была пустая...

Через пятнадцать минут Юра за мной заехал. Я его уже ждал около подъезда.

— Может, к нам поднимешься, поужинаешь? — предложил я. — Мама будет рада. Ты уже тысячу лет к нам не заходил!

— Не сегодня. — Юра нервно подгазовывал. — Садись, поехали!..

Я повторил свой вопрос, на который не получил ответ по телефону.

— Что делать-то будем?

— Работать... Я тебя не очень отвлек?

— А ты молодец! Вначале срываешь меня из дома, а потом спрашиваешь, не очень ли меня отвлек. — Я приоткрыл окно и закурил. — А если я скажу, что очень?

— Если бы очень, то никуда бы ты не поехал... — Дворецкий переключил скорость. — В конце-то концов, а кто меня просил, чтобы я по возможности брал его с собой, а? Кто собирался набираться опыта, а? Не ты ли?!

— Я.

— А отдел криминальных исследований в газете кто собирался организовывать? Опять не ты?

— Я-я.

— Нет, ты мне скажи, собирался с нами сотрудничать? — И сам ответил: — Собирался. Вот и сотрудничай!

Дворецкий затормозил у палатки.

— Ник, я тебе такое сейчас скажу — упадешь! Секунду. — Он выскочил из машины, купил сигарет и быстро вернулся. — Я с ней сегодня познакомился!

Я опешил:

— С кем?

— С Мариной!

— Подожди, с какой Мариной?

— С какой, с какой. Из отдела по регистрации личного автотранспорта. Забыл, что ли?

— А что я должен был помнить?!

— Ну ты даешь! Я же тебе про нее рассказывал! Помнишь? Она мне оперативно помогла найти хозяйку одной машины. Я ей за это по телефону обещал три ужина и культурную программу. Вспомнил?

— Что-то такое смутное...

— “Смутное”! — передразнил Дворецкий. — Морковку ешь, память укрепляет. Евдокимовское дело помнишь?

— Так уж месяц, наверное, после этого дела прошел!

— Для настоящих чувств — месяц не срок! Ну закрутился, не смог сразу свою программу реализовать. Сколько неотложных дел-то после этого было! Я и ей тогда честно признался, что быстро забываю, но долго помню... Так вот. После того как я кассету в банк забрал, я ее отдал в наш технический отдел, и мне там сделали фотографии. В том числе и того “Фольксвагена”. Я подумал, неплохо бы установить, кто у этого “фолькса” хозяин. А как? Да очень просто! Опять через отдел по регистрации. Тут-то я про нее и вспомнил. И про свои ужины тоже. Думаю, опять звонить — это пошло. Надо ехать. Заодно и посмотрю, что там за Мариночка...

Юра замолчал и с отсутствующим видом уставился в лобовое стекло. Я слишком хорошо знал Дворецкого и понимал, что эта театральная пауза будет длиться до тех пор, пока я его не переспрошу.

— Ну и что там за Мариночка?

Он моментально повернулся в мою сторону.

— Отпад! Ноги — от коренных зубов, грудь — как у Сабрины, талия — пальцами одной руки обхватить можно, глазищи — в пол-лица, губки — у-у!..

— Ну и?

— Что “ну и”? — И, как само собой разумеющееся, ответил: — Я влюблен!

— И это все, что ты мне хотел сказать?

— А разве этого мало?! Разве ты не хочешь порадоваться за друга?!

— Это очень много, и я очень за тебя рад.

— То-то же! — Он погрозил мне пальцем, медленно тронулся с места и аккуратно влился в поток машин.

— А сейчас мы куда едем?

— Понимаешь, завтра вечером мы с ней договорились встретиться. Все чин чинарем, как положено — сперва легкий ужин, а потом, если карта удачно ляжет, и культурная программа начнет реализовываться. Я уже все технические детали утряс. У одного приятеля жена на какие-то курсы повышения квалификации на неделю уехала, а дочку тещи забрала. Так что хата свободная есть... Ну, сам понимаешь, в нашем деле лучше все предусмотреть заранее...

— А я-то тут при чем? — Я еще никак не мог понять, что ему от меня нужно, и притом сегодня.

— Не перебивай! Я тебе уже сказал — фотографии с той кассеты уже сделали, они при мне. — Дворецкий кивнул на заднее сиденье. — Мы сейчас едем в этот дом, обходим квартиры и все выясняем. Может, они все четверо живут в этом доме, что тогда? — И сам ответил: — Тогда скорее всего пролет...

— А завтра это нельзя было сделать?

— Ну ты даешь! Ты чем слушаешь? Завтра у меня свидание.

— Так у тебя же оно вечером.

— А когда, по-твоему, всех жильцов можно заставить дома?

4

На первых трех этажах никого на фотографиях не опознали. Лишь одна женщина показала на молодого человека в камуфлированной форме и сказала, что вроде когда-то его видела в своем подъезде.

— Понимаете, наш дом не так давно заселили, мы еще толком никого и не знаем... Тем более у нас же лифт, а это людей разъединяет. Сталкиваемся-то только внизу, когда его ждем, а так... — Она развела руками. — Меньше народ стал общаться, гораздо меньше. У всех свои проблемы. Каждый живет как на своем острове. — И подытожила: — А это плохо...

Мы поднялись на червертый этаж и позвонили в крайнюю дверь. Приглушенно, где-то в глубине квартиры, залаяла собака. На нее прикрикнул мужской голос. Из-за закрытой двери тот же голос спросил:

— Кто нужен?

— Милиция.

— Я не вызывал никакой милиции.

— Мы иногда и без вызываний приезжаем.

— Что вам нужно?

— Поговорить.

— О чем?

— Может, вы дверь все-таки откроете?

Близко от двери залаяла собака, хозяин снова на нее цыкнул.

— А мне без разницы, как разговаривать — с открытой дверью или с закрытой.

Дворецкий закатил глаза и покачал головой.

— У вас цепочка на двери есть?

— А вам это зачем?

— Нам нужно показать вам кое-какие фотографии. Приоткройте дверь хотя бы, мы их вам просунем, а вы скажете, знаете кого-нибудь на них или нет.

— Вы чего, издеваетесь надо мной?!

Юра в недоумении пожал плечами, и в этот момент отворилась соседняя дверь, и на пороге оказалась женщина лет шестидесяти пяти. С распущенными по плечам седыми волосами, в пестром байковом халате и шлепанцах на босу ногу она была похожа на ведьму. Женщина окинула нас быстрым взглядом и крикнула в глубину квартиры:

— Петровна! Говорю ж тебе, у нас шумят! А ты — на лестнице, на лестнице... — Она снова повернулась к нам. — Ребят, вам кого надо?

В соседской квартире громко работал телевизор.

Дворецкий достал удостоверение, раскрыл его и показал женщине, не выпуская из рук:

— Гордской отдел по борьбе с терроризмом и организованной преступностью.

На лице женщины промелькнул испуг, но быстро сменился любопытством, и она снова крикнула в глубину квартиры:

— Петровна, иди сюда! Тут какая-то борьба с организованной преступностью пришла!

Дворецкий раскрыл папку, достал фотографии и протянул женщине:

— Посмотрите, никого из них вы не знаете?

Вместо ответа женщина снова крикнула:

— Петровна! Очки мои захвати! Они на столике около дивана! — и взяла фотографии.

Я услышал звук поворачиваемого ключа, дверь в квартиру, куда мы пытались попасть, приоткрылась, и в проеме боязливо показалась абсолютно лысая голова мужчины в темных очках.

— Лид, ты, что ль, тут орешь?

— Я, я, чего вынулся?

— Кто пришел-то?

Мужчина смотрел куда-то поверх наших голов.

— Кто, кто?! Милиция! Борьба с преступностью.

— А чего им надо-то?

— Чего, чего?! Вот фотографии принесли показать. Может, я знаю кого!

— А-а-а, — равнодушно протянул мужчина. — Тогда я пойду телевизор послушаю... — И повернул голову в сторону женщины. — Ты скоро придешь-то?

— Скоро, скоро! Ступай слушай.

Дверь закрылась, и снова повернулся ключ в замке.

— Любопытный, а бестолковый! — Женщина кивнула в сторону своей квартиры. — Слепой как крот, а все куда-то лезет!..

Из комнаты вышла еще одна женщина. Она была примерно того же возраста, что и первая, но одета в светло-голубой спортивный костюм с расстегнутой курточкой и аккуратно причесана. Казалось, что в брюках, натянутых почти до груди, она прячет футбольный мяч.

— Здравсьте! Случилось, что ль, чего? — и протянула очки соседке...

Они долго вертели в руках фотографии и несколько раз передавали их друг другу. Оказалось, что мужичок в черной куртке из кожзаменителя — тот, который зашел в подъезд первым, а вышел последним, — копия зятя какого-то деда Василия, но это точно не он, потому что тот года четыре как умер. А парень в камуфляже похож на "сына Шурки с шестого этажа".

— Я-то, правда, его живьем ни разу не видела, — заметила женщина в спортивном костюме. — Но Шурка как-то фотографию показывала. Он у нее военный, и этот, — она кивнула на фото, — вроде тоже. Пятнистая форма, она же военная?..

Дворецкий спросил номер квартиры этой Шурки, и мы, к большому для женщин сожалению, попрощались.

5

На пятом этаже дверь нам открыла хрупкая молодая женщина. У нее было очень симпатичное лицо, которое немного портила полная нижняя губа. Она зябко куталась в мужской махровый халат, доходящий почти до пола. Увидев удостоверение Дворецкого, она воскликнула, не скрывая восхищения:

— Как интересно! Заходите, заходите...

Мы прошли в просторный холл, выдержанный в темных тонах и заставленный дорогой мягкой мебелью. На одном из кресел лежал маленький темно-коричневый пуделек, который сразу же к нам подбежал, радостно тявкнул и начал так высоко подпрыгивать, словно хотел поцеловаться.

— Иди, иди отсюда. — Женщина попыталась отодвинуть его ногой, пуделек сопротивлялся, и ей пришлось на него прикрикнуть: — Пьеро, я кому сказала, иди на место!

Собака нехотя отбежала, снова свернулась в клубочек на кресле и стала с тоской смотреть на нас маленькими черными глазами, почти не моргая.

— Он у нас какой-то проститут. Стоит прийти мужчине, как он сразу проявляет к нему безудержную любовь.

— Так это — он? — удивился Дворецкий.

— А вы думали Пьеро — это оно?

— Я просто не подозревал, что могу вызывать такие бурные чувства у мужчин...

— А у женщин? — сверкнув глазами, быстро спросила хозяйка квартиры.

Юра, словно скромная старшеклассница, шокированная интимным вопросом при первом визите к гинекологу, опустил взгляд:

— Бывает..

Из комнаты детский голосок спросил:

— Мапочка, а кто там пришел?

Женщина повернулась:

— Это ко мне! Сиди, сиди на горшке, не вставай! — И обращаясь к нам: — Пойдемте на кухню, я как раз собиралась чаю попить. А вы мне компанию составите. А то я целыми днями все одна и одна. На улицу с Катькой выхожу гулять — и тоже все одна. Заезжают, конечно, иногда подружки. Но это же редко бывает!.. Мы в этот район совсем недавно пере-

ехали. Купили две квартиры на одной площадке, перепланировали, ремонт сделали и живем... Я еще никого толком и не знаю. Надоело одной, страсть!

Дворецкий сразу поинтересовался:

— А вы что, без мужа живете?

— Да уж куда там! С мужем, естественно. Но он же целыми днями работает. У него пунктик — хочет стать новым русским. Оно, конечно, хорошо, но и семье надо уделять внимание. А то что это — в восемь утра ушел, в десять вечера пришел. Поел и спать. А как же я? Я тут в четырех стенах совсем скоро озверею. Собралась выходить на работу — Катьке-то уже четвертый годик пошел, — она кивнула головой в сторону комнаты, — а он мне: давай родим второго, пока молодые. Это ж надо — давай родим! Можно подумать, ему рожать! Ему-то что — сделал дело и гуляй. А мне? Я же тоже человек... — Она на секунду замолчала и вздохнула. — Согласилась, конечно, куда деваться... — И снова затараторила без остановки: — А потом думаю — это что же, мне теперь всю жизнь беременной ходить? Сперва один, потом второй, а может, потом ему захочется и третьего, и четвертого?! — Дворецкий сделал попытку что-то спросить, но не успел. — Хорошо, хоть с деньгами проблем нет. Новые русские, куда деваться... — Женщина улыbnулась. — А я иногда над ним издаваюсь, говорю: Борис, а как ты можешь быть новым русским, если у тебя фамилия Кант? — Она серьезно посмотрела на Юру. — Да, у него фамилия Кант, представляете? И у меня, конечно, тоже... Хорошо, хоть зовут не Иммануил... — И неожиданно спросила: — Вы анекдот про это дело знаете?

— Про какое дело? — удивился Дворецкий.

— Значит, не знаете, — заключила она. — Сейчас расскажу.

— Понимаете...

— Он короткий... — И она сделала жест рукой, пресекающий дальнейшие возражения. — Абрам Моисеевич Цукербрюмель был очень состоятельным человеком. И у него как-то спрашивают: “Абрам Моисеевич, а трудно стать новым русским”? А он и говорит: “Новым-то еще куда ни шло, а вот русским — практически невозможно!” — И женщина так засмеялась, словно сама впервые услышала этот анекдот. — Здорово, правда? Прямо про моего Канта... А знаете, я ему иногда говорю: если бы ты пошел не в бизнесмены, а захотел стать философом, то тебе надо было бы менять фамилию с “Канта” на “Кантик”... Маленький такой российский философ Кантик...

— Замечательно... — Дворецкий улыbnулся и снова сделал попытку что-то спросить, но в этот момент из комнаты вышла маленькая девочка с большим розовым бантом на голове и в спущенных колготках. Она медленно передвигала ноги, путаясь в колготках, и держала перед собой на вытянутых руках горшок.

— Мамочка, я покакала! — Ее лицо сияло от радости, но в этот момент она увидела нас. — Ой!

Девочка быстро развернулась и засеменила обратно в комнату, с трудом удерживая равновесие и боясь уронить горшок. Я успел заметить у нее ниже спины красный крут от горшка.

— Ох ты, радость ты моя! — Женщина всплеснула руками. — А мамочка-то твоя совсем про тебя и забыла. — И посмотрев на Дворецкого: — Я сейчас!

Она убежала в комнату. Юра окинул взглядом холл и тихо спросил:

— Интересно, мы с тобой когда-нибудь заживем, как новые русские?

— Долго ждать придется...

— Я б подождал. Да боюсь, не дождусь...

— Юр, наверное, тот мужик на “Фольксвагене” Кант и есть?

— Хотелось бы узнать поскорее... — Он наклонился и погладил пуделя. — У меня от ее разговоров уже голова кругом идет. — И добавил, поднимаясь: — А вообще-то девчонка ничего...

Женщина вернулась. Помада на ее губах была обновлена.

— Про чай-то мы и забыли! Наверное, чайник уже остыл. Сейчас я его подогрею.

— Нет, нет, спасибо! — запротестовал Дворецкий. — У нас еще очень много работы. Как-нибудь в другой раз.

— Вы думаете, он будет, другой-то раз?

— А чем черт не шутит?!

— Сомневаюсь... — Она покачала головой. — Вам хорошо, у вас работа интересная, а я сижу тут в четырех стенах... — опять начала женщина, но Юра успел спросить:

— Вы не могли бы нам помочь?

— Я? — Она искренне удивилась. — А в чем?

Дворецкий достал из папки фотографии:

— Посмотрите, никого из них вы не знаете?

Женщина просмотрела снимки:

— Как же не знаю?! Знаю! — И она протянула Юре фотографию мужчины в черной куртке и с чемоданчиком в руке. У меня успела промелькнуть мысль — неужели это и есть Кант?! — Вот его я знаю.

— И кто он? — быстро задал вопрос Дворецкий.

— Мастер.

— В каком смысле? — удивился я.

Она пожала плечами:

— В прямом. Мастер по холодильникам.

— Он живет в вашем доме?

— Да откуда я знаю, где он живет?! Может, и в нашем доме. А может, и не в нашем...

— Вы его давно знаете?

Женщина улыbnулась:

— Конечно, давно. — И добавила: — Завтра будет третий день.

— Со вчерашнего дня, что ли?

— Ну да. — И начала пояснять: — Мы с мужем купили новый холодильник. И чего-то он стал барахлить. А пока на гарантии, муж из этой фирмы вызвал мастера. Вчера он и приходил. Толковый такой. Так быстро все сделал — минут за двадцать. Раз, раз — и готово. Я даже удивилась.

— И сразу ушел? — насторожился Дворецкий.

— Почему сразу? Не сразу. Пока то да се. Пока я чаем его напоила. Посидели, поговорили. Хотела обедом накормить, но он отказался. — Женщина испуганно посмотрела на Дворецкого. — А он что — преступник?

— А остальных вы точно не знаете?

— Говорю же вам — нет. — Она покосилась на фотографию. — Вы мне не ответили — он преступник? — Не волнуйтесь, никакой он не преступник.

— А чего ж тогда вы его ищете?

— А мы не его ищем...
— А кого?
— Обычная проверка.
— Да уж конечно, обычная проверка! С чего бы вдруг?!

Дворецкий как мог ее успокоил, и мы стали прощаться. Когда я уже открыл входную дверь, женщина неожиданно спросила:

— Знаете, чего я больше всего хочу? — И, не дожидаясь, пока мы что-то ответим, выдала: — Чтобы мой муж был постоянно беременным и сидел дома. А я бы на работу ходила...

На ее лице не было и тени улыбки.

6

“Шуркой с шестого этажа” оказалась худощавая женщина лет пятидесяти пяти в просторной клетчатой рубашке, завязанной узлом на животе, синих джинсах и с короткой, почти мужской стрижкой. У нее было холеное, моложавое, но какое-то очень нервное лицо с тонкими бескровными губами и вздрагивающими при каждом слове выщипанными бровями. После разговора Юра назвал ее “типичной стервой” и сказал, что если у нее есть дочь, то зятю впору удавиться от такой тещи.

Она долго изучала удостоверение Дворецкого, вернула его и посмотрела на меня:

— Ваше разрешите?

— Это наш молодой сотрудник. Он пока только стажирется, — ответил за меня Юра.

— Ну хорошо. И что вам нужно?

Дворецкий протянул фотографии:

— Никого из них не знаете?

Она внимательно всматривалась в каждый снимок. Когда дошла до парня в камуфлированной форме, быстро вскинула взгляд на Дворецкого:

— Что случилось с моим сыном?

— Это ваш сын?

Вместо ответа она снова спросила:

— Что с ним случилось?

— Не волнуйтесь, ничего... А что с ним могло случиться?

У женщины навернулись слезы:

— Скажите правду! Я мать, и я должна знать правду!

— Прошу вас, не волнуйтесь. Мы просто осуществляем проверку.

— Не надо меня успокаивать! Скажите, где мой сын и что с ним случилось?!

— Он живет с вами?

— Нет, у него своя квартира! — Женщина говорила все с большим и большим напором. Казалось, еще немного, и она заплачет. — Я прошу вас сказать, где мой сын! И что с ним!

— Извините, как вас зовут? — Юра вытер капельки пота с верхней губы.

— Александра Алексеевна... — И спохватившись: — Вы мне зубы не заговаривайте! Где мой сын?

— Дома! — неожиданно ответил Дворецкий.

— Как — дома? — опешила женщина.

— А где ему еще быть?

— Я не знаю... А зачем же вы тогда его ищете?

— А мы его и не ищем!

— Ну... — Она задумалась. — А эти фотографии... С ним все нормально?

— Думаю, что да.

— Думаете или нормально?

— Александра Алексеевна...

— Вы скажете, с ним все нормально? — Она начала нервно тереть узел на рубашке.

— У него есть дома телефон?

— Есть. А что?

— Позвоните и спросите.

Женщина сделала попытку наклониться к телефону, который стоял рядом на тумбочке, но потом снова спросила у Дворецкого:

— Зачем вам понадобился мой сын? Я должна знать правду!

— Когда он приходил к вам последний раз?

— Вчера. — Она удивленно перевела взгляд с Юры на меня. — А что?

— Во сколько?

— Во сколько? — переспросила она и задумалась. — Перед обедом где-то. Я точно не помню, на часы не смотрела.

— Он часто к вам приезжает?

— Да нет, не очень... У него своя семья, — сказала она, как мне показалось, с некоторым вызовом. И добавила: — И своя жизнь...

— Зачем он вчера приезжал?

— Это очень важно?

— Да.

— Проведать мать.

— И все?

— А этого разве мало?

— Думаю, достаточно...

Ее взгляд немного потеплел.

— На днях им выдали паек за несколько месяцев, вот он мне часть продуктов и привез. Консервы там всякие, тушенку, крупу... Он мать не забывает.

— А где он работает?

— Он не работает. Он служит.

— Офицер? — Это был первый вопрос, который задал я.

— Пока еще прапорщик. Но сейчас заканчивает заочный институт и скоро станет офицером.

— И долго он у вас вчера был?

Женщина зачем-то посмотрела на настенные часы.

— У него автобус до части в семнадцать сорок пять. Около пяти он от меня ушел... Да, где-то в самом начале шестого. Хотел еще зайти в радиомагазин. — И с гордостью добавила: — У него золотые руки. Он даже начальнику своей части телевизор ремонтирует.

— И он все это время был у вас дома?

— Вы мне можете сказать, что случилось? — Она снова затеребила узел на рубашке. — Он не вернулся домой? Он пропал? Он жив? — Последний вопрос она почти выкрикнула.

— Александра Алексеевна, позвоните ему домой, и он вам все сам расскажет...

Женщина набрала номер и у своей снохи, с которой говорила нервным, раздраженным голосом, быстро выяснила, что ее сын благополучно приехал, а в настоящее время находится в суточном наряде.

Она с заметным облегчением положила трубку.

Дворецкий сразу же повторил свой вопрос:

— Сын все время был у вас?

— Да. Мы с ним разговаривали. — В ее голосе снова прозвучал вызов. — Мне всегда есть о чем поговорить со своим сыном.

— А он не сказал вам, как из части добирался?

— Почему же не сказал?! Сказал. Его приятель Мишка Алаторцев, они с ним еще со школы дружат, а сейчас служат в одной части, купил машину. Не совсем новую, правда, но сын сказал, что очень хорошую. Он у меня и в машинах разбирается... И в город они вместе приехали. Сын пошел ко мне, а Мишка поехал ставить машину на учет. — И через короткую паузу спросила: — И все-таки вы мне скажите, что же случилось?

Дворецкий откашлялся:

— Александра Алексеевна, мы вынуждены перед вами извиниться. Произошла ошибка, и, к счастью, ваш сын не тот человек, что нам нужен. Тот, которого мы ищем, во-первых, гражданский, во-вторых, его мать живет в другом городе, а в-третьих, — за чем-то добавил Юра, — разведенный. И ищем мы его за систематическую неуплату алиментов.

Женщина доверительно понизила голос и дотронулась до рукава моей куртки:

— Если вас интересует мое мнение, то я ничуть не стала бы возражать, если бы узнала, что мой сын решил развестись. Тем более детей у них пока нет...

7

Осталось еще шесть этажей, а нам с Дворецким уже порядком поднадоело это хождение по квартирам. Особенно после того, как выяснилось, что подозреваемый номер один — парень в камуфляже — совсем не тот, за кого мы его принимали.

Люди, с которыми нам приходилось беседовать, тоже не были в восторге от наших визитов. Некоторые общались через приоткрытую дверь с наброшенной цепочкой. Другие просто не открывали, увидев через глазок двух незнакомых молодых людей. Находились, правда, и такие, кто открывал дверь, даже не поинтересовавшись, кто за ней стоит. Видно, телевизионно-газетные ужасы о царящем в стране разгуле преступности еще недостаточно глубоко проникли в их доверчивое сознание.

В одной из квартир Дворецкий даже не выдержал и поинтересовался:

— И вы не боитесь на ночь глядя дверь незнакому открывать? Хоть бы глазок врезали...

— А чего у меня воровать-то?! — ответила женщина лет сорока пяти, с руками, почти по локоть перепачканными в муке. — Что было ценного — муж пропил, царствие ему небесное, а что осталось — и даром никому не нужно. — И добавила, грустно улыбнувшись: — И я в том числе...

Мужчина с одиннадцатого этажа долго кричал из глубины квартиры: "Секундочку, иду, иду, иду!". Наконец дверь открылась.

— Здравьете! — Он кивнул головой, словно курица, которая что-то клюнула. — Вы ко мне?

Дворецкий показал раскрытое удостоверение:

— Городской отдел по борьбе с терроризмом и организованной преступностью.

— Ого! — Мужчина поправил свой головной убор.

— И кто у нас преступник?

— Пройти можно?

— Если не боитесь испачкаться! У меня тут ремонт.

В своей нелепой пилотке и круглых очках он напоминал известного мультипликационного кролика.

— А что, собственно, случилось?

Дворецкий показал фотографии:

— Кого-нибудь узнаете?

Мужчина сделал попытку взять снимки, потом со словами "пардон, пардон" долго вытирал руки о джинсы и наконец стал рассматривать фотографии, держа их за края.

— Я так понимаю, они все заходили в наш подъезд?

Он поднял взгляд на Дворецкого и дождался, пока Юра кивнул ему в ответ.

— Они все живут в нашем доме?

— Сомнительно.

— Преступная группировка?

— Вы никого из них не знаете? — В голосе Дворецкого прозвучали металлические нотки.

— А вам нужно, чтобы я точно сказал — знаю?

— А разве можно неточно?

— Понимаете... — Мужчина почесал кончик носа, скосив на него глаза. — Вот про этих троих, — он передал Дворецкому фотографии, — я могу точно сказать, что никогда раньше не видел. А вот про нее, — он протянул фотографию женщины в спортивном костюме, — я так сказать не могу.

— Вы ее знаете?

— И утверждать, что знаю, не могу.

— А что можете? — Мне показалось, что Дворецкий начинает терять терпение.

— Видите ли, прошло уже слишком много времени. — Он повернул голову и посмотрел на потолок. — Надо же, уже пятнадцать лет.. Мне в школе очень нравилась одна девочка. Я тогда был не особо общительным. Замкнутым, правда, тоже не назовешь, но так чтобы подойти к девушке и познакомиться, я не мог. А она была на два года младше. Заводная такая, компанейская. Многим нравилась...

— Это она?

— Точно не берусь говорить, но очень похожа. Пятнадцать лет — это вам не шутка.

— Как ее зовут?

— Светлана.

— А фамилия?

— Ну вы спросили! Да откуда ж я знаю! Мы с ней так и не познакомились. Для меня она так и осталась в памяти "Светой из восьмого "Б".

— В какой школе вы учились?

— В шестнадцатой.

— И закончили ее...

Я начал прикидывать, когда это произошло, но он мне подсказал:

— В восемьдесят втором году.

— А она, получается, в восемьдесят четвертом?

— Получается... — Мужчина поправил пилотку и спросил: — А что она делала в моем подъезде?

— Мы обязательно у нее это спросим...

(Окончание следует)

ЧЕМПИОН МИРА — "КРАПОВИК"

1 сентября, после того как Дима впервые пришел из школы, отец повел его в секцию самбо.

— Первоклашек не берем,

— тренер был категоричен, — приходите года через два.

Но и отец Дмитрия был непреклонен. К этому времени его сына уже брали в Ленинградскую школу олимпийского резерва. Дима с пяти лет занимался гимнастикой и к семи годам уже выполнил норматив 2-го юношеского разряда. Только тот факт, что сын будет жить далеко от Улан-Удэ, остановил родителей.

— Если он залезет на шест не хуже последнего, не меньше его отожмется и подтянется, так уж и быть, возьмем.

Третьеклассники, с усмешкой глядя на новичка, обступили шесты. И едва первый из них успел долезть до верха, как Дима уже приветствовал его с земли. Подтянулся он тридцать раз. Мог бы и побольше, но тренер остановил его. Категоричность сменилась удивлением. Берем!

Именно этого тренера, Владимира Игнатьевича Ножикова, который и привил любовь к борьбе, с особой благодарностью вспоминает сейчас Дмитрий. На первых тренировках и соревнованиях присутствовал и отец Димы, который указывал сыну на недостатки.

Стремление быть первым — отличительная черта характера Дмитрия. Первым в спорте и первым в учебе. В 9 классе он принимает участие в городской

олимпиаде по физике, а в 1995 году заканчивает школу с серебряной медалью. Вопрос о выборе будущей профессии не стоял — с детства Дмитрий решил, что станет военным. По окончании школы он подает документы в Саратовский Краснознаменный институт внутренних войск МВД России. Вступительные экзамены сданы успешно, и в августе Дмитрий Каун становится курсантом. С этого же момента он попадает и в сборную института по борьбе самбо.

БУДУЩЕЕ У ТЕБЯ ЕСТЬ

В тот год на базе Пермского института внутренних войск проводился чемпионат внутренних войск по спортивному самбо среди институтов ВВ МВД РФ. Времени на подготовку — минимум. Снова напряженные тренировки в сочетании с учебным процессом и службой в нарядах и караулах. Хорошо, что в институте были опытные преподаватели по борьбе и рукопашному бою, которые за сравнительно короткое время натаскали курсанта.

Старшие преподаватели кафедры физподготовки подполковники Юрий Ганчук (мастер спорта по самбо) и Олег Чирков (заслуженный тренер по рукопашному бою) были профессионалами своего дела и поначалу не давали ни минуты перерыва. Почти перед самым выездом на соревнования офицеры убедились, что уровень подготовки первокурсника соответствующий.

На этих первых войсковых со-

В полуфинале он встретился с негром. Здоровенный лысый ребенок представлял школу каратэ "BUSHI-DO". Это Дима сразу понял по стойке соперника. Вокруг светили софиты, слепя глаза, отвлекали внимание спящие телевизионные камеры. Соперник, играя мышцами, производил угрожающее впечатление. Удар гонга! Схватка началась!

... Неожиданно негр на долю секунды зафиксировал удар. Это было роковой ошибкой для него и подарком для Дмитрия. Доля секунды — рука соперника захвачена, мгновенный бросок — противник лежит на ковре. Это было так неожиданно, что темнокожий боец растерялся. Дмитрий не успел до конца вывернуть руку на болевой прием, как негр уже застучал по коврам. Победа!

Эта схватка длилась полторы минуты и была признана самой короткой на Первом открытом чемпионате мира по боевому самбо, который проводился во Франции. Старший лейтенант из 8-го отряда специального назначения "Русь" внутренних войск МВД России Дмитрий Каун вышел в финал. Ему предстояла схватка за звание чемпиона мира.

ревнованиях Дмитрий выиграл бой у чемпиона внутренних войск, но по штрафным баллам в итоге проиграл одну схватку. В полуфинале против неизвестного курсанта из Саратова вышел старший лейтенант из пермского института. Схватка была упорной. После соревнований недавний противник из команды Перми подошел к Дмитрию, чтобы познакомиться. Узнав, что его соперник учится на первом курсе, он был очень удивлен. "Будущее у тебя есть!" — сказал он на прощание. На последующих соревнованиях Дмитрий не раз встречался с ним, но этот офицер уже был судьей, и он искренне радовался успехам бывшего соперника.

Звание мастера спорта по боевому самбо Каун получил в Москве. В октябре 1999 года в спортивной школе "Самбо-70" проходил турнир внутренних войск по спортивному самбо. В первой же схватке против курсанта Кауна вышел спортсмен очень высокого уровня. Поединок был жестоким. В той схватке Дмитрий потянул сухожилие и перебил мышцы правой руки. От ударов соперника отек один глаз,

но и противник был травмирован. Это было лишь начало турнира. Ребятам из команды саратовского института казалось, что все уже потеряно. Дима не сможет выполнить норматив мастера на этих соревнованиях. Но Каун не сдался. Несмотря на то, что нестерпимо болели рука и грудь, Дима находил силы выйти на ковер, подстегивая себя мыслью, что именно сейчас он должен выполнить норматив мастера спорта. Вышел на ринг со слезами на глазах.

И все-таки он выполнил норматив! Но чего ему это стоило. Только после рентгена Дмитрий узнал, что в первом поединке у него было сломано ребро. В Саратовском институте внутренних войск курсант Каун стал вторым мастером спорта по самбо. Первым был его тренер и преподаватель физподготовки подполковник Юрий Ганчук.

ХОЧУ СЛУЖИТЬ В СПЕЦНАЗЕ

Время в институте летело быстро. Учеба, служба, тренировки, соревнования... Заканчивался пятый год обучения. Близилось распределение. Курсант Дмитрий Каун никогда не учился во взводе спецназа, хотя на первом курсе буквально завалил командование батальона рапортами с просьбой о переводе.

С мыслью о службе в спецназе Дмитрий не расставался никогда. Это он и сказал на собеседовании

перед выпуском. Впереди были государственные экзамены, и Каун был одним из явных претендентов на получение красного диплома, что давало определенные преимущества при распределении.

— Где хочешь служить?

— В спецназе.

— Отлично. А в какой отряд хочешь?

— В “Витязь” или в “Русь”.

— Ты туда не попадешь. Сам знаешь, что все занято. Подумай. Есть неплохие должности в Отдельной дивизии оперативного назначения...

Но, несмотря на то, что командование батальона и института склоняло его к службе в ОДОНе, Каун был непреклонен. Во время полевой практики, предшествующей выпускным государственным экзаменам, в перерыве между занятиями по тактике внутренних войск в учебный центр приехал начальник отдела кадров института. Дмитрий решил сам обратиться к нему. Терять уже было нечего.

— Товарищ полковник, я хотел бы попасть в отряд специального назначения “Русь”.

— О спортивных достижениях слышан. Не подведешь?

— Никак нет!

На глазах у выпускника начальник отдела кадров написал его фамилию напротив номера войсковой части отряда. В “Русь” отбирали лучших из лучших.

О своем выборе Дмитрий не пожалел. По его словам, отряд “Русь” — настоящая боевая семья, где все офицеры живут общим делом. И где, как не в отряде спецназа, можно повышать свои бойцовские качества?

Каждый день после окончания рабочего дня он идет на тренировку в школу имени В. Харлампиева, одного из основателей самбо. Сейчас Дмитрий занимается в клубе боевого самбо у ученика Харлампиева — Валерия Волостных.

ЧЕМПИОН МИРА

Подтверждение высоких спортивных результатов Дмитрия — его включение в состав сборной

России на Первом открытом чемпионате мира по боевому самбо, который проводился в Ницце с 3 по 10 ноября 2001 года. На него помимо нашей команды приехали спортсмены из Франции, Украины, Беларуси, Грузии, Соединенных Штатов Америки...

Перед началом соревнований спортсмены, в том числе и Дмитрий Каун, показывали разрешенные и запрещенные удары. Выступление было проведено настолько профессионально, что по окончании его некоторые иностранцы решили не встречаться на ковре с российскими коллегами. “Ребята на прогулку приехали” — это мнение было единодушным в российской команде. Как можно участвовать в соревнованиях, если ты не уверен в собственных силах?

... В финале Дмитрий также

встретился с негром. Как и первый, он представлял команду Франции. Каун его заметил еще до финальной схватки. Будущий противник был неплохо подготовлен по борьбе: он отменно проводил броски. К тому же Дмитрий для себя отметил, что у этого негра хорошо поставлены удары. Подтверждением его мыслей явилось то, что в финал этот спортсмен, как и Каун, вышел без особого напряжения.

Начало поединка зрителям казалось вялым. Но сами спортсмены были напряжены до предела. В первые секунды Дмитрий специально подставился под “лоу” (удар ногой в бедро). В следующую секунду противник получил ответный. Оба соперника синхронно потеряли бедра. Через мгновение негр ринулся в ближний бой, но, получив отпор, отошел. Эти действия также были не оценены судьями, хотя

каждый из бойцов понял, что и в ближнем бою его соперник не промах.

Поэтому противники искали возможность использования ошибки другого. После первой минуты оба получили замечания за отсутствие оцениваемых движений.

Тогда Дмитрий усилил напор. Негр попытался к краю ковра, зная, что заход принесет предупреждение. Этим Дмитрий и вынудил его отвлечься: краем глаза на долю секунды соперник покосился назад. В этот момент Каун резко поднырнул под плечо и сделал бросок. Счет 4:0 в пользу борца из России.

До конца поединка оставалось 2 минуты. Выигрывая, тянуть время нельзя — обязательно подставиться. Это Дмитрий усвоил еще с прежних соревнований. Сопернику необходимо было отыгрываться, а по возможности выигрывать. Видимо, это ему и кричали зрители и тренер.

Пользуясь этим, Дмитрий приоткрылся. Соперник опустил глаза, и в тот же момент Каун скорее инстинктивно почувствовал, чем увидел, что нога противника уже летит для удара в корпус. Резкий блок. И сразу прямой удар в голову. Затем ногой в подбородок. Противник падает на спину. Чистая победа.

В этот день гимн России звучал пять раз. В восьми весовых категориях российская команда выставила пять спортсменов и все заняли первые места. А старший лейтенант Дмитрий Каун к титулу мастера спорта по рукопашному бою и мастера спорта по самбо добавил титул мастера спорта международного класса по боевому самбо.

P.S. Служивцы высоко оценили спортивные достижения Дмитрия. Во время сдачи квалификационного экзамена на право ношения крапового берета единогласным решением совета “краповых беретов” отряда “Русь” старший лейтенант Дмитрий Каун был освобожден от прохождения заключительной части экзамена — спарринга.

Капитан Альберт КУДРЯШОВ
Фото из архива семьи Д.КАУНА

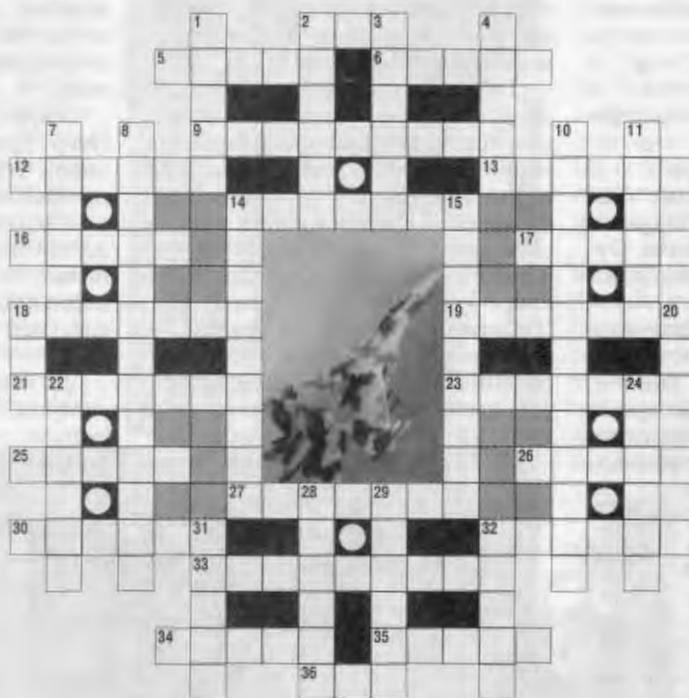
КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Долговременная огневая точка. 5. Водосток в нижней части трюма. 6. Участок местности, оборудованный для ведения военных действий. 9. Метательное оружие, применявшееся до изобретения огнестрельного оружия. 12. Высший военный орден, введенный в СССР в 1943 г. 13. Лицо командного и начальствующего состава в Вооруженных силах. 14. Деталь стрелкового оружия, служащая для упора в плечо при выстреле. 16. Военачальник, в Великую Отечественную войну командовал 65-й армией, дважды Герой Советского Союза. 17. Прицельное устройство для наведения стрелкового оружия в цель. 18. Лицо рядового состава военно-медицинской службы. 19. Один из героев романа И. Акулова "Крещение". 21. Советский специалист в области судостроения. 23. Высшее воинское звание на флоте, введенное Петром I. 25. Первый концентрационный лагерь в фашистской Германии, созданный в 1933 г. близ Мюнхена. 26. Русский зодчий XVI в., создавший совместно с Постником храм Василия Блаженного. 27. Человек, награжденный орденом. 30. Стихотворение К. Симонова, написанное в годы войны. 32. Эпическая поэма Гюмера. 33. Летчик, первым применивший ночной таран в 1941 г. 34. Способ передачи (приема) сообщений (сигналов) на расстоянии. 35. Настоящая фамилия штандартенфюрера Штирлица из фильма "Семнадцать мгновений весны". 36. Река в Болгарии, правый приток Дуная.

По вертикали:

1. Драматическое произведение. 2. Песня военных лет композитора А. Новикова на стихи Л. Ошанина. 3. Взрывчатое вещество, применяемое для снаряжения боеприпасов и для взрывных работ.

4. Выходное отверстие канала огнестрельного оружия. 7. Дорога в прифронтовой полосе, проходящая параллельно линии фронта. 8. Перевод вооруженных сил и народного хозяйства страны с военного положения на мирное. 10. Подчинение экономической и общественной жизни подготовке к войне. 11. Село в Белоруссии, где в 1943 г. впервые вступила в бой с немецко-фашистскими войсками 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко. 14. Участок канала ствола огнестрельного оружия, где помещается гильза патрона. 15. Заряд для детонации основного взрыв-

чатого вещества. 18. Поэма П. Антокольского, посвященная памяти погибшего на фронте в 1942 г. сына. 20. Земляная насыпь, служащая препятствием для наступающего противника и боевой позицией для обороняющихся. 22. Адмирал Флота Советского Союза, в 1941—1943 гг. начальник Главного штаба ВМФ, Герой Советского Союза. 24. Большое соединение кораблей, действующих согласованно с другими видами Вооруженных сил (самолетами, танками). 28. Инженер в романе И.Эренбурга "Буря". 29. Отравляющее вещество раздражающего и кожно-нарывного действия, использовалось в Первую мировую войну. 31. Американская межконтинентальная баллистическая ракета, находившаяся на вооружении до 1964 г. 32. Русская поэтесса, автор поэмы "Пулковский меридиан" о подвиге блокадного Ленинграда.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12, 2001

По горизонтали: 7. Молох. 8. Фаланга. 10. Зерцало. 11. Протекторат. 15. Рота. 17. Пляц. 18. Киев. 19. Сводка. 23. Ярко. 24. Дзот. 25. Истребитель. 28. Завеса. 29. Желтов. 30. Наработка.

По вертикали: 1. Пластов. 2. Синоп. 3. Зорге. 4. Кольт. 5. Иприт. 6. Пилотаж. 9. АМО. 10. Заряжание. 12. Ранверсман. 13. Трассер. 14. Казо. 16. Ави́зо. 17. Парад. 20. Дивизион. 21. Граната. 22. Воевода. 26. "Ермак". 27. Ложа.

На войне Владимир Кириллович КАРПЕКО (1922-1993) был фронтовым разведчиком, пять раз ранен, дважды контужен, награжден орденами и медалями. Великая Отечественная началась для него ленинградской блокадой, а завершилась боями за Берлин. "Широкая дорога" — так называлась его первая поэтическая книжка, увидевшая свет в 1950 году. Затем в нашей стране и за рубежом вышло два десятка книг стихов и прозы поэта, во многих кинофильмах звучат песни на его слова. За сборник "Наследники гроз" он удостоился премии им. А. Фадеева. Многие годы Владимир Кириллович был автором нашего журнала. В нынешнем феврале ему исполнилось бы 80 лет.

Дорога под небом

Короткой казалась дорога -
ее ограничила мгла.

Тревога, тревога, тревога
в щербатых воронках жила.

Казалось, дорога кончалась
в пятнадцати с чем-то шагах....
А низкое небо качалось,
качалось на наших штыках.

В тумане, от зарева рыжем,
прожекторов меркли мечи.
И — к черепу череп — булыжник
мерцал перед нами в ночи.

Прошли мы пятнадцать, и двадцать,
и сотни, и тыщи шагов,
и небо устало качаться
на лезвиях наших штыков.

Не надо ни водки, ни хлеба —
упасть и лежать на спине...
Привал. Но качается небо -
по небу идем на войне.

По звездам идем и по солнцам,
топча каблуком облака...

А чья-то звезда оборвется,
и роте не хватит штыка.

И чья-то дорога короче,
чем та, что осталась живым,
чем та, что, быть может, пророчит
такую ж судьбу остальным.

Такие же вихри косые
могилы других заметут...
Но все Ярославны России
надеются, плачут и ждут.

Надейтесь... (О пулю споткнется!)
И плачьте... (Он рухнет ничком,
и горестно небо качнется
над этим последним штыком!)

"Дороге — конец..." — замирая,
мелькнет в голове у бойца.
Он так и затихнет, не зная,
что нет у дороги конца.

Затихнет, не зная, что следом
торопятся маршевики,
шагают, упавшее небо
успев подхватить на штыки.

